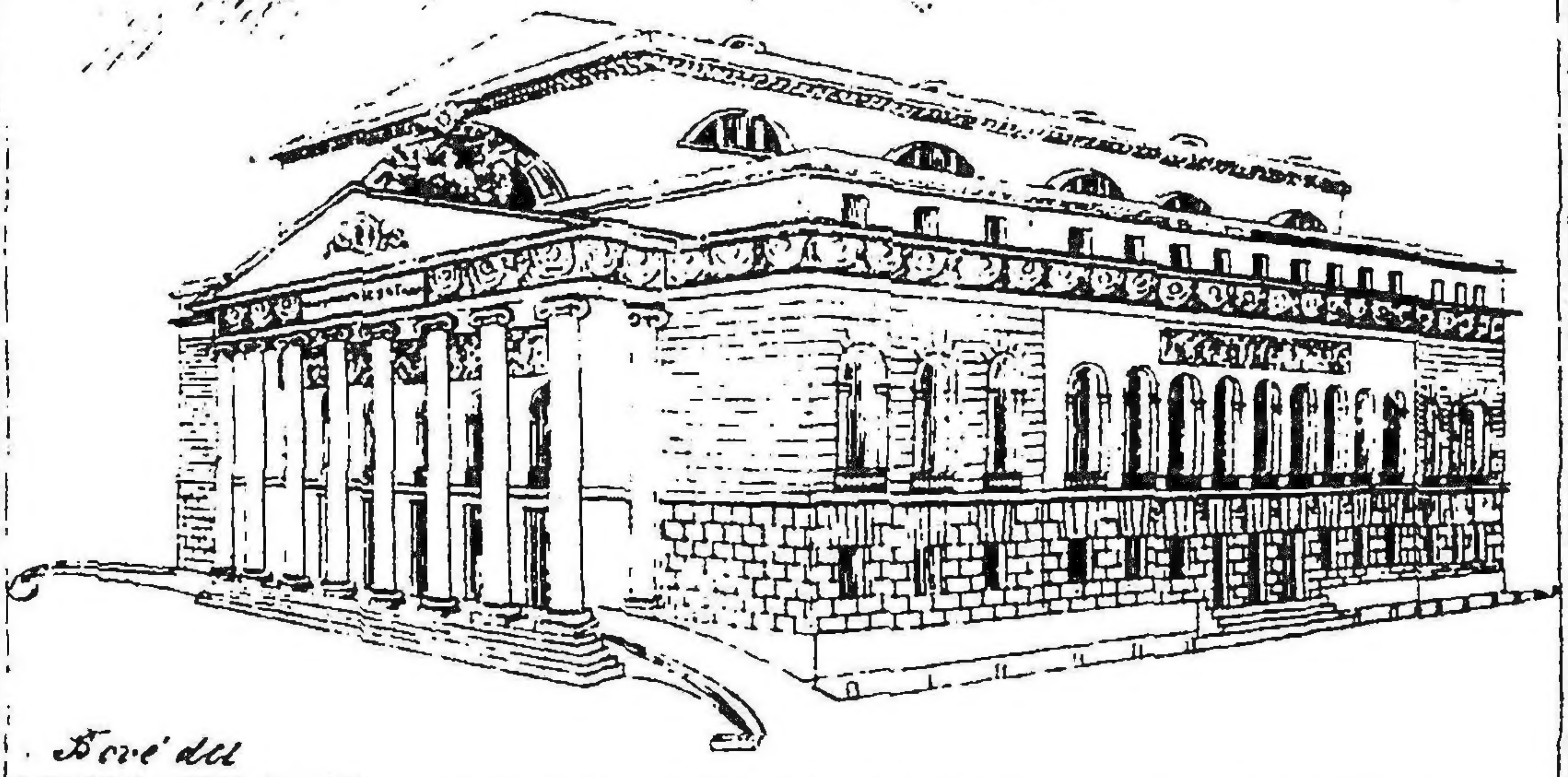
ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ



Москва.

1826.

И.С. МОЧАЛОВЪ.

Въ ролѣ Фингала (траг: Финг:)

ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

для

ЛЮБИТЕЛЕЙ ТЕАТРА

и

МУЗЫКИ

на 1826 годъ.

издаваемый

А. Писаревымъ и *А. Верстовскимъ.*

Книжка I.

№ 39 [redacted]

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра.

У Содержателя А. Похорскаго.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ семь екземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 30 дня, 1825 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

2007053276

ОГЛАВЛЕНІЕ

первой книжки.

		Стран.
I.	Разговоръ одного изъ издателей Драматическаго Альбома съ будущимъ читателемъ онаго (А. П.)	1.
II.	Изъ Есхиловой трагедіи Агамемнонъ (А. Ѳ. Мерзлякова) . .	12.
III.	— комедіи Урокъ Сиарикамъ (Ѳ. Ѳ. Кокошкина)	31.
IV.	— Волшебной Трилогіи Финъ (Кн. А. А. Шаховскаго) . .	59.
V.	— комедіи Свѣтской случай (Н. И. Хмѣльницкаго) . . .	93.
VI.	— водевиля Хлопотунъ, или дѣло мастера боится (А. П.)	129.
VII.	О качествахъ, необходимыхъ для Драматическаго Артиста (....я .....ъ .....аго)	132.
VIII.	Изъ комедіи Чванство Транжирина (Кн. А. А. Шаховскаго)	149.
IX.	— комедіи Благородной Театръ (М. Н. З.)	170.

Стран.

X. Изъ водевиля Фениксъ, или Утро журналиста (Кн. А. А. Шаховскаго) . . . . . 193.
XI. Изъ трагедіи Марія Стуартъ (Н. Ф. Павлова) . . . . . 204.
XII. Отрывки изъ исторіи Драматической музыки (А. Верстовскаго) . . . . . 221.
XIII. Выкупъ Барда, или сила пѣснопѣнія, Драматическая картина (М. А. Дмитріева) . . 234.
XIV. Изъ комедіи Школа женщинъ (Н. И. Хмѣльницкаго) . . . 254.
XV. — водевиля Тридцать тысячь человѣкъ, или находка хуже потери (А. Писарева) . . . 283.
XVI. — комедіи Егоизмъ и Филантропія (М. М. Карніолина Пинскаго) . . . . . 286.
XVII. — трагедіи Оресть (Альфіери) 302.
XVIII. — водевиля встрѣча Дилижансовъ (А. П.). . . . . 313.
XIX. — трагедіи Андромаха (Н. Ф. Павлова) . . . . . 316.
XX. Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ, прологъ комедіи

Стран.
Христофоръ Колумбъ (А. Писарева) . . . . . 323.
XXI. Театральные Анекдоты . . . 354.

Второй книжки (Музыка).

1. Изъ оперы-водевиль: Деревенской Философъ, слова М. Н. Загоскина, музыка А. А. Алябьева . . . . 363.
2. — оперы-водевиль: Просипель, слова А. Писарева, музыка Графа М. Ю. Віельгорскаго . . . . . 364.
3. — оперы-водевиль: Учипель и Ученикъ, слова М. А. Дмитріева, музыка А. Верстовскаго . . . . 365.
4. Послѣдніе куплеты изъ оперы-водевиль: Тридцать тысячь человѣкъ, слова А. Писарева, музыка А. Верстовскаго . . . . . 366.
5. Изъ оперы-водевиль: Встрѣча Дилижансовъ, слова А. Писарева, музыка А. Верстовскаго . . . . 367.
6. Послѣдніе куплеты изъ оперы-водевиль: Учипель и Ученикъ, слова А. Писарева, музыка А. Верстовскаго 368.
7. Изъ оперы-водевиль: Просипель, слова А. Писарева, музыка Ѳ. Е. Шольца 370.

Стран.

3. Послѣдніе куплеты изъ оперы-водевиль: Встрѣча Дилижансовъ, слова А. Писарева, музыка А. Верстовскаго . . . . . 372.
9. Тамъ же, слова П. Н. А, музыка А. А. Алябьева . . . . . 373.
10. Изъ оперы-водевиль: Хлопотунъ, или дѣло мастера боится, слова А. Писарева, музыка А. Верстовскаго . 374.
11. — оперы-водевиль: Хлопотунъ, или дѣло мастера боится, слова А. Писарева, музыка А. А. Алябьева . —
12. — оперы - водевиль : Деревенской Философъ, слова М. Н. Загоскина, музыка А. А. Алябьева . . . . 375.

I.

Разговоръ одного изъ издателей Драматического Альбома съ будущимъ (*) читателемъ онаго.

Издатель. Прошу васъ удѣлить нѣсколько времени на просмотрѣніе нашего Альманаха; знаю, что для многихъ вашихъ товарищей танцы, карты, визиты, злословіе, моды, или даже новой Романъ Д'Арлекура, дороже всякой *Русской* книги; но вы не похожи на нихъ; вы вѣрно радуетесь всякому новому явленію въ нашей словесности и будете съ удовольствіемъ читать опыты нашихъ драматическихъ Писателей.

(*) Если будетъ.

Читатель. Вы угадали. — Я точно люблю словесность, особенно *Русскую* и радуюсь каждой новости, особенно, Драматической. — Но что за привычка у васъ, Милостивые Государи, вѣчно перенимать другъ у друга? — Вышелъ одинъ Альманахъ — и появилось ихъ множество; стали читать журналы и я думаю скоро цѣховые и мѣщане сдѣлаются журналистами.

И. За то есть и цѣховые писатели. — Но позвольте отвѣчать на вашу выходку. — Бываетъ время, когда природа утомится производить большихъ писателей, а Публика читать большія произведенія. Тогда господствуютъ Журналы и Альманахи: одни легкимъ и пріятнымъ образомъ *должны* сообщать новыя завоеванія ума человѣческаго; другіе собираютъ то, что по содержанію, или по слогу, можетъ прожить долѣе ефемерной журнальной статьи.

Ч. Понимаю. — Журналъ есть цвѣтникъ, гдѣ найдешь и розы и праву и песокъ; Аль-

манахъ же можно сравнить съ букетомъ, въ которой помѣщаются цвѣты избранные!...

И. По возможности. — Есть еще причина, по которой Журналы и Альманахи необходимы въ Россіи. Наша Публика вообще не любитъ читать; она жалуется, когда чтеніе превращается въ обязанность, а большая книга требуетъ такого непрерывнаго чтенія. — Журналы и Альманахи не могутъ утомить читателя (*впрочемъ нѣтъ правила безъ исключенія*): окончивъ одну статью, можно отложить чтеніе другой до первой минуты свободы, или доброй воли! — Сверхъ того наша Публика не любитъ имѣть собственнаго мнѣнія: ей нужно, чтобы кто нибудь указалъ на хорошее произведеніе извѣстнаго Писателя, или на счастливые опыты начинающаго; иначе она никогда бы не отыскала ихъ въ кучѣ книгъ; Альманахи же помогаютъ ей въ этомъ.

Ч. Vous êtes orfèvre, Monsieur Josse! — То, что вы сказали, относится къ Альма-

нахамъ въ родѣ Полярной Звѣзды; но для чего издавать Альманахъ Драмматической, въ которомъ все опрывки, да опрывки!....

И. Имѣющіе отдѣльный смыслъ. — Наша словесность очень не богата Драмматическими сочиненіями: ежегодно выходитъ въ свѣтъ двѣ или три пьесы. — Альманахъ соединяетъ въ себѣ плоды многихъ годовъ; одна статья напомнитъ вамъ удовольствіе, которое вы уже вкусили какъ зритель; другая обѣщаетъ вамъ будущее наслажденіе; въ иной знакомитесь вы съ иностраннымъ писателемъ, котораго не знали прежде и который достоинъ занять васъ; въ другой повѣряете собственныя сужденія о какой нибудь отрасли театральнаго искуства.

Ч. Очень хорошо. — Хотя я и не журналистъ, но не имѣвъ еще времени прочесть вашу книжку, стану судить ее по оглавленію, сравнивая съ прошлогодней Талісю, потому что ето собраніе въ родѣ Таліи.

И. Точно такъ же какъ Талія въ родѣ

другихъ Альманаховъ. Прежде всего скажите, что вы думаете о наружной формѣ нашего изданія, о помѣщеніи въ немъ музыки, о раздѣленіи на двѣ книжки?

Ч. Форматъ хорошъ и лучше формата Таліи, которая огромностію своею болѣе похожа на Лексиконъ, нежели на карманный подарокъ и вѣрно не помѣстится даже въ карманѣ лихоимца, или въ ридикюлѣ экономки! — Вы хорошо сдѣлали помѣстивши въ свой Альманахъ музыку; а еще лучше, что отдѣлили ее отъ поезіи.

И. По чему же?

Ч. Потому, что иные сочли бы музыку вещью *ad libitum*, а для другихъ поезія была бы ни что иное, какъ не нужное украшеніе, какъ лѣпная работа въ архитектурѣ, рулада въ пѣніи, или пируетъ въ мимикѣ.

И. Очень благодаренъ вамъ за похвалу наружной формѣ и раздѣленію нашего изданія; но что скажете вы о внутреннемъ содержаніи?

Ч. Начнемъ сначала: для чего нѣтъ у васъ предисловія?

И. По двумъ причинамъ: во первыхъ, предисловія вышли изъ моды; во вторыхъ, я надѣялся, что теперешній разговоръ нашъ замѣнитъ ихъ.

Ч. Но вѣроятно онъ не будетъ продолжителенъ.

И. Тѣмъ лучше.... то есть для предисловія; а я всегда почту за удовольствіе говорить съ вами!

Ч. Безъ комплиментовъ! — Судя по оглавленію, я вижу, что книжка ваша должна успѣть Таліи; у васъ нѣтъ отрывковъ изъ Венцеслава, изъ Андромахи, изъ Силлы, изъ Мономаха, изъ Меропы....

И. Мы сами жалѣемъ, что у насъ нѣтъ отрывковъ изъ Венцеслава, которые естественностію стиховъ и обдуманностію монологовъ украсили бы всякое изданіе. Сцены изъ Андромахи замѣнены у насъ сценой изъ Расиновой трагедіи того же имени и мы

предоставляемъ вамъ судить: кто выражается лучшими стихами — наша Герміона или Андромаха Русской Таліи. Клочки изъ Силлы, Мономаха и Меропы едва ли могутъ быть гдѣ нибудь украшеніемъ....

Ч. Оставимте ето и посмотримъ, чѣмъ же вы замѣнили недостатокъ въ етихъ спектаклях?

И. Недостатокъ, которой иногда очень выгоденъ. Хотя разныя имена *наполняютъ* Русскую Талію и нашъ Альманахъ, но одинъ и тѣ же *украшаютъ* ихъ. И у насъ увидите вы отрывки изъ *Финна*, прелестнаго произведенія *перваго* нашего Драматическаго Писателя; *перваго* по таланту изобрѣтенія и по трудолюбію и разнообразію. Его же сцены изъ комедіи: *Чванство Транжирина* и Водевиля: *Фениксъ*, вѣрно развеселятъ васъ на счетъ грубаго невѣжества провинціаловъ и просвѣщеннаго невѣжества — журналистовъ. Прелестные стихи Хмельницкаго найдете вы въ первомъ дѣйствіи *Школы Женщинъ*;

сверхъ того напечатанныя у насъ сцены изъ его же комедіи: *Свѣтской случай* вѣрно будутъ для васъ пріятнѣйшею новостію. Живой, веселой талантъ Загоскина подарилъ и намъ прекрасные отрывки изъ своего *Благороднаго Театра*, въ которыхъ вы замѣтите особенно мастерское изложеніе (exposition) пьесы.--Изъ перевода *Маріи Стуартъ* у насъ помѣщена лучшая сцена. — Кромѣ того, въ переводѣ изъ Ѣсхила вы узнаете поэта, познакомившаго насъ съ большею частію сокровищъ древней Поезіи. — Талантъ Делавиньи былъ чуждъ нашей сцены; лучшій переводчикъ лучшей Мольеровой комедіи перевелъ *Урокъ Старикамъ*, въ которомъ вы увидите силу стиховъ Мизантропа и легкость разговора нынѣшней комедіи. — Прелестные стихи М. А. Дмитріева оживляютъ картину Скандинавской древности. — Альфіери нашелъ достойнаго переводчика въ писателѣ, извѣстномъ уже публикѣ, но по скромности утаившемъ свое имя....

Ч. Всѣ ети статьи должны быть хороши: однѣ по имени Авторовъ, другіе — по новостии. — Но проза!.... Вы согласитесь, что прозою вашъ Альбомъ отспалъ отъ Таліи.

И. Отъ всего сердца признаю, что прозаическія статьи въ Таліи написаны живо, умно и хорошо; но кромѣ *Исторіи Русскаго Театра* ни одна изъ нихъ не относится къ цѣли Драматическаго Альманаха.

Ч. Какъ ни одна? А *философической взглядъ за кулисы? А путешествіе изъ райка въ первый этажъ ложъ?*

И. Объ онѣ могли бы украсить Журналъ. — Но первая есть только забавная пародія Театра; а вторая болѣе относится къ нравамъ, нежели къ Драматическому искуству.

Ч. Какія же статьи почитаете вы нужными для Альманаха Драматическаго?

И. Исторія Русскаго Театра въ Литтературномъ отношеніи; взглядъ на галлерею иностранныхъ Драматурговъ; опредѣленіе искуственнаго характера какого-нибудь отлич-

наго Драматическаго писателя; только непохожее на опредѣленіе характеровъ Корнеля, Шекспира и Альфіери въ 3 No Московскаго Телеграфа. — Еще желалъ бы я прочесть статью о Теоріи различныхъ родовъ Поэзіи Драматической, или о вспомогательныхъ искуствахъ сцены.

Ч. Для чего у васъ нѣтъ ни одной статьи въ этомъ родѣ?

И. Не льзя вдругъ всего сдѣлать. — Если Публика благосклонно приметъ первыя книжки нашего Альбома, то мы продолжимъ его изданіе и въ слѣдующихъ годахъ, стараясь по возможности помѣщать болѣе статей въ тѣхъ родахъ, о которыхъ я сей часъ говорилъ.

Ч. Но этими статьями вы еще не наполните всей книжки.

И. Мы смѣемъ надѣяться, что тѣ же писатели не откажутся и впредь украшать наше изданіе: одни дадутъ новое, другіе дополнятъ прежнее; къ ихъ произведеніямъ прибавимъ мы

переводы изъ *лучшихъ* иностранныхъ Авторовъ и опять предстанемъ на судъ Публики.

Ч. Но Русская Талія будетъ и на топъ годъ въ соперничествѣ съ вами.

И. Тѣмъ лучше. — Зная умъ и дарованія почтеннаго Г. Булгарина, мы увѣрены, что онъ слово: *соперничество* понимаетъ не иначе какъ въ смыслѣ *соревнованія*; что онъ будетъ первый радоваться успѣху нашего Альбома, какъ мы искренно радуемся успѣхамъ его Таліи и первый защититъ насъ отъ нападенія злонамѣренныхъ Рецензентовъ — самоучекъ, которые словесность превращаютъ въ ремесло, а республику Писателей въ цѣхъ, или гильдію торгашей.

А. П.

II.

Изъ Есхиловой Трагедіи:

Агамемнонъ.

Кассандра.

Прельститель Аполлонъ!.... жестокій Аполлонъ!...

Корифей.

Откол'ѣ жалобы, упреки Богу св'ѣта? —
Не сею жертвой чтится онъ!

Кассандра.

Прельститель Аполлонъ!.... жестокій Аполлонъ!...

Корифей.

О дерзновенная! безсмертный чуждъ нав'ѣта:
Его-ль роптаньемъ оскорблять!

Кассандра.

Опутавшій меня мечтами обольщенй,
Каратель--Богъ! меня ль на гибель предавать?

Корифей.

Предвѣстница своей погибели, мучсній!
Моли, да будетъ онъ тебѣ покровъ и щитъ!

Кассандра.

О новыхъ сѣятель, печалей, злоключсній!
Куда мсня ведешь?— Отвсюду адъ грозитъ!—
Се, паки мрачные являются мнѣ виды!—
Гдѣ я, вѣщайте, гдѣ?...

Корифей.

Здѣсь царствуютъ Атриды.

Кассандра.

Вертепъ отцеубійствъ! — и кознямъ и смер-
тямъ;
Орудіямъ смертей рожденье и собранье!....

Корифей.

О зловѣщатель — духъ!....

Кассандра.

Не внемлстель стенанье?
Мечь родственной разитъ младенчески сердца,
И члены бѣдныхъ чадъ, ахъ! снѣдію отца!....

Корифей.

О скорби! о позоръ неистоваго рода!

Кассандра.

Спрашись, жди новаго, озлобленна природа!
О боги-мстители, ведется жертва къ вамъ!
Атридамъ — новый срамъ!
Болѣзнь чувствительнымъ сердцамъ!

Корифей.

Таинственный глаголъ!

Кассандра.

Несчастная, постой!
Сіе ль обѣтъ любви супружеской, святой?
Какъ! среди пиршества, — на ложѣ нѣгъ, прохлады,
Гдѣ побѣдитель милъ вкусить трудовъ отрады,
Летѣлъ вкусить любовь!.... Языкъ нѣмѣетъ!....
страхъ!....
Ударъ удару въ слѣдъ.... кровь льется.... палъ на прахъ!

Корифей.

О Боги!....

Кассандра, *съ горькимъ сміхомъ.*

Торжество! — сѣть, адомъ сплетенна

Опупала крылѣ орла, къ вамъ возвращенна!
Кпо поразилъ? жена! Сраженный кпо? су-
пругъ!....
Возрадуйся, о силъ подземныхъ шумный кругъ!
Вы, кровью Пелопса ненасытимо гладны!
Примите, фурїи, сей пиръ для васъ отрадный,
Упейтесь, грозныя!....

Корифей.

Зловѣщая! увы!....
Весь адъ зовепъ она несчастныхъ на главы! —
Вѣщайте, что начать? — всѣ члены хладъ объ-
емлетъ!
О горе! горе! адъ ей внемлетъ!....

Кассандра.

Вы зрите? — медлите! — Какъ? видѣть и мол-
чать?
Влеките льва опъ львицы ярой вспять!
Скорѣе!.... Онъ въ сѣти, въ сѣти неразру-
шимой!
Ахъ, поздно! — Се ударъ! еще!.... и изнемогъ,
И въ собственной крови палъ Царь и Полу-
богъ....

Корифей.

Веди! куда? скажи, о глась непостижимой!

Кассандра.

Убійцы?--здѣсь они!... не дайпе льва волкамъ....
Онъ въ узахъ, онъ плѣненъ, онъ самъ,
Несчастный обольщенъ, низвергся въ ровъ со-
крыпой, —
И торжествуетъ мечь несыпой!....

Корифей.

Безумной вѣрить — спыдъ! не вѣрить — силы
нѣпъ:
Безвѣстной нѣкій страхъ въ насъ души по-
трясаетъ;
Быть можетъ, тайный Богъ слѣпыхъ пре-
дупреждаетъ!
Умолкни дивная!... или, яви намъ свѣтъ?...

Кассандра, *въ изнеможеніи послѣ нѣкото-
раго молчанія.*

О какъ судьба моя жестока!—
Отверженной опъ всѣхъ, въ обители порока,

Съ преступными мнѣ казнь недолжную дѣ-
лить,
Невинной съ злобными едину чашу пить!...

Корифей.

Но кто сей богъ, сей строгой твой губитель,
Могильныхъ пѣсней сихъ унылый возбудитель?..

О дѣва! надъ своей главой
Ты гимны правишь погребальны! —
Такъ надъ погибшею сестрой
Вздыханья пролила печальны
Въ долинахъ и лѣсахъ,
Неиспощимая въ слезахъ,
Сладко унывна Филомела —
И жизнь ея тоской медлительной сотлѣла!...

Кассандра.

Счастлива Филомела!...
Богъ крылія ей далъ. — Летай и скорбь дѣли
Со всѣми добрыми твореньями земли!
А я!... куда пойду? кому скажусь? кто спро-
сить?...
Мнѣ мать, отецъ, мнѣ все, друзья и бранья:
смерть! —

Она, благоволивъ отраду мнѣ простерпь,
Желѣзо острое заноситъ!...
Корифей.
Но кто же бѣдъ пвоихъ виной?...
Ахъ, Царь нашъ милосердъ! — Владыка слав-
ный пвой,
Воспримепъ сердцемъ онъ невинныя стра-
данья,
И плѣнъ твой усладятъ его благодѣянья!...
Ты плачешь, сирота!...
Кассандра.
О бракъ! несчастной бракъ,
Которымъ палъ нашъ пронъ и слава скры-
лась въ мракъ!
О рѣки моего отечества священны,
Гдѣ дни я провела, дни юности блаженны!...
Простите!... скоро мой унылый гласъ
Услышатъ берега свирѣпаго Коцита!...
Все минуло для насъ! —
Гдѣ царства славнаго столица знаменита?...
Ни жертвы, ни мольбы, ни доблественный
духъ,

Тебя, родитель мой, отъ золъ не оградили:
Ты зрѣлъ твой древній домъ въ кровавой пепла пыли,
Ты зрѣлъ горящи стѣны вкругъ,
И падающій тронъ.... Ахъ, спрашенъ гнѣвъ всесильныхъ!...
И сонмъ твоихъ сыновъ, добротами обильныхъ,
И дщерей красныхъ ликъ, Пергама свѣтлый садъ,
Все, все въ твоихъ очахъ пожралъ несытый адъ!—
И я послѣднія, безъ рода, безъ покрова,
Несу къ чужимъ брегамъ
На радость злыхъ враговъ, владыкъ упадшихъ срамъ,—
Несчастна юница къ закланію готова!...

Корифей.

Престань крушить себя, любезна дщерь Царей!
Въ рукѣ судьбы и зло и благо нашихъ дней!
Она имъ блескъ даетъ, она ихъ помрачаетъ;
Ея уставамъ нѣтъ премѣнъ!...

Она доселѣ родъ Атридовъ возвышаетъ; —
Она ихъ вѣрной стражъ! — Отъ ней изпекъ
твой плѣнъ. —
Когожъ винишь, вѣщай? — Смирись передъ
богами,
И тихо привыкай ты къ жизни новой....

Кассандра *въ изступленіи.*

Здѣсь,
Гдѣ фуріи стоятъ чертоговъ предъ врапами?
Гдѣ ихъ наслѣдственная вѣсь?...
Здѣсь въ рабствѣ жить?... Внемли: ихъ восемь
ликъ надгробной,
Ихъ блещутъ свѣточи, ихъ змѣи вкругъ шипятъ,
И льется надъ главою злобной
Кровосмѣсителя — ихъ ядъ!...
Воззрите: тамъ, въ преддверьи сѣни,
Явились вновь
Въ убрусахъ бѣлыхъ тѣни....
Фіалы въ ихъ рукахъ!... чья кровь? —
Чья вопитъ кровь? — неисповѣдимо желѣза
Въ десницѣ ближняго перзало вашу грудь! —

Отца несчастнаго ужасная трапеза!...
Отсель проклятіе! отсель къ злодѣйствамъ
путь!
Отселѣ въ родъ и роды
Всѣ преступленія, и кары, казнь Боговъ,
Закона и природы!
Ничтожный песъ на льва устроилъ смертной
ковъ!...
Сей вождь Царей Великихъ,
Водившій корабли въ пустыняхъ моря дикихъ,
Рушитель Иліи, любимецъ сей небесъ,
Безвредный средь коварствъ, средь сѣчей не-
навѣтной,
Едва къ богамъ отцовъ вознесъ свой гласъ
обѣтной,
Едва въ своемъ дому, проливъ токъ сладкихъ
слезъ,
Повѣсилъ на стѣнахъ доспѣхъ златокованный,
Печатями побѣдъ стократъ знаменованный,
Едва объятія къ супругѣ онъ просперъ
Въ вертепѣ мраморномъ прохлады....
О ужасъ, о землѣ невѣдомый примѣръ!...

Вкушаетъ смерть въ обители отрады!...
Съ улыбкой, ласкою привѣтственной любви,
Которую тоска разлуки утомляла,
Она на грудь его, притворная, упала....
Чудовище!... и мечь дымится во крови!...
Кто ты, чудовище? драконъ ли дебрей гладной,
Иль Сцилла, ужасъ скалъ, коварной другъ пловцовъ,
Иль ада люпа дщерь, на весь свой родъ зложадной
Излившая фіалъ всей ярости боговъ,
Невыпиваемый вѣками,—
Фіалъ стыда и каръ,
Многоплодящее домашнихъ сѣмя сваръ!...
И се! безбожная, съ веселыми очами
И съ воплемъ радостнымъ, и быстрыми стопами,
И съ наглымъ гордости челомъ,—
Какъ побѣдитель саповитый,
Свершивши битвы въ честь отчизны знамениты,—

Вступаетъ въ избранный старѣйшинъ града
сонмъ!...

Корифей.

Тѣстовыхъ снѣдей поспыдное сказанье! —
Но чѣмъ грозитъ оракулъ намъ?

Кассандра.

Благоговѣніе къ пророческимъ устамъ!...
Событіе мое вѣнчало прорицанье!...
Такъ! не молитесь вы!... часъ гибели насталъ!
Все пищетно! — Царь вашъ палъ! —
И нѣтъ Агамемнона!...

Корифей.

Несчастна! что рекла!...

Кассандра.

О мщенье Аполлона!...
Какой чудесной огнь въ груди моей протекъ!
Непакиль Богъ во мнѣ глаголетъ всемогущій?
Внезапный свѣтъ меня облекъ:
Я чувствую твое присутствіе, зовущій!...
О Фебъ! я здѣсь, я здѣсь! свершай свой грозный судъ!

Не видите ль?... Бѣгутъ
Свирѣпа львица съ волкомъ гладнымъ,
И зѣвомъ нарпаръ дышетъ хладнымъ!...
Смерть! смерть передо мной! —
Отвѣтствуй, злобная, Кассандры что виной?...
Кто? я соперница? — плѣненъ моей красою,
Апридъ невѣренъ предъ тобою?...
Коварства адскаго предлогъ!—
Но что твои пути, великій мщенья Богъ!
Рѣшилось!... *(Молчаніе)*. Ахъ, къ чему мнѣ
скипетръ сей блестящій,
Сіи вѣнцы, алчбѣ рабовъ надменныхъ льстящи,
И злототканная одежда, блескъ Царей,
И знаки мудрости моей?...
На смѣхъ ли варваровъ, въ забаву львицѣ
злобной?...
Нѣтъ! нѣтъ! позоромъ симъ я не утѣшу ихъ!...
Разбейтесь, признаки достоинствъ всѣхъ
моихъ,
О камень мой пригробной!...
Прочь, прочь, блистаніе тщеты! —
Пустъ низкая душа въ лучахъ твоихъ сіяетъ,

Пусть робкій страха сынъ въ тебѣ защиты
чаетъ;
Поди и покрывай ничтожныхъ бѣдность ты!...
О Фебъ! прими мое священно облаченье,
Обратно восприми: оно мнѣ—посрамленье!
Я лжепророчицей явилася въ очахъ
Друзей и недруговъ отечественна града,
Терпѣла ненависть и страхъ,
Всѣ муки нужды, глада!...
Теперь куда ведешь предметъ любви своей?...
Ахъ! жрица Фебова отъ Феба воспріиметъ
Поноснѣйшую смерть! — Ахъ, даже смерть
обыметъ
Меня не у родныхъ, любезныхъ алтарей,
Не тамъ, гдѣ мой отецъ, гдѣ мать моя скон-
чалась!...
Такъ долго смерти я столь низкой дожидалась!
Презрѣннѣйшій помостъ, гдѣ только кровь
течетъ
Однихъ губителей и хищниковъ народныхъ,
Восприметъ Царску кровь руками несвобод-
ныхъ!...

Но мститель мой грядетъ!
Убійца матери, ужасный, раздраженный,
На голосъ мстящаго родителя летитъ,
Изгнанникъ бѣдственной, отверженецъ пре-
зрѣнный,
Явится, мечь взнесетъ.... и кто останови-
тъ? —
И крови сильный гласъ его не умягчаетъ,
И нѣжный родшей взоръ его не покоряетъ;—
И мщенье свершено!... *(Молчаніе)*. О Боги!—
что мы?... прахъ!
Мы бреніе и прахъ!... Вашъ путь таин-
ственъ, вѣренъ!
Мой жребій начертанъ судьбы на вѣчныхъ
дскахъ
И вѣкъ мой весь измѣренъ! —
(Молчаніе).
Чего мнѣ болѣе? — Не видѣла ли я
Престола Иліи позорное паденье,
И братіевъ моихъ, героевъ избіенье,
Опустошенные отечества края,
И славу гордыхъ, славу ложну!...

Довольно! — умереть! — окончимъ жизнь
ничтожну!
Не страшенъ мнѣ послѣдній часъ.
О милости одной молю, о Боги, васъ!
Отъ смерти медленной Кассандру свободите:
Однимъ ударомъ поразите!

Корифей.

Несчастная, престань! — О, какъ опасно знать
Грядущее для насъ! Спокойся! — Толковать
Судьбы Боговъ — не наше!
Всѣхъ жребіи лежатъ въ ея сокрытой чашѣ;
Но смертному даны и средства на земли
Провидѣть бури издали,
И съ гордыхъ горъ спѣшитъ въ сѣнь су-
мрака удольна; —
Ты идешь къ алтарю, какъ жертва произ-
вольна!

Кассандра.

Аргивцы! намъ себя отъ рока не укрыть.

Корифей.

Пускай же самъ придетъ: почто къ нему
спѣшить?...

Кассандра.

Мой день пришелъ ко мнѣ! — Что дѣлать
безнадежной!...

Корифей.

Какое мужество въ груди толико нѣжной!

Кассандра.

Счастливецъ не дерзнетъ жизнь вялую пре-
терпѣть.

Корифей.

Когда рѣшилась ты, найди славнѣе смерть!

Кассандра, *приближась къ*
чертогу.

Несчастнѣйшій отецъ! о злополучны чада!
Смятеній полный градъ!

Корифей.

Что зришь?

Кассандра.

Побѣда ада!...

Корифей.

ыщай, *пророчица!*

Кассандра.

Не слышите? сей храмъ,—

Убійствомъ дышетъ онъ!

Корнфей.

Курятся жертвы тамъ....

Кассандра.

Курятся... тамъ... отверстыя гробницы.

Корнфей.

Что слышу?— торжество Царицы...

Кассандра.

Свершилось!— Я рекла!— Агамемнона нѣтъ!
И я въ послѣдній разъ зрю благодатный
свѣтъ!—
Войдемъ, несчастные, войдемъ въ чертогъ,
печальный,
Слезами нашими омоемъ погребальный
Владыки добраго покровъ!—
Оплачемъ жребій мой.... безъ жалобъ на боговъ!
Ихъ кары праведныя грянутъ;
За кровь великаго, за кровь мою возстанутъ
Земля и небеса!
И злобная жена, въ мученіяхъ сердечныхъ,
Закроетъ очеса!—

Познайте суету дней жизни скоротечныхъ.
Что счастье?— свѣтла тѣнь; другая тѣнь
смѣнитъ,
Ночь придетъ—и исчезъ призрака льстивый
видъ!...
Несчастье!— какъ песокъ, верху горы ле-
жащи;
Повѣетъ легкой вѣтръ, и онъ ужъ возмется!...
сколько жалокъ тотъ, кто бѣдствомъ
угнетенъ! —
Жалчѣй его слѣпецъ, на лонѣ счастья спящій!

А. Мерзляковъ.

III.

Изъ комедіи: *Урокъ Старикамъ.*

(L'Ecole des Vieillards, par Casimir Delavigne).

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I.

Данвиль и Бонаръ.

Бонаръ.

Ты ль ето, старый другъ! — Увидѣвши тебя,
Ну, право, сердце такъ согрѣлось,
Что чувствую почти моложе я себя.

Данвиль.

Мнѣ первато тебя увидѣть здѣсь хотѣлось.
Вчера--лишь въ комнапту и ну къ тебѣ писать.

Бонаръ.

Любезный мой Данвиль!

Данвиль.

Ты знаешь ли? въ Парижѣ
Я дни мои рѣшился доживать.

Бонаръ.

И, вздоръ какой! я не могу понять
Достаточныхъ причинъ.... Поди же,
Ты шутишь надъ мной.

Данвиль.

Нѣтъ, не шучу, другъ мой!

Бонаръ.

По чести не могу повѣрить.
Старинный мореходъ,
Привыкшій съ молоду моря безъ страха мѣ-
рить,
Теперь, близъ Гавра ты устроилъ свой заводъ;
Помѣстье славное имѣешь
И каждый годъ
Получаешь съ нихъ значительный доходъ....
Неужъ ли ты, мой другъ, о Гаврѣ не жалѣешь,
Въ которомъ ты рожденъ?
Въ которой былъ всегда влюбленъ?
Неужъ ли ты родину свою возненавидѣлъ?

Данвиль, *вздохнувъ.*

Кто? я? — Возможно ли! — Не городъ Гавръ,
а рай!

Какой климатъ! какой плодовъ и хлѣба урожай!
Что за картинной видъ! по чести только
видѣлъ
Похожее, какъ ѣздилъ я въ Царь градъ;
А жители! сосѣди! — кладъ!

Бонаръ.

За чѣмъ же хочешь ты?...

Данвиль.

За тѣмъ, что... Слушай братъ,
Я все скажу; — но дай мнѣ слово не смѣяться

Бонаръ.

Вопъ вздоръ!

Данвиль.

Вѣдь я....

Бонаръ.

Что ты?

Данвиль.

Вѣдь я женатъ.

Бонаръ.

Ну такъ! я могъ по виду догадаться:
Опять женатъ?

Данвиль.

Соскучился вдовцомъ.

Бонаръ.

Тебѣ за шестьдесятъ! не правда ли?

Данвиль.

Конечно.

Такъ что жъ? и въ шестьдесятъ быть можно молодцомъ.

Бонаръ.

И не увѣдомилъ меня.

Данвиль.

Нѣтъ, другъ сердечной,
Я не забылъ, что ты насмѣшникъ вѣчной.

Бонаръ.

Женѣ твоей ужь вѣрно — сорокъ лѣтъ?

Данвиль.

Ну — нѣтъ!
По менѣе.

Бонаръ.

Что жъ?— тридцать?

Данвиль.

По моложѣ.

Бонаръ.

Да, сколько же?

Данвиль.

Мой другъ! ся пригоже
Я въ жизнь не видывалъ: веселой, милой взоръ!
Нравъ Ангельской, приятной разговоръ!
Игривой умъ!— Отецъ моей Адели,
Оставшися вдовцомъ, разспроенъ и въ долгахъ,
Отплылъ, чтобъ счастія искать на остро-
вахъ;
И дочь, едва не въ колыбели,
Оставилъ на рукахъ у бабушки родной,
Предоброй женщины; но нѣсколько смѣш-
ной,
Привязанной — въ свои преклонны лѣта,
Какъ съ молоду, ко всѣмъ забавамъ свѣта;
Ей Гавръ—и всѣ ко кругъ прекрасныя мѣста
Тѣмъ болѣе казались мѣстомъ скуки,
Что прелестьми своей она гордится внуки!
И ето не мечта. —
Лишь вспомню о женѣ, то право молодѣю!
Адель, всѣхъ совершенствъ почести образецъ.
Увидѣвъ разъ, хотѣлъ и чаще быть я съ нею;

Короче, всякой день обворожался ею,
И наконецъ
Ей предложилъ идти со мною подъ вѣнецъ.
Раздумья вреднаго я ждалъ себѣ — не скрою;
Но счастливъ сполько былъ,
Что съ головой моей сѣдою
Я съ благодарностью, любовь въ ней поселилъ:
Разсудокъ съ юностью какъ будто согласились
Счастливить старика, и словомъ — мы же-
нились;
А съ ней пріѣхала къ намъ на житье
И бабушка ея, — чтобъ съ нами жить поближе.
Чрезъ нѣсколько недѣль, узналъ я опъ нее,
Что хочется пожить обѣимъ имъ въ Парижѣ,
Тѣмъ больше... что... и самъ замѣшпилъ я,
Дыша къ обѣимъ имъ и дружбой и любовью,
Что воздухъ Гаврской былъ пропивенъ ихъ
здоровью.
Я выслалъ ихъ; — онѣ послушались меня;
А между тѣмъ, дѣла — мой Богъ! какъ на-
доѣли!
Заставили меня жить долго безъ Адели;

И вотъ — повѣришь ли? въ концѣ осьмой не-
дѣли,
По милости секретарей, писцовъ,
Вчера, почти ужь въ шесть часовъ,
И то — такъ — вскользь — жену мою увидѣлъ,
И мнѣ ль лишать ее забавъ?
О нѣтъ! — я милую подругу не обидѣлъ,
И думаю, что въ этомъ правъ.
Билетъ былъ у нея въ спектакль вчера при-
дворной.
Я, знаешь, человѣкъ — не вздорной;
Хоть дома просидѣть
Ей, ей! она была готова; —
Да не легко же ей... Короче — я ни слова.
Остался дома, чтобъ порядкомъ оглядѣть
Вечернею порою
Здѣсь въ домѣ нашяпой женою
Второй для насъ спажъ.

Бонаръ.

Я знаю, Дюкъ д'Ельмаръ....

Данвиль.

Да, онъ хозяинъ нашъ.

Бонаръ.

Министромъ дядюшка его у насъ не давно;
А въ Департаментѣ его
Надъ сборомъ податей — я главной;
Такъ сумма и теперь округа одного
Хранится у меня. — Дюкъ, человѣкъ здѣсь
славной!
Онъ въ силѣ, а при томъ
Слыветъ любезнѣйшимъ въ Парижѣ молодцомъ.

Данвиль.

Не ужь то?... Онъ—не весь свой занимаетъ
домъ,
Но бель-етажъ препышной и огромной!
А я философъ скромной,
За то покойнѣе жить буду во второмъ.

Бонаръ.

Да гдѣ же скромность тутъ?— По пышнымъ
здѣсь уборамъ
Простолюдина взорамъ
Етажъ твой кажется дворцемъ.
Я, право, какъ вошелъ, по такъ имъ изу-
мился,

Что чуть-чуть свѣтлостью тебя не взе-
личалъ. —
Но раскажи-ка мнѣ, какъ ты въ Парижъ пу-
стился?
Что сынъ твой батюшкѣ сказалъ?

Данвиль.

Мой сынъ, съ зимы живетъ особымъ домомъ.
Вѣдь трудно жить большимъ содомомъ;
А сверхъ того.... моя жена,
При всѣхъ достоинствахъ... пришло сказать:
она
Его жены тремя годами помоложе...
Одной иль двумъ хозяйничать — не тоже:
Въ домашнемъ дѣлѣ, другъ, согласью должно
быть,
А какъ ихъ согласить?
Одна другой пошла на перекоры:
Пошла сумятица и сплетни и раздоры;
Моя Адель... и я... мы... любимъ свѣтъ,—
И въ немъ вѣдь худова нѣтъ.
А сынъ мой въ тишинѣ своенаходитъсчастье:
Сидитъ себѣ одинъ и въ ведро и въ ненастье

Но я, Бонаръ, я все люблю его.

Бонаръ.

Да жаль, что онъ лишенъ надзора твоего.
Въ его неопытныя лѣта
У сына на отца надежда лишь одна;
Въ бѣду онъ попадетъ безъ твоего совѣта.
Въ торговлѣ, знаешь самъ, какъ шапки вре-
мена;
А ты его фортунѣ отдалъ въ волю;
И очень въ томъ не правъ. — Я знаю одного
Въ провинціи сынка: онъ терпитъ ту же долю.
Несчастнаго — не лучше твоего —
Оставилъ батюшка со всѣмъ безъ руковод-
ства;
И что жъ? теперь дѣла—безъ производства,
Въ карманѣ — ничего;
А денегъ надобно не мало для поправки.
Онъ могъ бы на отца хотъ сдѣлать переводъ,
Да батюшка сердитъ и гроша не даетъ.
Пять тысячъ я нашелъ; да надобно прибавки
Въ уплапу полную по книгѣ долговой
Хотъ тысячъ двадцать франковъ

Не дашь ли намъ въ займы?

Данвиль.

Мнѣ до займовъ и банковъ
Теперь ужь дѣла нѣтъ.— Поговори съ женой:
Она мой казначей.

Бонаръ.

Прекрасно, милой мой!
За ранѣе мое ей мѣсто уступаю. —
Жена твой казначей!... Ну, право, поздравляю!
Съ тѣхъ поръ, какъ у тебя въ послѣдній я
гостилъ,
Ахъ, старый другъ, какъ ты перемѣнился!
Ты былъ умнѣй тогда; все время проводилъ
Въ саду твоемъ: тамъ сѣялъ и садилъ,
И сельскими трудами веселился,
Грушъ дѣдовскихъ въ тѣни.
Бывало до зари — хозяйственнымъ заботамъ
И полевымъ работамъ
Ты сладко посвящалъ всѣ дни.
Бывало гость—твой врагъ, каковъ бы ни былъ
чиномъ;
Забава--пострѣлять, отрада--сытной столъ;

Да вечеромъ въ пикетъ со мной передъ ка-
миномъ,
И радость на меня какъ девяносто счелъ.
Теперь — ты сталъ столичный жипель!
И дюжій ужь швейцаръ, одѣтый какъ дуракъ,
Внизу твоей особы охранитель. —
Все ето для чего? женѣ угодно такъ!

Данвиль.

Женѣ моей? о Боже мой! — Никакъ. —
Власть полную она мнѣ оставляетъ;
Но.... чудо какъ умна! все видитъ вдаль,
все знаетъ!
И вотъ какъ дружески она мнѣ говоритъ:
„Съ твоей способностью, имѣя твой доста-
токъ,
„Пора, мой милой другъ, иной принять ужъ
видъ:
„Не вѣкъ стрѣлять бекасовъ, куропа-
токъ;
„Не вѣкъ сады садить;
„Пускай не будешь ты вельможей перво-
класнымъ;

„Съ твоимъ въ дѣлахъ умомъ,
„Ты скоро до чиновъ достигнешь; а потомъ
И далѣе.“ — Ну какъ не быть съ ней въ томъ согласнымъ?
Такая мысль о мнѣ, дороже мнѣ всего!
Что скажешь ты на ето?

Бонаръ.

Ничего.

Даніэль.

Будь искренъ.

Бонаръ.

Мой другъ, въ глаза, а не за очно,
Въ началѣ дѣла, точно,
Я всякому скажу — полезно, иль непрочно;
А дѣло сдѣлано, о чемъ тутъ говорить?
Прекрасно, и ни что не можетъ лучше быть!
Вотъ напримѣръ, въ Парижѣ, какъ повсюду,
Охотники есть страстные — жениться;
Не то, чтобы меня ловили здѣсь на уду, —
Нѣтъ — люди добрые, любя душой меня,
Съискали дѣвушку съ отличнымъ воспитань-
емъ,

Съ любезностью, съ познаньемъ,
Премилую! При томъ, она родня
Министра нашего родня; ну словомъ, точно
Невѣста для меня сотворена нарочно. —
Я отказался на отрѣзъ.

Данвиль.

Чтожъ? лѣта? иль собой?....

Бонаръ.

Нѣтъ, чудо изъ чудесъ!
Прекрасна, молода!

Данвиль.

Тѣмъ лучше; очень странно!
Давно ли молодость дѣвицъ противна вамъ?

Бонаръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я постарѣлъ самъ.
Въ супругѣ мной избранной,
Чтобъ брачный съ нею нашъ союзъ
Былъ счастливъ совершенно,
Искать обязанъ я невѣсты ужъ степенной;
А старую жену любить я не берусь.
Я — также молодой быть можетъ не понравлюсь.

И такъ, чтобъ сохранить души моей покой,
Систему сдѣлалъ я изъ жизни холостой;
И такъ въ ней твердъ, что вѣчно не исправлюсь.
Привыкнувъ разсуждать по правиламъ такимъ,
Вѣкъ жилъ, живу, и вѣрь — умру я холостымъ.

Данвиль.

И многимъ старикамъ безвѣстна брака сладость.

Бонаръ.

И многихъ въ бракъ бѣдь должна страшиться старость. —
Я, другъ мой, не изъ тѣхъ, вся цѣль которыхъ въ томъ,
Чтобъ дюжины дѣтей счастливымъ быть отцомъ;
Которые, весь вѣкъ корпя надъ сундукомъ,
Себя нужду терпѣть охотно заставляютъ,
За тѣмъ, что дочерямъ приданое скопляютъ;
Которые, вездѣ съ женами ихъ рядкомъ,

Блѣднѣютъ отъ того, что щеголи съ лорне-
томъ
Разъ двадцать въ личико Агнесъ ихъ погля-
дятъ.
Безъ пользы, спорожи смѣшные передъ свѣ-
томъ,
То видятъ не въ попадъ, то не порою спятъ.—
За то, Данвиль, твой другъ, женѣ своей въ угоду,
Ни въ красной день, ни въ непогоду
Ни въ гостпи, ни на балъ
Не ѣздилъ по неволѣ.
И въ етой танцовальной школѣ
Подъ скучной капильонъ до утра не дремалъ.
Дохода моего расходъ не превосходитъ;
За долгомъ вѣкъ ко мнѣ торговка модъ не хо-
дитъ;
Чтобъ было чѣмъ платить, вещей не продаю:
По курсу спать ложусь, по курсу я встаю;
Въ часъ за полдень не жду обѣдать и приказа;
Какъ наши прадѣды въ день ѣмъ четыре раза,
И отъ того здоровъ.
Хозяинъ я одинъ; велю— чужихъ нѣтъ словъ.

Домой — когда хочу; съ двора — какъ мнѣ
угодно;
Я самъ себя люблю, за то и самъ я свой;
И словомъ, какъ деспотъ я правлю всѣмъ сво-
бодно
И наслаждаюсь самъ собой. —
Съ чѣмъ независимость сравнится холостаго?
Кто счастливѣй меня? — Изъ общества люд-
скаго,
Ни въ новѣ дворянинъ, ни въ славѣ Генералъ,
Ни нашъ братъ, милліонъ нажившій въ ка-
питалъ,
Ни тотъ поетъ, о комъ журналъ
Согласно съ публикой съ прямой хвалою су-
дитъ,
Ни самъ Король, повѣрь, такъ счастливымъ
не будетъ,
Когда живетъ не холостымъ.

Данвиль.

Ахъ, пѣтъ! повѣрь словамъ моимъ,
Блаженнѣе нѣтъ въ мірѣ доли
Супруга, двадцать лѣтъ прожившаго вдовцомъ,

И вновь счастливаго супружества узломъ,
Въ которомъ видишь ты цѣпь тяжкую неволи!
Онъ любитъ, вновь живетъ!
Жена мнѣ жизнь дала другую.
Я былъ — какъ дерево, которое растетъ;
Я не жилъ, милой мой; теперь я существую!
Какая нѣжная о мнѣ
Заботливость! какое угожденье!
Есть слабости... Кому жъ не свойственны онѣ?
Я знаю, вотъ твое сужденье
О молодой моей женѣ:
„Она какъ существо незрѣлое, живое,
„По легкомыслію, по рѣзвости своей,
„Отгонитъ отъ тебя старинныхъ всѣхъ друзей.“
Неправда, милой другъ, напрасно!
Женясь — друзей я нажилъ вдвое.
Смѣются — что казну мою
Женѣ я отдалъ въ управленье;
Ну, пусть ихъ! — я богатъ. — За флеръ, за кисею,
Какое же вознагражденье!

Когда я узнаю
Ея несчастному тайкомъ благотворенье!
Вспылитъ подъ часъ; — я то же иногда.
Такъ что жъ? потчасъ и миръ; ну вотъ и вся бѣда.
Сгруснется мнѣ? жена взглянула, приласкала;
Прощай мой гнѣвъ и грустъ — какъ не бывала.
Остался ли одинъ? — бѣжитъ ко мнѣ потчасъ;
Усталъ? — рука ея опорою мнѣ служитъ;
Подагру я кляну? — она о мнѣ потужитъ;
Разговорюсь? — она мой слушаетъ разсказъ;
Ея цвѣтущей красотою
Въ восторгѣ я горжусь,
Когда проснувшись я, какъ утренней звѣздою,
Лучемъ глазъ милыхъ наслаждусь,
Меня довольнѣй нѣтъ судьбою!
Я веселъ цѣлый день; болѣзней будто нѣтъ;
Люблю, любимъ, и мнѣ вотъ точно двадцать лѣтъ.

Бонаръ.

Эго! какой огонь!

Данвиль.

День нашего свиданья
Я праздновать хочу! — За счастіе мужей,
Имѣешь, или нѣтъ желанья,
Мы выпьемъ; — за сломомъ мы будемъ самъ-
третей.
Нравъ ангельской жены моей
Я етимъ докажу; — здѣсь ужины не въ модѣ;
А жаль: нѣтъ лучшаго веселья въ етомъ родѣ,
Съ друзьями вечеркомъ поговорить, поѣсть!
Хочу женѣ моей я предоставить честь
Ввести ихъ въ моду снова:
Увѣренъ, что готова
Мнѣ въ угожденіе, за столъ межъ нами сѣсть. —
Она теперь за туалетомъ,
И скоро будетъ здѣсь. — Увидишь и прощай
Система вся твоя! Женитьба, скажешь, рай!
Да, да, ручаюсь въ етомъ:
Разнѣжишься, Бонаръ, ты въ очередь свою,
И — влюбишься въ жену мою.

ДѢЙСТВІЕ V.

Явленіе IV.

Данвиль и Бонаръ.

Бонаръ.

Твое, другъ, счастіе меня обворожило!
Воображаю я, какъ мило,
Какъ весело ты жизнь свою ведешь!
Повѣришь ли? — что я — какъ уголь плѣю
Желаніемъ, чтобъ мнѣ... то есть... да ты
поймешь,
Данвиль, мою идею,
Которою, вотъ точно брежу я!
Которая, божусь, и на яву мнѣ снится!
Ты слышалъ, что женить хотятъ меня
друзья?
Невѣста молода, какъ и жена твоя;
Прекрасна!...

Данвиль.

Какъ, Бонаръ! ... думаешь жениться!
Скажи, въ умѣ ли т

Бонаръ.

А я такъ надивиться
Отвѣту не могу!— Не самъ ли ты совѣтъ
Давалъ, чтобъ я....

Данвиль.

Чтобъ ты женился? нѣтъ;
На что?

Бонаръ.

Да посмотри на службу Министерства:
Кого скорѣе вонъ? — холостяка;
И мѣсто отдаютъ тотчасъ отцу семѣйства.
Да такъ, что и долой попытка не легка;
Каковъ бы ни былъ — да женатый!
Я — человѣкъ, ты знаешь, небогатый;
Женясь — могу свое я мѣсто тѣмъ сберечь.

Данвиль.

Въ твои лѣта, Бонаръ! скажи, на что похоже?

Бонаръ.

Помилуй, развѣ ты, Данвиль, меня моложе?

Данвиль.

Вотъ — я! — Да ты и я — не тожс.

Какъ жертва голову самъ клонишь ты подъ
мечь:
Закрывъ глаза — стоишь надъ страшной безд-
ной;
И я чтобъ допустилъ тебя въ нее упасть!
Да знаешь ли ты, другъ несчастный и лю-
безный,
Какая ждетъ тебя напасть?
Жестоко будешь ты со временемъ наказанъ!
Въ твоихъ лѣпахъ—такая мысль! и вдругъ!
Ты не въ горячкѣ ли, мой милой другъ? —
Вотъ то-то! холостякъ — живетъ ни чѣмъ
не связанъ,
Не чувствуя ни какъ блаженства своего!
Бѣги какъ отъ огня неравныхъ лѣтъ союза;
Не вѣрь обманчивымъ ты прелестямъ его.
Жена для старика — есть страшная обуза!
Ему жениться пожъ, что на вѣкъ сдѣлать
связь
Любви со отвращеньемъ
И сумасшествія со здравымъ разсужденьемъ.
Съ женою молодой старикъ соединясь,

Тьму смертныхъ горестей свободой поку-
пать.
Повѣрь мнѣ, другъ! останься холостымъ,
Или тебя адъ сущій ожидаетъ.
Ты въ омутъ попадешь, и вѣрь — ужь ни
каким
Ты средствомъ изъ него не выдешь.

Бонаръ.

Помилуй! развѣ ты не видишь,
Что я тебя ни какъ постигнуть не могу?
Такъ можно говорить супружества врагу.—
Не толь я дѣлаю, что многіе другіе?

И самъ ты сдѣлалъ что?

Данвиль.

Охъ, Боже мой! — да—я—со всѣмъ не то....
Вотъ разсужденія какія!
Бонаръ! не обо мнѣ, подумай о себѣ.
Къ какой — безумной бракъ — ведетъ тебя
судьбѣ!
Лишь въ домъ съ женой — прощай! все счастье
улетѣло,
А съ нимъ и льстивыя мечты.

Женатаго не то, что холостаго дѣло:
Жизнь прежнюю вести ни какъ не можешь ты.
Ты къ жизни ужь привыкъ сидячей;
Съ твоею флегмою, — ты холоденъ какъ ледъ!
Женѣ — лишь двадцать лѣтъ! такъ нравъ ея горячій
Съ твоимъ — сомнѣнья нѣтъ — на перекоръ пойдетъ.
Ты хочешь посидѣть — она тебя везетъ;
Ты будешь вѣтренной жены своей игрушкой.
Сердиться будешь днемъ, и — горевать съ подушкой!
Въ предмѣстьи жить ты любишь, въ тишинѣ?
А переѣдешь съ ней ты города въ средину.
Поѣдешь съ ней на балъ — хотъ думаешь о сиѣ;
Ты годовой доходъ отдашь своей женѣ:
Въ два мѣсяца она изтратитъ половину;
Ты тайну ввѣришь ей:
На завтра же секретъ повсюду разнесется.
Одинъ изъ старыхъ всѣхъ друзей

Остался у тебя: жена надъ нимъ смѣется. —
Безъ ссоры, слезъ, повѣрь, и дня не обойдется;
А ночи — проведешь безъ сна!
Ну вотъ, Бонаръ, вотъ что твоя жена!

Бонаръ.

Ты чудной человѣкъ! Ну пусть я не ребенокъ;
Однакожъ сверстникъ твой на жизненномъ пути.
Когда жъ твоя жена есть Ангелъ во плоти,
За чѣмъ же хочешь ты,
Чтобы моя — была черпенокъ?

Данвиль.

Ну вотъ! ужь я сказалъ, со всѣмъ другое я.
Ты счастливъ будешь, другъ, жизнь ежели твоя
Не будетъ скорбію, бѣдою,
Горчайшею отравлена!
Чрезъ мѣсяцъ, много два, ты можешь злой судьбою
Дрожать, чтобы сокровище жена
Изъ рукъ супружнихъ не вспорхнула

Какъ легкій вѣтромъ пухъ.
Вдругъ мило на кого жена твоя взгляпула,
Ты будешь ревновать, несчастный другъ!
Чтожъ будетъ, если ты, отчаянный супругъ,
Подъ часъ соперника у ней застанешь?
Ты не хотя, мой другъ, съ злодѣемъ драться
станешь.

Бонаръ.

Ужь драться! За жену? — Ну полно, вздоръ
какой!

Данвиль.

Да, подерешься, милой мой.

Бонаръ.

Пустое!
Вступиться можешь ты за самъ супружній
свой,
Когда бъ случилося несчастіе такое;
Я драться не пойду; и — въ очередь свою
Скажу, что я — не ты; что я совсѣмъ другое.
Чтобъ жизнь подвергнулъ я мою, —
За что же? — за жену! — Дурачество большое!
Ну, право, ужь меня раздумье, другъ, беретъ.

Но къ Дюку мнѣ пора. Меня старушка ждетъ.
Данвиль! ты превратилъ мой пламень въ ледъ;
На бракъ накинулъ флеръ не розовой, — а
черной.
Дуель! — Нзыпъ, милой мой, слуга покорной!

Ѳ. Кокошкинъ.

IV.

Изъ Волшебной Трилогіи: *Финнъ.*

Часть вторая: *Герой.*

Явленіе II.

Наина, Бельзея и Гандо.

Гандо.

Я ждать не ждалъ такой счастливой встрѣчи.
Ну, здравствуйте; вотъ я!

Наина.

Да ты взялся откуда?

Гандо.

Изъ далека, красавица моя;
И такъ изъ далека, что не видать отсюда.
И не дойдешь, хоть годъ вкругъ моря колеси.

Наина.

Гдѣжъ были вы?

Гандо.

Нѣтъ, лучше ты спроси,
Гдѣ не бывали мы? кого мы не́ встрѣчали?
Съ кѣмъ не дрались? чего не навезли?

Съ какой чужой земли
Какого мы богатства не собрали?
Что ни задумаешь, — у насъ все есть:
Жемчугъ, и золото, и ткани, и кораллы;
Народу пропасть мы успѣли перевесть:
За то ужь намъ вездѣ была большая честь!
За то кричатъ Ганзейцы самохвалы:
Ай Финны! молодцы! то ужь на все удалы!
Да какъ имъ не кричать: корабль лишь взви-
дитъ глазъ,
Давай его!.... нагрянемъ, — и какъ разъ
Всѣхъ перебьемъ, все наше!
И мы на моряковъ такой нагнали страхъ,
Что море все теперь у насъ въ рукахъ,
Какъ медовая чаша;
Никто въ него безъ насъ уса не обмокни;
Ганзейцы жъ не храбрись!....

Наина.

Какъ! не ужъли они
Васъ струсили?

Гандо.

А такъ-то, что съ боязни

Еще теперь Ганза за бочками лежитъ.
Да и не ей чета: Поморье все дрожитъ,
И нашей удалой приязни,
Какъ у боговъ своихъ
Дождя иль ведра молитъ;
И такъ-то съ нами хлѣбосолитъ,
Чтобъ только били мы не ихъ.
А мы не прочь отъ дружбы и отъ драки:
Какъ разъ Поморцамъ помогли,
И вмигъ безъ кораблей, какъ раки,
Ганзейцы сѣли на мели.
Мы съ бранью у Ганзы пожгли
Судовъ
И городовъ,
Что называется, безъ счета!...
Не говори объ ихъ; а то опять охота
Беретъ меня.... я въ море,—и прощай....

Нанна.

Да я не говорю...

Гандо.

И рта не разѣвай;
А то меня канатомъ не удержишь.

Наина.

Да и удерживать не стану я: ступай.

Гандо.

Ну зналъ я напередъ, что срѣжешь
Ты словомъ голову мнѣ съ плечъ:
Да для кого жъ, скажи, я бился,
Дрался, увѣчился, тощился?

Наина.

И знать я не хочу; да не объ емомъ рѣчь.
Ты много говорилъ, а пустаго ни слова
О дѣлѣ не сказалъ.

Гандо.

Какъ не сказалъ? Такъ снова
Пожалуй я начну....

Наина.

Ахъ, нѣтъ, не начинай,
А коротко и ясно отвѣчай
На всѣ мои вопросы.

Гандо.

Ну, спрашивай.

Наина.

Какъ вы достали корабли?

Гандо.

Пожа Нѣмецкіе матросы
Сушились на земли,
На корабли мы прыгъ! и оплыли отсюда.

Наина.

Тутъ нѣтъ пока большаго чуда.
Кудажъ вы поплыли?

Гандо.

Куда глаза глядятъ.
По Будуштаеву наказу
Завѣдывалъ всѣмъ дѣломъ братъ.
Онъ взвидѣлъ вдругъ корабль и съ разу
Такъ скоро, что ни кто и спрусить не успѣлъ,
Догналъ его — и завладѣлъ.
Хозяевамъ кой-что, изъ милости, оставилъ;
А прочее межъ насъ въ раздѣлъ,
И етимъ такъ намъ храбрости прибавилъ,
Что мы за нимъ на добычу, хоть вплавь
Всѣ броситься готовы въ воду.
Обычай нашъ такой: сначала позабавь,
А тамъ ужъ нашему удалому народу

Ни кто не братъ; всѐ вздоръ!
Бери и бей!....

Наина.

Ахъ! дѣло все не въ ѐпомъ,
Гдѣ были вы?

Гандо.

Да въ морѣ были лѣтомъ;
А въ городъ на зиму попались подъ запоръ.

Наина.

А городъ вѣрно былъ прекрасенъ?

Гандо.

Да, не спорю,
Хорошъ; но въ немъ такая тѣснота,
Такая духота,
Что всѣ бъ мы померли съ удушья, еслибъ
горю
Не ухитрился хозяева помочь.

Бельзен.

А чѣмъ?

Гандо.

Насъ въ городъ зимовать Поморцы съ
пѣмъ пустили,

Чтобы за нихъ Гапзейцевъ перебили;
А мы отъ етаго не прочь,
И тотчасъ съ ними расплатились
На счетъ скупой Ганзы:
Ужъ тутъ-то мы повеселились!
Ни гуся, ни купца, ни дѣвки, ни козы
Изъ рукъ не выпустили даромъ:
За все Ганза платит
Иль серебромъ, или товаромъ;
И все съ Поморцами въ дѣлежъ.
У стихъ Нѣмцевъ, молодежъ
И съ брапомъ, и со мной, работала такъ лихо,
Что все къ весиѣ въ Поморьѣ стало тихо,
И заключили вѣчный миръ.
Не знаю, долго ль онъ продлится;
А задали они такой прощалыой пиръ,
Что голова еще съ него кружится;
Да радъ ужъ и тому, что я, хотя шалыой,
Но все вернулся съ головой;
А многіе тамъ головы сложили,
И братъ....

Бельзел.

Ахъ! не ужъ ли его убили?

Гандо.

Его убить кто смѣетъ?—Онъ герой!

Наина.

Герой! А ето что?

Гандо.

Да прозвище такое,
Которое даютъ въ чужихъ краяхъ тому,
Кто никому
Не дастъ пожить въ покоѣ:
Всѣхъ бьетъ,
И все чужое
Себѣ беретъ;
Да не тайкомъ, а съ драки.
Ну поняли ль?

Бельзея.

Какъ не понять!
Герои ихъ, ни дать, ни взять,
Что наши забіяки.

Гандо.

А что ты думаешь: почти.

Но ето прозвище у пихъ въ такой чести,
Что только имъ Тавальса взвеличали,
То вдругъ изъ за стола всѣ вспали
И началась потѣха; всѣ кричатъ:
Герой, вивапъ!
Объ столъ стучатъ ножами;
Въ трубы трубятъ,
Въ ладоши хлопаютъ руками;
Всѣ разомъ пьютъ,
Посуду бьютъ
И обнимаются по братски съ нами.

Нанна.

Вотъ весело! вотъ люди! вотъ земля!

Гандо.

Да, хороша земля, и люди недурные,
А наши чистыя поля
И берега родные
Гораздо веселѣй.

Наина.

А чѣмъ?

Гандо.

Мы въ городахъ

Томилися, какъ ряпушка въ заколѣ;
А здѣсь, какъ птицы въ небесахъ,
Мы дышемъ и живемъ въ просторѣ и по волѣ.

Наина.

Да если и Тавальсъ, и всѣ въ чужихъ земляхъ
Не больше твоего ума набрались,
То лучше бъ сдѣлали, когда бы тамъ остались:
Безъ нихъ довольно здѣсь глупцовъ.

Гандо.

Да ты сама
Давно ль и отъ кого набралася ума?

Бельзея.

Пока на ихъ землѣ Ганзейцевъ вы душили,
Они на нашемъ берегу
Всѣхъ дѣвушекъ уму переучили.

Гандо.

Да не останемся жъ за то у нихъ въ долгу.
Мы повстрѣчали ихъ, когда съ удачи
Домой на веслахъ шли;
Они кричали намъ, чтобъ мигомъ корабли
Имъ отдали назадъ; какъ будто для отдачи
Мы море пѣною бѣлимъ.

Тавальсъ потчасъ пустился къ нимъ
Для дружеской раздѣлки,
А мнѣ впередъ летѣть велѣлъ,
Чтобъ къ празднику заморскія бездѣлки
Поспѣлъ въ нарядъ тебѣ привезть; — и я
поспѣлъ.

Гей вы, друзья! кажи подарки,
Которые герой красавицъ прислалъ.

Наина, *Бельзеѣ.*

Да лучше бъ етаго и Нѣмецъ не сказалъ.

Гандо, *разбирая подарки.*

Вотъ снизокъ янтарей....

Наина.

Какъ хороши! какъ ярки!
А ето что еще, не янтари ли?

Гандо.

Нѣтъ!

(Подавая ей бриллiантовцю нитку).

А каково?

Наина.

Какой прекрасной свѣтъ!
Какiя звѣздочки!.... Чтожъ ето?

Гандо.

Ожерелье;

А блескъ каковъ?

Наина.

Да съ нимъ и ночью будетъ день.

Ахъ! что за камушки!

Бельзея.

Ахъ! что за рукодѣлье!

Гандо.

Все чудо!.... а!.... не бось, попробуй-ка, надѣнь.

(Надѣваетъ ожерелье на Наину).

Наина.

Къ лицу ль?

Бельзея.

Ужъ какъ къ лицу!

Наина.

Когда бъ не лѣнь,

То побѣжала бы смотрѣться въ воду.

Гандо.

Не бѣгай, а смотрися....

(Показываетъ зеркало).

Нанна.

Ахъ!

Да сто я!

Гандо.

Да, ты.

Нанна, *Бельзеѣ.*

Смотри, въ его рукахъ
Мое лице.... я вся!... Нѣтъ, съ роду
Не видывала ты диковинки такой!
Ну покажижъ и ей.... Что, видишь ли?

Бельзея.

Ахъ, вижу!....

Нанна.

Кого?

Бельзея.

Себя.

Нанна, *глядя въ зеркало.*

Меня?

Бельзея.

Вотъ объ мы съ тобой.

Нанна.

Ужь сто не вода ль?

Гандо.

Да развѣ можно жижу
Держать, какъ я держу? Тотчасъ бы все
стекло.

Наина.

Чтожъ ето?

Гандо.

Зеркало.

Наина.

А зеркало-то что же?

Гандо.

Что зеркало? — Стекло.

Наина.

Стекло!
Да чтожъ стекло?

Гандо.

А что стекло? — все то же,
Что зеркало.

Наина.

Такъ стало все одно
Стекло и зеркало?

Гандо.

Нѣтъ, не одно.

Нанда.

Такъ схоже?

Гандо.

Не вовсе схоже.

Нанна.

Какъ?

Гандо.

Въ стеклѣ я пилъ вино,
А въ зеркало смотрюся,
Ну видишь-ли!...

Нанна.

Да, вижу, что съ тобой
Я толку не добьюся.
Подай!...

Гандо.

Возьми.

Нанна, *глядя въ зеркало.*

Вотъ я, вотъ берегъ, вотъ лѣса,
Вотъ небо, вотъ вода,— и что-то надъ водою
Бѣлѣется.... Ахъ, ето паруса!

Гандо.

Какъ! гдѣ?

Наина.

Вотъ тамъ, смотри, за мною.

Гандо.

Не вижу.

Наина.

Вотъ, смотри.... Вглядѣлся ль въ нихъ?

Гандо.

И впрямь корабль!... Смотри пожалуй! и синюю

Ты лучше видишь глазъ моихъ.

Корабль Тавальсовъ... такъ... За мной, ребята!

Скорѣе на утесъ, — и брата

Примашемъ мы сюда.

Явленіе III.

Бельзея и Наина.

Наина.

Тавальсъ такъ близко!

Бельзея.

Да, и ето не бѣда.

Наина.

Конечно не бѣда; но я....

Бельзея.

Ты рада?

Наина.

Не то что рада, только вдруг
Забилось сердце.

Бельзея.

Что жъ, мой другъ;
Знакъ доброй....

Наина.

Ахъ! не то....

Бельзея.

Да что же?

Наина.

Я наряда
Еще не выбрала.... *(Перебираетъ подарки).*

Бельзея.

Вотъ что!
Тавальсу хочешь ты пригожѣй показаться!

Наина.

Тавальсу?... Все не то.

И развѣ онъ одинъ.... Ахъ! лучше разобрашься
Ты помоги скорѣе мнѣ
Покуда мы однѣ;
А шамъ... Вошъ славно!... да! а какъ надѣшь,
не знаю....
Вошъ шакъ.... иль нѣшъ... Ахъ! машушка,
взгляни,
Ужъ не причалилиль они?

Бельзея.

О! нѣшъ еще.

Наина, *примѣривая.*

Гладижь: бѣда какъ опоздаю...
Вошъ ешакъ хорошо.... Ахъ, машушка!

Бельзея.

Вошъ я.

Наина.

Пристало ль ешо мнѣ?

Бельзея.

И нивесшь какъ пристало.

Наина.

Поди жъ,смошри. — *(Вынувъ поясъ).* Вошъ
ксташи мнѣ попало.

Я подпояшусь имъ.... Да нѣтъ, одной не льзя....
Ахъ, матушка!

Бельзея.

Я здѣсь.

Наина.

Да подойди поближе,
Вотъ ето крѣпче завяжи....
Повыше.... такъ.... ахъ, нѣтъ!... пониже....
Постой, вотъ я сама.... ты зеркало держи....
Ну, посмотри, какъ мило!

Бельзея.

Да, мило.

Наина.

Ну поди же и смотри.

Бельзея.

Смотрю.

Наина, *наряжаясь.*

Ахъ, матушка!

Бельзея.

Да ты меня запормошила!

Наина.

Я и сама какъ на огнѣ горю....
Вонъ епимъ поскорѣй ты обернн мнѣ руку,

Покрѣпче.... такъ.... поди жъ, смотри....

Бельзея.

Иду.

Наина, *взявъ опахало.*

Ну вотъ ужь етому и мѣспа не найду....
Ахъ, матушка!—

Бельзея.

Ну что? ... да мнѣ на муку
Тавальсъ наслалъ весь етотъ вздоръ.

Наина.

Ахъ, матушка! обрадуй,
Скажи, приспалъ ли мнѣ уборъ?

Бельзея.

Приспалъ; да я успала....

Наина.

Не досадуй;
Какъ быть: я чай, Тавальсъ въ заморской сторонѣ
Все перенялъ, узналъ, — и спало должно мнѣ
Убрапься такъ, чпобъ не было мнѣ спыдно.
Ты слышала, какъ Гандо мнѣ сказалъ:
Что сто все герой красавицѣ прислалъ?

Да и по етому ужь видно,
Что на Ганзейской образецъ
Тавальсь и здѣсь все передѣлать хочетъ.

Бельзея.

Да если онъ и впрямъ о томъ хлопочетъ,
То ждетъ его дурной конецъ
Опъ дѣдушки....

Наина.

А если опъ вернется
Не могши ничего въ заморьѣ переняпь,
Тогда опъ правнучки придется
Ему въ лѣса по прежнему бѣжать.

Гандо, *сб товарищами перебѣгая трезб театрб.*

Причалилъ!

Наина.

Ахъ!

Бельзея.

Что сдѣлалось? Ты, право,
Какъ листъ дрожишь.

Наина.

Дрожу; да опъ чего?

Не ужь ли я боюсь его?
Бояпься нечего: ему и честь и слава!
Пусть онъ герой; да я, не правдаль, не дурна?
А Нѣмцы сказывали сами,
Чпо красопта у нихъ всему равна,
И воины дрожашъ предъ милыми глазами,
И только красопу гдѣ взвидяпъ, по скорѣй
И на колѣни передъ ней.

Бельзея.

Тавальсъ ужъ выскочилъ на берегъ....

Наина, *елядясь въ зеркало.*

Я готова
Принятъ его и всѣхъ —
Вопъ онъ!

Часть пресія: *Колдунъ.*

Явленіе VI.

Тавальсъ и Наина.

Тавальсъ, *подходитъ къ облаку и сводитъ Наину.*

Наина! пы ли епо?

Наина.

Я.

Тавальсъ, тебя ль еще я вижу?

Тавальсъ.

Такъ, твой женихъ передъ тобой.

Наина.

Женихъ!...

Тавальсъ.

Но отъ чего дрожитъ твой голосъ?
Иль ты меня боишься?

Наина.

Нетъ, не то.
Ахъ! какъ онъ поспѣлъ!

Тавальсъ.

Сними же покрывало,
Дай мнѣ опять твою увидѣть красоту.
(Увидя Наину).
Откройся.... Ахъ!... кого ты духъ негодной
Принесъ?

Анлосъ.

Наину; вотъ она.

Тавальсъ.

Не правда, нѣтъ!.... и ету дряхлую стару
Не смѣй Наиной звать.

Наина.

Тавальсъ, о чемъ ты дух
Такъ долго говоришь?
А на свою Наину не глядишь!

Тавальсъ.

Ахъ! не ужъ ли Наина ты?

Наина.

А кто же?
Такъ, вотъ мое лице; а вотъ твои дары...
Какъ мы разстались, была я помоложе
И похудѣла я немножко съ той поры.

Тавальсъ.

Какъ ты перемѣнилась!

Наина.

Да, милой мой, повѣрь,
Что я почти переродилась:
Совсѣмъ другой я сдѣлалась теперь.

Тавальсъ.

Ахъ! вѣрю!....

Наина.

Я была самолюбива,
Заносчива, горда,
Безпечна, вѣтрена, спѣсива,
А хуже что всего,—къ тебѣ несправедлива.
Но глупою не должножъ быть всегда.
Я образумилась, и все иначе вижу:
Не только ужъ сама не чванюсь красо-
той,
Но чванство ето ненавижу
Во всякой дѣвушкѣ другой.
Да ты, Тавальсь, не отвѣчаешь
И не глядишь?.... Ахъ! можетъ быть,
Ты все еще меня вертушкою считаешь,
И думаешь, что я не рождена любить? —
Такъ, дѣвичью забывъ стыдливость,
Я женское притворство отложу
И искренно тебѣ, мой милой другъ, скажу,
Что должную твоей любови справедливость
Давно я въ сердцѣ отдала,
И матушкѣ покойницѣ призналась:
Ты знаешь, что она, къ несчастью, умерла,

И я осталась
Несчастной сиротой?
Тавальсъ.

Давно ли?

Перболосъ.

Двадцать лѣтъ.

Наина.

Тебѣ какое дѣло
Считать года?

Тавальсъ.

Ужь двадцать лѣтъ?

Наина.

Почти.

Тавальсъ.

Какъ время пролетѣло!
Ужь двадцать лѣтъ!.... Давно ли же сюда
Я скрылся?

Перболосъ.

Сорокъ лѣтъ.

Наина.

Не вѣрь ему. До счета
Какая у тебя несносная охота!

Тавальсъ.

Ужь сорокъ лѣтъ!

Наина.

Когда тебѣ я все мила,
Тогда до времени намъ нужды мало.
Пустъ вянетъ красота, пустъ буду я дурна,
Лишь только бъ сердце не завяло;
Мы развѣ любимъ красотой?

Тавальсъ.

Да сердцемъ красоту мы любимъ.
Такъ я за тѣмъ проникъ науки высоту,
Чтобъ знать, что время губитъ красоту,
А мы напрасно время губимъ!
Вотъ сорокъ лѣтъ прошло,
И сорокъ лѣтъ учился я для гроба!

Наина.

Да, мы съ тобой по устарѣли оба;
Да времени жъ на зло
Мы вычтемъ сорокъ лѣтъ, пустъ ихъ какъ не бывало,
И съ дня разлуки жить начнемъ.
Ну такъ и быть, я признаюся въ томъ:

Что на лицѣ моемъ есть кое-гдѣ мор-
щины,
Что въ бородѣ твоей бѣлѣются сѣдины;
Но я твоихъ сѣдинъ,
А ты моихъ морщинъ
Счипать не станемъ;
Сердцами молодость вспомянемъ, —
И сорокъ лѣтъ тогда намъ будетъ какъ вчера.

Тавальсъ.

А я такъ думаю, что вспомнить намъ пора,
Что завтра, можетъ быть, обоихъ насъ
схоронятъ;
Такъ ужь не лучше ли намъ розно умирать?

Наина.

Какъ? что? Меня ты хочешь ужь прогнать.
Но нѣтъ, Тавальсъ свою Наину не прого-
нитъ,
Измѣною не посрамитъ себя.

Тавальсъ.

Наина, лучше зло предупредить сначала.

Наина.

Чего же хочешь ты?

Тавальсъ.

Хочу, чтобъ ты сказала:
Колдунъ, я не люблю тебя!

Наина.

Ахъ, нѣтъ! люблю, люблю, люблю! ты слышишь?
Люблю, и ето докажу:
Покуда ты еще на свѣтъ дышешь,
Я отъ тебя не отхожу.

Тавальсъ.

Но я прошу....

Наина.

О чемъ ты просишь?

Тавальсъ.

Изъ милости, взгляни ты на свое лицо.

Наина.

Взглянн же самъ ты на мое кольцо;
Какъ мой женихъ его ты носишь:
Ты обручился имъ со мной,
И мнѣ во чтобъ ни стало,
А буду я твоей женой.
Чтожъ, развѣ даромъ я по воздуху летала?

Да пѣпъ, кольца не скидавай,
Носи его, — и твердо знай,
Что какъ ты ни хитеръ, а все тебя хитрѣе
Мой прадѣдъ Будунтай;
И онъ заступится скорѣе
За правнучку свою, чѣмъ за тебя
Ему совсѣмъ чужаго.
Такъ ты, любя иль не любя,
А женишься на мнѣ; — и что же въ томъ дурнаго?
Ты устарѣлъ, — ну пусть и я не молода....
Жить въ одиночествѣ и молодому скучно,
А старому совсѣмъ бѣда.
Такъ можешь доживать твой вѣкъ благополучно
Съ твоею вѣрною женой.
Ну еслибъ за тебя я вышла молодой,
То, сорокъ лѣтъ прожившн вмѣстѣ,
Меня ты бы, за то, что я не молода,
Не бросилъ?.... а?.... Ну, отвѣчай же....
Тавальсъ.

Да.

Наина.

Умно. — Ведите жениха къ невѣстѣ.
И начинайте брачный пиръ.

Тавальсъ.

Да женится она на мнѣ ужъ не на шутку....
Постойте!... Заключимъ на уговорѣ миръ....

Наина.

Какой? и на какомъ?....

Тавальсъ.

По здравому разсудку
Поступимъ.

Наина.

Какъ?

Тавальсъ.

Не станемъ всѣхъ смѣшить.
Согласенъ я съ тобой какъ мужъ съ женою
жить;
Да только розно,
Какъ водится въ Ганзѣ.

Наина.

Нѣтъ, милой, ето поздно.
Зачѣмъ ты самъ Ганзу ругалъ?

За чѣмъ сюда меня по воздуху примчалъ?
И такъ, что духъ чуть чуть не захватило;
За чѣмъ просилъ вѣнчальнаго кольца?
Съ разсудкомъ бы тебѣ спроситься прежде
было.
И не ужь ли у мудреца
Ума на столько не достало,
Чтобъ знать: что сорокъ лѣтъ, не сорокъ дней?
Что есть всему конецъ, средина и начало?
Что пользы нѣтъ ни мало
Учиться для того, чтобъ сдѣлаться глупѣй?
Но глупость для тебя не будетъ отговоркой:
Мой прадѣдъ Будунтай не изъ простыхъ
судей;
Да, онъ имѣетъ взглядъ не для взятокъ зоркой,
И вѣрно сдѣлаетъ.
Тавальсъ.
Пустъ прадѣдъ твой,
Коль можетъ, сдѣлаетъ тебя опять такой,
Какъ прежде ты была, и какъ еще оспался
Твой образъ врѣзаннымъ въ душѣ моей:

Тогда бы снова я сто разъ тебѣ поклялся,
Чудесной прелестью твоей....
Ахъ! сдѣлай милость....

Наина.

Что?

Тавальсъ.

Закройся покрываломъ.

Наина.

Нѣтъ, не закроюся: пускай змѣинымъ жаломъ
Измѣннику мой будетъ взглядъ,
Ты радъ или не радъ,
А все гляди: вотъ какова Наина,
Которая тебѣ милѣе всѣхъ была!...
Но могъ ли вѣрнымъ быть хотя одинъ мущина?

И я давно на тихъ за ето зла.
Такъ хочешь ты, чтобъ я опять по хорошела?
Ты ищешь красоты; а мнѣ мила душа.

Тавальсъ.

И мнѣ душа мила, да безъ дурнаго тѣла....
Ахъ! будь какъ прежде хороша,—
И ты своей душой меня плѣнишь, какъ прежде.

Наина.

Не стыдно ль мудрецу
Такъ думать, какъ невѣждѣ!
Да всякому глупцу
Почемъ же и любить, когда не по лицу?
Когда въ тебѣ ума наука не зашла,
Ты долженъ знать: что люди не лицомъ
Живутъ на свѣтѣ, а умомъ.
Ты слышалъ самъ, что я еще не поглупѣла.

Тавальсъ.

Я слушать радъ тебя, а не могу глядѣть.

Наина.

Такъ покрывало мнѣ приходится надѣть.

Тавальсъ.

Ахъ! если бъ я еще порылся
Въ Халдейскихъ харпіяхъ, то вѣрно бы добился
Да чародѣйнаго ключа воды живой
И сдѣлалъ бы тебя въ минуту молодой.

Наина.

Такъ ты учился вѣкъ, а все не доучился?

Тавальсъ.

Да прадѣдъ твой успѣлъ два вѣка пережить,
А все тебя омолодить
Не можетъ.

Кн. А. Шаховской.

V.

Изъ Комедіи: *Свѣтской случай.*

Явленіе I.

Евгенія, *входитъ, оглядываясь.*

Нѣтъ никого. Оно не хорошо немножко;
Однако жъ такъ и быть, а посмотрю въ окошко.
Здѣсь мимо по утрамъ всегда проходитъ онъ,
И, право, кажется, что онъ въ меня влюбленъ.
Влюбленъ! что жъ за бѣда? я етому страхъ рада!
Хоть на него бъ смотрѣть такъ часто и не цада.
Но пехотця его здѣсь дожидаюсь я;

И какъ онъ радъ всегда увидѣвши меня.
Посмотримъ... Такъ и есть: вотъ! онъ сюда
подходитъ;
Какъ пристально глядитъ и глазъ съ меня не
сводитъ.
Ахъ! Боже мой! да онъ ужъ кланяется мнѣ.
Какъ смѣть?... Вотъ по другой пошелъ онъ
сторонѣ;
Еще поклонъ.... опять.... какъ тутъ не раз-
сердиться?
Увидите, что мнѣ придется поклониться.
(Продолжаетъ смотрѣть въ окошко и потомъ кланяется).

Явленіе II.

Евгенія и Даша.

Даша, *примѣтя поклоны.*

А! а! сударыня.

Евгенія, *испугавшись.*

Ахъ, Боже мой! къ чему
Кричать.

Даша.

Я не кричу, однако жъ вы кому

Здѣсь кланялись?

Евгенія.

Кто, я? Ахъ! вѣрно не нарочно.

Даша, *подбѣгая къ окну.*

Постойте жъ.

Евгенія, *удерживая Дашу.*

Что за вздоръ!

Даша, *смотря въ окошко.*

Нашъ Офицеръ! такъ точно.

Такъ етакъ-то? когда ужь есть у васъ же-

нихъ,

Вы здѣсь изъ подтишка прельщаете другихъ?

Евгенія.

Ахъ, Даша! право нѣтъ.

Даша.

Какъ, нѣтъ? да вы кому же

Здѣсь кланялись?

Евгенія.

Да онъ здѣсь всякой день...

Даша.

Тѣмъ хуже.

Евгенія.

Кто жъ требовалъ? онъ самъ...

Даша.

Надѣюсь, что онъ самъ;
Однако жъ вспомните, что ужь Сполицынъ вамъ
Почти женихъ.

Евгенія.

Ахъ, нѣтъ!

Даша.

Но батюшка далъ слово,
Невѣста на лицо, приданое готово
И дѣло, кажется, о свадьбѣ рѣшено.

Евгенія.

Но я не соглашусь.

Даша.

Такъ надо бы давно
Признаться батюшкѣ.

Евгенія.

Я вѣрно бы сказала...

Даша.

Да что жъ?

Евгенія, *показывая на окошко.*

Да я... его иногда еще не знала.

Даша.

Но етакъ жениховъ и вѣчно не найдешь:
Сего дня нравится, а завтра не хорошь.

Евгенія.

Ахъ, Даша! ты сама Столицына не любишь:
Насильно полюбить вѣдь сердце не принудишь;
А въ немъ не нравится мнѣ, право, ничего,
И даже начала бояться я его.
Что я не сдѣлаю, — ужь критика готова:
Не скажетъ никогда пріятнаго мнѣ слова.
Онъ ловокъ лишь одинъ, а неразвязна я;
Онъ умной человѣкъ, а я еще дитя.
Все не по немъ, на все готово наставленье.
Что за увѣренность! и что за обращенье!
Несносно!

Даша.

Да, сего я не люблю сама
Признаться.

Евгенія, *бросаясь цѣловать Дашу.*

Не ужь ли? я, право, безъ ума!
Дай! дай разцѣловать себя!

Даша, *вырываясь.*

Но вы....

Евгенія.

Ахъ, Даша!

Даша.

Но полноте жъ: меня задушитъ радость ваша.

Евгенія.

За то я обо всемъ тебѣ перескажу.
Вотъ видишь: на него я ужь давно гляжу,
И съ перваго его я полюбила взгляда!
Онъ чаще сталъ ходить, и я была сперахъ рада,
И по привычкѣ ли — не знаю отъ чего,
Но чувствую, что мнѣ ужь скучно безъ него;
А между тѣмъ я все, вотъ видишь, поджидала,
Что познакомится онъ съ батюшкой сначала,
Понравится ему и станетъ ѣздить къ намъ,
Чтобъ чаще видѣться, узнать его, а тамъ
Да батюшкѣ сама рѣшилась бы признаться;
Я то бѣда, что жду и не могу дождаться.

Даша.

Но прежде, кажется, чѣмъ планы сочинять,
Что онъ за человѣкъ вамъ надо бы узнать?

Евгенія.

Ужь разумѣется, что ето мы узнаемъ.

Даша.

А между тѣмъ его встрѣчаемъ, провожаемъ,
И на повѣрку онъ несчастный выйдетъ хватъ.

Евгенія.

Но по наружности....

Даша.

Наружность, говорятъ,
Обманчива.

Евгенія.

Ахъ, нѣтъ! вѣдь ето очень видно,
Какъ ловокъ онъ, какъ милъ!

Даша.

И ето вамъ не стыдно?....
Влюбиться и не знать....

Евгенія.

Я знаю только то,
Что етакъ мнѣ, божусь, не нравился ни кто.

Даша.

Но мало етаго, и я боюся, право,
Его Сіятельства рѣшительнаго нрава;
И какъ ни любитъ васъ, но онъ и вашъ женихъ,
Вамъ воли не дадутъ приманивать другихъ,
Столицынъ же къ нему такъ вкрался нынѣ
въ душу,
Что я и рада бы, однакожъ, право, пружу.
Ей! берегитеся.

Евгенія.

Постой, кто тамъ шумитъ?
Ахъ! ето батюшка.

Даша.

И что-по страхъ сердитъ:
Ужь не узналъ ли онъ?

Евгенія.

Ахъ! что ты, полно, Даша.

Явленіе III.

Тѣже и Князь Радугинъ.

Князь Радугинъ.

Ты здѣсь, мой другъ! Ну какъ идетъ работа ваша:
Обновки и шитье?

Евгенія.

Все хорошо-съ.

Князь Радугинъ.

Да ты...

Что такъ встревожена?

Евгенія.

Я такъ.... отъ дуроты....

Пока прошло....

Даша.

Княжна стояла у окошка...

Князь Радугинъ.

Что жъ, сто хорошо; да вѣтрено немножко.

Даша, *въ сторону*.

Ужь не подслушалъ ли?

Князь Радугинъ.

Я ныньче страхъ взбѣшонъ!
Процессъ, которымъ я могу быть раззоренъ,
И отъ котораго и такъ чуть, чуть не плачу:
Пишу, кормлю судей, чортъ знаетъ сколько
трачу,
Теперь, какъ я узналъ, перерѣшить хотятъ;
А шутъ того и жди, что будешь виноватъ,

И кто̀жъ попортилъ все? Представь себѣ —
Сполицынъ!
Такія оттускалъ мнѣ въ лицахъ небылицы!
И я повѣривши, что онъ въ большихъ связяхъ,
Все поручилъ ему — и я же въ дуракахъ.
Сперва все шло, да шло; теперь все на мѣль
сѣло:
Своей безпечностью испортилъ только дѣло.
Гдѣ бъ надобно, чтобъ онъ прошенья подавалъ,
А онъ ихъ въ сторону — и улетитъ на балъ;
Ему бы въ судъ, а онъ въ театръ или въ кон-
цертѣ,
А между тѣмъ твердитъ: повѣрьте, да по-
вѣрьте;
Сего дня тамъ-то былъ и сдѣлалъ то и се,
И вышло, чортъ возьми! что перепортилъ все.

Евгенія.

За чѣмъ вы вѣрили ему?

Князь Радугинъ.

Ну вотъ забавно!
Онъ прежде, кажется, былъ малой преис-
правной,

И самъ же вызвался, какъ будущій мой зять.

Даша.

А правду ужь сказать, онъ масперъ обѣщать.

Князь Радугинъ.

Но я благодарю за ети одолженья:
Чтобъ, проигравъ процессъ, остаться безъ имѣнья,
И просто по одной безпечности его.

Евгенія.

Конечно, батюшка.

Князь Радугинъ.

Ты что-то за него
Не слишкомъ, кажется, изволишь заступаться.

Евгенія.

Да чтожъ хорошаго обманывать.

Даша.

Признаться
Не вижу я, за что его и полюбить.

Князь Радугинъ.

Но за глаза людей я не люблю бранить.
Чтобъ церемониться за ето, — я не дама

И правду всякому скажу въ глаза я прямо.
Здѣсь съ Княземъ Липецкимъ давно имѣлъ я связь,
Какъ вдругъ мнѣ сталъ вредить дородной етотъ Князь.
Вотъ я тотчасъ къ нему, какъ вѣжливый мущина,
Учтивымъ образомъ сказалъ: что онъ скотина.
Онъ согласился самъ, что виноватъ не я,
Просилъ, чтобъ на всегда мы были съ нимъ друзья.
Чуть не похвальныя мнѣ сочиняетъ рѣчи
И лѣзетъ обнимать меня при всякой встрѣчѣ.

Даша.

На правду, говорятъ, не надо много словъ.

Князь Радугинъ.

И правду говорить я всякому готовъ.
Однакожъ, между тѣмъ, я съ вами трачу время.
Меня съума свело подъяческое племя,
И надо самому скорѣе хлопотать,
Когда пріѣдетъ къ намъ Столицынъ....

Даша.

Отказать

Прикажете?

Князь Радугинъ.

Вотъ вздоръ! не говоря ни слова
Просите подождать.

Евгенія.

Но я такъ нездорова.

Князь Радугинъ.

Какъ жаль! а то бы съ нимъ пошла у васъ
война.

Евгенія.

Такъ очень хорошо и я не такъ больна.

Князь Радугинъ, *уходя.*

Ну, до свиданія.

Явленіе IV.

Евгенія и Даша.

Даша.

Теперь ужь воля ваша;
А вы должны скорѣй....

Евгенія.

Какъ рада я! — Ахъ, Даша!
Ужь видно онъ теперь не женится на мнѣ?

Даша.

Богъ знаетъ! я молчу, чтобъ не грустить вдвойнѣ.

Евгенія.

Вотъ хорошо! они, ты слышишь, побранятся
И свадьбѣ не бывать.

Даша.

А если помирятся?

Евгенія.

Ахъ, Боже мой! Да нѣтъ, не можетъ это быть;
И что тебѣ за страсть нарочно ихъ ми-
рить?

Даша.

Напротивъ, ссорѣ ихъ сама я очень рада.
Но болѣ ужь ни какъ секретничать не надо
И лучше батюшкѣ признаться поскорѣй.
Стучатся! посмотрю. Вотъ побѣжалъ лакей.

Евгенія.

Кто жъ тамъ?

Даша, *глядя въ дверь.*

Ну точно такъ!... Ахъ, нѣтъ! а страхъ похоже.

Евгенія.

Да кто жъ?

Даша.

Столицынъ нашъ, — и съ нимъ....

Евгенія.

И съ нимъ? да кто же,

Скажи?

Даша.

Представьте же, вотъ новость напримѣръ.

Евгенія.

Ахъ, Даша! говори.

Даша.

Нашъ милой Офицеръ!

Евгенія.

Возможно ли? Онъ здѣсь? Ахъ, Боже мой!

Даша.

Уйдите.

Евгенія.

Куда жъ?

Даша, *выпроваживая Евгенію.*

Сюда, сюда идите и молчите.

Явленіе V.

Столицынъ, Рамирскій и Даша.

Столицынъ.

Рамирскій! чудеса! Ну кто бы ожидалъ?
Вотъ встрѣча! человѣкъ два года пропадалъ,
И что жъ! когда лечу къ возлюбленной невѣстѣ,
У самаго крыльца съ нимъ сталкиваюсь вмѣстѣ.

Да дай еще обнять мнѣ друга моего.

Рамирскій.

Но прежде разскажи, гдѣ мы и у кого?

Столицынъ.

Безъ церемоніи, прошу здѣсь быть какъ дома;
Старикъ Князь Радугинъ давнишній мой знакомый,
А вашъ покорнѣйшій—чуть, чуть его не зять.

Рамирскій.

Ты женишься?

Столицынъ.

Ну да! объ чемъ тутъ толковать.

(Увидя Дашу).

Что Князь?

Даша.

Уѣхавши.

Столицынъ.

Такъ рано? это чудо!

Даша.

Онъ скоро...

Столицынъ.

Ну прошу намъ не мѣшать покуда.

Да скажи: что моя прелестная Княжна

Сего дня весела?

Даша.

Напротивъ, страхъ скучна.

Столицынъ.

Поди.

Рамирскій.

Ты женишься?

Столицынъ.

Ну да, и очень скоро

На молодой Княжнѣ.

Рамирскій.

Однако жъ, на которой?

Столицынъ.

Да сколько жъ у тебя ихъ счетомъ въ головѣ?
Она одна.

Рамирскій.

Одна!...

Столицынъ.

Ты думалъ, что ихъ двѣ?
О плутъ!

Рамирскій, *въ сторону.*

Возможно ли! *(Вслухъ.)* И Князь живетъ здѣсь точно?

Столицынъ.

Я стану ли тебя обманывать нарочно?

Рамирскій.

И точно нѣтъ у ней ни братьевъ, ни сестеръ?

Столицынъ.

По счастью ни души.

Рамирскій.

И брапецъ! что за вздоръ!
Родства ли убѣгать?... Что ето за неволя.

Столицынъ.

А ей досталась бы четырнадцата доля;
Слуга покорнѣйшій!

Рамирскій.

Ты шутишь; но Княжна
Ужь вѣрно хороша собою?

Столицынъ.

Да, она
Здѣсь изъ хорошенькихъ.

Рамирскій.

Блондинка?

Столицынъ.

Нѣтъ, брюнетка;
И удивительно, что, право, не кокетка.

Рамирскій, *въ сторону.*

Но не ужь ли она!...

Столицынъ.

Невѣста ета кладъ!

Рамирскій.

Ты счастливъ и любимъ. И такъ, я очень радъ.

Столицынъ.

Я напередъ въ твоемъ увѣренъ былъ участьѣ.

Но впрочемъ не совсѣмъ завидно его счастье:
И по наружности обманешься ты сплошь.
Мой выборъ, на примѣръ, всѣмъ кажется хорошь:
Княжна и молода и хороша собою;
Съ какой-то, говорятъ, небесною душою;
А главное: у ней нѣтъ братьевъ и сестеръ.
Все очень хорошо идетъ до сихъ поръ;
Я славно бы умѣлъ разпорядить дѣлами;
Но вотъ несчастіе, мой милой! между нами,
Княжнѣ не помогла учителей толпа:
Ея Сіятельство сіятельно глупа!
Она холодностью всю прелесть убиваетъ.
Женихъ ея горитъ, — жестокая зѣваетъ!
Нѣтъ средства мнѣ ни чѣмъ одушевить ее:
Совѣтую, браню сь, — она себѣ свое!
И ясно, кажется, какъ я тебѣ толкую,
Что я боготворю прелестную статую.

Рамирскій.

Но ты взыскателенъ ужъ слишкомъ иногда.
Что дѣвушка скромна, — что жъ его за бѣда?

Со мной случилося несчастье не такое;
Но я молчу.

Столицынъ.

Молчать? не замолчишь, пустое
Взгляни.... Ну такъ и есть: ты по уши влюбленъ.

Рамирскій.

Ахъ, мало етаго! представь, я принужденъ
Боготворить, страдать и не сказать ни слова.

Столицынъ.

Да тутъ того и жди, что выйдетъ за другова.

Рамирскій.

Представь, ты отгадалъ.

Столицынъ.

И трудно отгадать:
Ты будешь все молчать, она все будетъ ждать....

Рамирскій.

Вотъ; я же виноватъ.

Столицынъ.

О, нѣтъ! какъ ето можно?
Она молчитъ и ты молчи, — оно и должно

Рамирскій.

Ты шутишь; но тебя остановлю я вдругъ.
Вообрази себѣ: ея женихъ — мнѣ другъ!
Ты понимаешь ли теперь, что мнѣ мѣшаетъ?
Любовь могла бъ.... но честь и дружба запрещаетъ.

Столицынъ.

Честь, дружба и любовь? Какая куча словъ!
Что за чувствительность пастушескихъ вѣковъ!

Рамирскій.

Помилуй! но теперь будь на моемъ ты мѣстѣ,
Какъ всѣ препятствія ты согласилъ бы вмѣстѣ?
И могъ ли бъ для любви ты дружбѣ измѣнить?

Столицынъ.

Ну есть ли тутъ объ чемъ серьозно говорить?
Я деликатничать не сталъ бы изъ пустаго;
И я бъ не пощадилъ тутъ ни отца роднаго.

Рамирскій.

Я, признаюсь, не такъ рѣшителенъ и смѣлъ.

Столицынъ.

За то ты ничего и сдѣлать не успѣлъ;
Но случай новой, божусь, изъ самыхъ интересныхъ:
Я въ обстоятельствахъ бывалъ довольно
видныхъ,
Но все не въ этакихъ.

Рамирскій.

И чтобъ ты сдѣлалъ тутъ?

Столицынъ.

Но можетъ быть: ее насильно выдаютъ.

Рамирскій.

Быть можетъ.

Столицынъ.

Хорошо, и ты любимъ?.... Прекрасно!

Рамирскій.

Но чтожъ изъ этаго?

Столицынъ.

Какъ что? Тутъ очень ясно.
Вотъ человѣкъ: не глупъ, а вѣкъ его учи!
Люби, не унывай и больше хлопочи.

Рамирскій.

Но дружба....

Столицынъ.

Боже мой! да позабудь о дружбѣ;
Въ дѣлахъ общеспівенныхъ, въ дѣлахъ серьозныхъ въ службѣ,
Всѣ знаютъ безъ тебя, что значитъ долгъ и честь;
Но въ шалостяхъ любви, чего не перечесть:
Щадить соперниковъ и сослуживцевъ бальныхъ,
На ето правилъ нѣтъ такихъ патріальхальныхъ;
Но кто же наконецъ прелестница твоя?
Влюбленнымъ помогать ужъ ето страсть моя!
Но ктожъ она? вѣщай!.... Молчанье!

Рамирскій.

Я не въ силахъ!

Столицынъ.

Смѣшной оригиналъ любовниковъ унылыхъ!
Но такъ и быть, изволь, я другу помогу.

Рамирскій.

Вотъ хорошо.

Столицынъ.

Ну да, сказалъ такъ не солгу;
Чуръ слушаться.

Рамирскій.

Изволь, а я охотно радъ бы.

Столицынъ.

Во первыхъ надобно.... чтобъ не было тутъ
свапьбы.

Рамирскій.

Потомъ.

Столицынъ.

Во всемъ признаться ей, отцу.

Рамирскій.

А тамъ?....

Столицынъ.

А тамъ, а тамъ къ концу, или къ вѣнцу,
Какъ водится.

Рамирскій.

Но мнѣ страхъ совѣстно, ей Богу:

Столицынъ.

Безсовѣстный! ему хотящъ открыть дорогу:
Толкнешь его впередъ, онъ пятится назадъ;
Но шутъ ужъ не пѣняй, самъ будешь винo-
ватъ.

Рамирскій.

Не лучше ли ему признаться?

Столицынъ.

Ай, помилуй!
Вотъ выдумалъ, да я опомнился насилу.

Рамирскій.

Но иначе его мнѣ надо обмануть?

Столицынъ.

И обмани.

Рамирскій.

Но онъ мнѣ другъ, не позабудь....

Столицынъ.

Ужъ не прогнѣвайся.

Рамирскій.

Но его оскорбленье.

Столицынъ.

Нѣтъ ничего; оно вошло въ обыкновенье,

По свѣтскимъ правиламъ . . . . Но вотъ
Княжн
Всегда молчитъ, всего боится и грустн

Явленіе VI.

Тѣже и Евгенія.

Евгенія.

Ахъ! батюшки здѣсь нѣтъ!

Столицынъ.

Вы ещаго не зн
Начало хорошо. Вы батюшки искали;
Но можно жъ между тѣмъ подвинуться
ред
Рамирскій, *въ сторону.*
Я самъ не свой!

Столицынъ, *Евгеніи.*

Когда жъ, помилуйте, пройд
У васъ застѣнчивость и нѣтъ ваша м
спырской
Да, поклонитесь же; вотъ другъ мой, в
Рамирскій

Рамирскій.

Возможно ли! Княжна.... Но я имѣлъ ужъ честь
Васъ видѣть....

Столицынъ.

Не ужъ ли? Ну вотъ и случай есть
Къ знакомству не въ такомъ церемоньяльномъ
тонѣ.
Да гдѣ жъ вы видѣлись?

Рамирскій.

Въ томъ самомъ пансіонѣ,
Ну, тамъ, гдѣ именно воспитана она,
И кажется съ Княжной она была дружна.

Столицынъ.

Да лучше етаго быть ничего не можетъ!
Рамирскій, торжествуй! Княжна тебѣ помо-
жетъ:
Она хоть и проста; но мы за то съ умомъ.
Да знаетъ ли она?

Рамирскій.

О! вѣрно обо всемъ,

Столицынъ.

Тѣмъ лучше; стало быть ненужно объясненья.

Рамирскій.

Я твоего прошу однакожъ позволенья;
Теперь же опять Княжны кой-что объ ней
узнать.

Столицынъ.

Прекрасно! я ее заставлю отвѣчать.

Рамирскій.

Княжна! вы знаете Рамирскаго несчастья;
Здѣсь страстная любовь ждетъ вашего участья!
Вы вѣрно видитесь съ подругою своей
И тайна вамъ моя извѣстна такъ, какъ ей.

Евгенія.

Всѣхъ больше.

Рамирскій.

Но она.... какъ сіе не ужасно!
Выходитъ замужъ?

Евгенія.

Да.

Столицынъ.

И коротко и ясно.

Рамирскій.

Но послѣ сего чего жъ мнѣ ожидать?
Я позабытъ.

Евгенія.

Ахъ, пѣтъ!

Столицынъ.

Тѣмъ легче помѣнять.
Ты слышишь ли? она къ тебѣ неравнодушна.

Рамирскій, *Евгеніи.*

Но каково жс ей?....

Евгенія, *глядя на Рамирскаго.*

Ей весело *(глядя на Столицына)* и скучно.

Рамирскій.

Чтожъ думаетъ она?

Евгенія.

О многомъ.... но молчитъ.

Столицынъ.

Помилуйте, Княжна! да ето право стыдъ;
Кпожъ васъ пойметъ?

Рамирскій.

Ахъ, нѣтъ! я очень понимаю.

Столицынъ.

Вы понимаете?.... Ну, я васъ поздравляю!
Такъ лаконическій вы поняли отвѣтъ?
Что еслибъ не было у насъ ни да, ни нѣтъ,
Васъ запрудили бы ужасно объясненья?

Рамирскій.

Тутъ нужны не слова, но сила выраженья.

Столицынъ.

О Боже мой!

Рамирскій.

Но я напрасно веселюсь!

Евгенія.

Что вы ей нравитесь, я въ этомъ побожусь!
Довольно, кажется, для перваго вамъ раза.

Столицынъ.

Вотъ чудо! цѣлая отпущена намъ фраза!
Рамирскій, знаешь что, а мысль вѣдь не дурна?
Что если бъ напримѣръ безмолвная Княжна
Взялась любовное къ ней письмецо доста-
вить?

Рамирскій.

Какъ! къ ней?

Столицынъ.

Ну, да, ужь я берусь себя прославить.

Рамирскій.

А я ужь и письмо по счастью написалъ;
Но что бы ей отдать, все случая искалъ.

Столицынъ.

Ужь написалъ!...

Рамирскій.

Да такъ на случай два, три слова.

Столицынъ.

Давай его, оно не ново, да готово.

Рамирскій.

Да какъ отдать?

Столицынъ.

А вотъ увидишь какъ отдамъ.
Княжна, мы помогать должны своимъ друзьямъ
И ето письмецо къ обоимъ намъ изъ ласки
Прошу васъ передать... Вы попупили глазки!
Вамъ стыдно?... Но когда я отдаю вамъ
самъ....

Евгенія.

Извольте, я беру и вѣрно ей отдамъ.

Столицынъ.

Взялась! кто бъ ожидалъ готовность въ ней
такую?
Мнѣ кажется, ее я скоро сформирую.

Рамирскій.

Княжна! моя судьба теперь у васъ въ рукахъ.

Столицынъ.

Мы помогать друзьямъ должны не на словахъ,
А дѣломъ.

Евгенія.

Слушаю-съ.

Столицынъ.

И по простy, вамъ должно
Доставить намъ отвѣтъ.

Евгенія.

Да-съ, если будетъ можно.

Столицынъ.

Ужь постарайтеся, не то онъ пропадетъ.
Ну! съ помощью моей успѣлись мы впередъ.
Каковъ же я? когда минуты нѣтъ досуга,

Я нынѣ цѣлымъ днемъ пожертвовалъ для
друга,
И днемъ чудеснѣйшимъ, когда я званъ ко всѣмъ:
На завтракъ къ Лелевой, чтобъ сблизиться
кой съ кѣмъ,
Къ Загорскимъ на обѣдъ и къ Знатову на
ужинъ,
Гдѣ будетъ человѣкъ, которой нынѣ нуженъ.
Но въ свѣтѣ кто живетъ, тотъ вѣчно самъ
не свой.

Рамирскій.

Ты, познакомивши за то меня съ Княжной,
Разодолжилъ. Но ты бы съѣздить могъ по-
куда.

Столицынъ.

И дѣло... между тѣмъ куда же ты отсюда?

Рамирскій.

Теперь домой.... а тамъ въ театръ.

Столицынъ.

Ба! это что?
Въ театръ рѣшительно не ѣздитъ здѣсь ни
кто

Изъ знающихъ, и что, помилуй, за охота
Сидѣть до завтраго и слушать Валтеръ-Скота?

Рамирскій.

Богъ съ нимъ! да надобно мнѣ главное узнать,
Скажите мнѣ, Княжна: гдѣ случай мнѣ сы-скать
Съ ней видѣться?

Евгенія.

Ни гдѣ, сударь: она все дома.

Рамирскій.

Но почему жъ не здѣсь? она вамъ такъ знакома;
А иначе опять надежда пропадетъ.

Евгенія.

Ни какъ не льзя: ее ужасно стережетъ
Злой человѣкъ... кого на свѣтѣ нѣтъ скучнѣе.

Столицынъ, *въ сторону.*

Не ожидалъ, она становится умнѣе.
(Вслухъ).
Любовь всѣхъ Аргусовъ, повѣрьте, проведетъ,
А мы комедію на ихъ сыграемъ счетъ,
Въ которой первую я представляю ролю.

Рамирскій.

Распоряжай, а мы твою исполнимъ волю:

Столицынъ.

Но кто-то къ намъ? Ну такъ? и вѣрно ужь за-
мной?

Рамирской.

Но если сто Князь!...

Столицынъ.

Ну онъ, или другой,
Что жъ тутъ?

Рамирскій.

Я не знакомъ, и право не спокоенъ.

Столицынъ.

Когда жъ дурной приемъ встрѣчаетъ Руской
воинъ!

Н. Хмѣльницкій.

М. С. ЩЕПКИНЪ.

VI.

Изъ Водевиля: *Хлопотунъ, или дѣло мастера боится.*

Радимовъ.

Мишурской водевиль скропалъ:
Друзья вездѣ его хвалили;
Его сыграли.... онъ упалъ,
Какъ могутъ падать водевили!
Скажу Мишурскимъ не во гнѣвъ,
Что мой совѣтъ: не торопиться,
Молчать и помнить мой припѣвъ:
Что *дѣло мастера боится.*

Саша.

За старика сестру мою
Отдать старалися напрасно:
Она не слушала родню,
Грустила, плакала ужасно.
Явился молодой женихъ:
Сестра рѣшилась согласиться
И тѣмъ увѣрила родныхъ,
Что *дѣло мастера боится.*

Иванъ.

Воровъ на свѣтѣ не сочтешь;
Но ихъ не рѣдко различаютъ:
Однихъ хватаютъ за грабежъ,
Другіе сами все хватаютъ.
Одинъ наказанъ.... между тѣмъ
Другой изволитъ веселиться,
И смѣло повторяетъ всѣмъ,
Что *дѣло мастера боится.*

Репейкинъ.

Врага мы зрѣли своего:
Предъ нимъ Европа трепетала;
Онъ всѣхъ сражалъ.... вдругъ на него
Россія гибелью возстала.

(Слышенъ стукъ).

Ахъ, Боже мой! имъ безъ меня своя воля колотить посуду. Позвольте выдти. — Онъ *(указывая на Ліонскаго)* пропоетъ за меня: ено будетъ гораздо лучше.... *(Уходитъ).*

Ліонской.

Врага мы зрѣли своего:
Предъ нимъ Европа трепетала;

Онъ всѣхъ сражалъ.... вдругъ на него
Россія гибелью возстала.
Предъ нею гордый врагъ упалъ,
Европѣ нечего страшиться,
И Руской свѣту доказалъ,
Что *дѣло мастера боится.*

Надинька, *къ зрителямъ.*

Каковъ сего дня нашъ успѣхъ?...
Объ этомъ вѣрно будутъ споры
За тѣмъ, что угодить на всѣхъ
Не могутъ ни когда Актеры....

Ренейкинъ, *возвращаясь.*

Извините, что замѣшкался: тамъ разбили блюдо съ жареными утками; но я уладилъ это дѣло.

Каковъ сего дня нашъ успѣхъ?...
Объ этомъ вѣрно будутъ споры
За тѣмъ, что угодить на всѣхъ
Не могутъ ни когда Актеры.
Но мы за Авторовъ своихъ
Теперь желаемъ постараться;

Вы часто баловали ихъ,
Да какъ партера не бояться?

А. Писаревъ.

VII.

О качествахъ, необходимыхъ для Драматическаго Артиста.

Мои убѣжденія на любезнаго Ариста не дѣйствуютъ: онъ непремѣнно хочетъ быть Актеромъ и забываетъ объ опасностяхъ сего званія. „Повинуюсь призванію своего Генія и ничего не боюсь,“ говоришь вы; а я повинуюсь внушеніямъ своего, не менѣе сильнаго Генія, внушеніямъ дружбы и пытаюсь остановить молодаго пріятеля у входа на трудное поприще, имъ избираемое. Страсть дѣйствовать на Театрѣ и собирать рукоплесканія есть признакъ гордой и тщеславной души; но не есть еще признакъ той творческой силы, которою обла-

дали Гаррикъ, Лекень и нашъ Померанцовъ. Не принимайте одной склонности за предназначеніе свое: страсть не замѣнитъ даровъ щедрой природы и не извинитъ въ глазахъ насмѣшливыхъ зрителей неудачь вашихъ. Я знаю, что воображеніе въ очаровательныхъ краскахъ рисуетъ вамъ первый дебютъ, льститъ благоволеніемъ публики и обѣщаетъ громкія рукоплесканія, а что будетъ съ вами, ежели оскорбительный хохотъ васъ встрѣтитъ и шипѣніе проводитъ со сцены? Вы полагаете, что зрителями вашего опыта будутъ одни любители прекраснаго, люди праводушные, истинные цѣнители дарованія и покровители отечественныхъ талантовъ: ошибаетесь, любезный Аристъ, вы не знаете партера. Ежели вы правы, то объясните намъ, почему нѣкоторые театральные ефемеры пользуются неимовѣрными успѣхами, а истинныя дарованія какою-то вынужденною и не искреннею славой. Но положимъ, что судьи ваши будутъ

благосклонны къ новому Артисту, кто выпросить вамъ благосклонность природы? Кто дастъ средства, безъ которыхъ вы останетесь всегдашнимъ новичкомъ на сценѣ и умножите собою толпу художниковъ, нуждою загнанныхъ на театръ и посредственно осужденныхъ быть мѣтою насмѣшекъ людей даже неостроумныхъ? — Актеру, съ требованіями на славу, многія качества отъ природы имѣть надобно и многія приобрѣсть должно: поговоримъ о нужнѣйшихъ. Вы повѣрите себя съ моими словами, и ежели не поколеблетесь въ своей рѣшимости, то я скажу вамъ: sint tibi mollia fata!

Чѣмъ болѣе непредвидимыхъ опасностей намъ угрожаетъ, тѣмъ болѣе нужны для насъ твердость и присутствіе духа. Безъ нихъ не совѣтую выходить на сцену, гдѣ все *противъ* и очень мало *за васъ*. Вы не можете составить для себя счастливаго предубѣжденія.— Не даромъ жизнь сравниваютъ съ пе-

апромъ: на немъ мы видимъ карпины свѣта и вы, Гг. Акперы, испытывасте превратности опаго. Сколько непредвидимыхъ случаевъ, маленькихъ упущеній по должности со стороны режисера, небрежности со стороны сопрудниковъ и шалостей прекрасной половины вашей трупны могутъ смѣшать неопытнаго Артиста и....

Ужь ничего не видитъ онъ:
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь, умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой!

А насмѣшливая толпа! она по волѣ расточаетъ похвалы и порицанія — и ни кому не отдаетъ отчета въ своихъ поступкахъ. Вы, напримѣръ, играете прогапельную сцену, употребляете всѣ усилія своего таланта, думаете, что попрядли души зрителей и слышите громкіе и пустые разговоры въ ложахъ, креслахъ и парперѣ. Вы вините себя въ такомъ случаѣ, а надобно винить

ваших судей потому, что многіе изъ нихъ на вопросъ:

Да что тебя къ театру привязало!

Скажутъ: меня?

По мнѣ его хоть вѣкъ бы не бывало!

Имъ надобно не представленіе, а многолюдство; они въ театрѣ за тѣмъ, чтобы видѣться и разговаривать съ пріятелями, глазѣть по ложамъ, мѣшать сосѣдямъ, искать приключеній и быть гдѣ нибудь, а не дома. Такіе Господа, скучая отъ праздности и необразованія, назовутъ скучною пьесу, которой не знаютъ и будучи не довольны собою, будутъ не довольны Актерами, которыхъ не слушали; за то на нихъ расплатятся съ безпечными своими родителями и собственными пороками. Какъ ни худы подобные зрители, но гораздо лучше извѣстныхъ патроновъ, принявшихъ въ защиту свою нѣкоторыхъ, прежде васъ выступившихъ на сцену. Чѣмъ болѣе покажете дара и искусства въ дебютѣ своемъ, тѣмъ

болѣе виноваты будете вы ихъ глазахъ. Въ случаѣ недостатка явныхъ погрѣшностей въ игрѣ вашей, невѣжество костюмера, или предметъ избранный поэтомъ для драмы и не красивость одежды того времени, вамъ причтется въ вину неизвинительную. Къ симъ антагонистамъ вашимъ пристанутъ тѣ, которые побывавши въ Парижѣ, заклялись не признавать талантовъ въ отечествѣ, и тѣ, которые исключительно любятъ старину и говорятъ: послѣ такого-то и такой-то, можно ли съ терпѣніемъ видѣть на сценѣ такого-то и такую-то; и наконецъ тѣ, которые присвоивъ себѣ имя знатоковъ, захотятъ на вашъ счетъ въ глазахъ тетушекъ, сестрицъ и пріятельницъ поддержать мнимую славу свою. Порицать легче, нежели хвалить, и васъ вѣрно не похвалятъ тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени порицаніе почитается у насъ за несомнѣнный признакъ высокаго вкуса. Не знаю, справедливо ли такое мнѣніе; а думаю,

что торжество вкуса разбирающаго есть несомнѣнный признакъ упадка вкуса творческаго. Какъ бы то не было, но прежде появленія предъ судилище, вамъ подписать будетъ многими осудительный приговоръ: васъ встрѣтятъ убійственнымъ хладнокровіемъ и проводятъ изъявленіемъ явнаго недоброжелательства. Вы надѣетесь на знатоковъ истинныхъ? Истинныхъ знатоковъ такъ мало и голосъ ихъ такъ слабъ, что крикъ райка и шиканье вашихъ недоброжелателей совершенно заглушатъ похвалы безпристрастныхъ. Осмѣлитесь ли вы, послѣ такого пріема, показаться въ другой разъ? Бѣда, если покажетесь, бѣда если и не покажетесь: въ первомъ случаѣ нужно не человѣческое терпѣніе, во второмъ побѣгъ изъ родины, но (увы!) имя ваше попадетъ въ лѣтописи злословія, и ежели

Не вы — такъ ваша честь умретъ.

Множество ролей у насъ исторчено неис-

кусными Актерами, терзавшими сочиненіе въ епоху его появленія; преники ихъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ рабски подражая своимъ предмѣстникамъ, умѣли узаконить въ воображеніи зрителей искаженіе нѣтическихъ вымысловъ. Вы позаботитесь исправить поврежденія и вооружите противъ себя большую часть публики, для которой давность и привычка замѣняютъ требованія вкуса. У насъ, выражаясь словами экономистовъ, именная цѣна выше вещественной, или лучше, есть единственная цѣна предметовъ и потому вамъ нужна будетъ непоколебимая твердость для того, чтобы поставить себя выше мнѣній и достигнуть совершенства, истинной цѣли всякаго свободнаго искуства. Съ твердостію и присутствіемъ духа надобно родиться: ни какія наставленія и ни какіе горестные опыты не дадутъ того, въ чемъ отказала природа. Исторія говоритъ объ одномъ Демосѳенѣ, побѣдившемъ боязливую натуру свою; о

сколькихъ же неизцѣлимыхъ прусахъ умалчиваетъ исторія?

Природа наградила васъ прекраснымъ органомъ, видною фигурой и пріятною наружностію: важныя пособія для Актера, но безъ сценической ловкости, безъ умѣнья измѣнять по приличіямъ физіономію и безъ навыка управлять голосомъ, дары природы будутъ безполезны для васъ на театрѣ; а искуство пользоваться оными по требованіямъ ролей, приобрѣтается опытомъ, познаніями психологическими и акустическими. Не хочу, чтобъ вы по примѣру многихъ, употребляли напряженіе голоса во время представленія. Крикъ не сдѣлаетъ васъ внятнымъ; умѣйте приноровиться къ отголоску театра и приобрѣсть искуство произносить слова при обыкновенномъ усиліи голоса съ разстановкою, недопускающею пропадать ни одного слова для ушей зрителя. Я не знаю хорошей комедіи, въ которой шутили бы надъ недостатками при-

роды; ибо они смѣшны для грубаго вкуса и злонравной души; однакожъ, по мнѣнію *нѣкоторыхъ*, есть *прекрасныя* театральныя сочиненія, въ которыхъ уроды занимаютъ первое мѣсто, за то много сыщется характеровъ въ драмахъ, возбуждающихъ всеобщій смѣхъ странностію своихъ привычекъ. Не хотѣлось бы мнѣ видѣть между Актерами подлинныхъ уродовъ нравственныхъ или физическихъ, но желалось бы, чтобъ Артистъ искуствомъ изобразилъ искаженіе человѣчества сколько можно естественнѣе; ежели въ угодность моды не одна прекрасная природа и не одна изящная каррикатура должны быть предметами наслажденій для вкуса. Не говорю ни слова о памяти Актера, обязаннаго при всей бѣдности Рускаго репертуара вытверживать ежегодно многія сотни страницъ; но желаю, чтобъ любезный мой Аристъ, выступивши на сцену, болѣе надѣялся на себя, нежели на суфлера. Очарованіе зрѣлища исчезнетъ, ежели замѣ-

нятъ въ немъ хотя малѣйшее сходство съ древними прорицалищами Грековъ, славными не собственнымъ вдохновеніемъ, но остроуміемъ жреческихъ отвѣтовъ. Естественно ли быть героемъ такому проказнику, который не безъ основанія труситъ выговоровъ театральнаго Директора за незнаніе роли?

Вы довольно хорошо знаете Драматическую поэзію нашего отечества; но этаго познанія мало для хорошаго Артиста. Вамъ надобно знать Рускую Словесность и Рускій языкъ. Первая распространитъ вашу нравственную сферу, откроетъ предъ вами обширнѣйшій обзоръ вещей, столь необходимо нужный для человѣка, подвизающагося на поприщѣ свободныхъ искуствъ; второй сдѣлаетъ васъ способнымъ къ исполненію своего званія. Ошибки противъ просодіи или языка, всего примѣтнѣе на сценѣ, и пустъ примѣтнѣе, нежели гдѣ либо. Но отечественная словесность неизчерпала еще всѣхъ познаній человѣческихъ, всѣхъ тонкостей

чувствованія, всѣхъ оттѣнковъ страстей и всѣхъ прихотей вкуса; а человѣку, намѣревающемуся въ глазахъ просвѣщенной Публики, по даннымъ чертамъ, часто очень легкимъ, изображать въ картинномъ видѣ заблужденія сердца и разсудка, открывать тайныя побужденія нашей воли и приводить въ игру воображеніе зрителя — сколько познаній имѣть нужно? Куда же обратишесь вы съ вопросами и желаніемъ научиться, ежели Исторія, проливающая свѣтъ на пѣсни Бардовъ и ученые успѣхи образованнѣйшихъ націй вамъ будутъ неизвѣстны? Шекспиръ, Мольеръ, Иффландъ не только были Актёрами, но и просвѣщеннѣйшими писателями своего вѣка. Чтеніе на чужихъ языкахъ должно способствовать Артисту въ достиженіи совершенства на отечественной сценѣ. Но декламація и мимика должны болѣе всего занимать васъ и тѣмъ болѣе, что въ Россіи онѣ не достигли до значительныхъ успѣховъ, не приведены въ порядокъ и не преподаются

систематически. Собственный опытъ и подражаніе руководствуютъ нашими Актерами въ чтеніи и тѣлодвиженіяхъ. Вамъ предстоитъ дать образцы (со временемъ) въ томъ и другихъ. Опытъ приобрѣтается не скоро; а подражанія рѣдко бываютъ удачны: проложите новую дорогу. Дайте декламаціи Руской то, чего нѣтъ въ ней; сдѣлайте ее натуральною и благозвучною, словомъ приведите въ простой и естественный разговоръ, оживляемый быстрымъ раскрытіемъ сильныхъ спрастей и возвышенныхъ чувствованій. Пусть благородство и красота сопровождаютъ каждое изъ движеній вашихъ; а слова поэта будутъ источникомъ оныхъ. Менѣе маханій, менѣе кривляній, менѣе наружной важности и болѣе внутренней силы — вотъ чего ожидаютъ отъ васъ. Замѣтьте, что цѣль изящнаго искуства есть стремленіе подойти къ природѣ совершенной? Сердце мое разрывается, когда смотрю на декламацію и мимику мно-

гихъ любимцевъ публики. Рѣдко думаютъ они о соблюденіи приличій того лица, которое за грѣхи наши представляютъ подъ ревъ и рукоплесканія высокаго райка. Посмотрите, какъ ети господа, надѣвъ тогу и котурны, забываютъ, что естественность и благородная простота суть важнѣйшія основанія изящнаго; а законы здраваго смысла — первое условіе наслажденій вкуса. Въ однихъ вы найдете необыкновенное изобиліе жестовъ, изобрѣтаемыхъ для каждаго отдѣльнаго слова, въ другихъ утомительное однообразіе движеній такъ, что смотря на игру скажете: радость и печаль, уваженіе и гнѣвъ имѣютъ одинъ языкъ движеній.) Изящная Пластика имѣетъ свой голосъ въ театральномъ искусствѣ: я совѣтовалъ бы вамъ почаще останавливаться предъ прекрасными произведеніями Греческаго рѣзца и наглядымъ образомъ научаться изъ нихъ благородству, легкости и величію положеній.

Вкусъ, при естественномъ расположеніи къ нему, пріобрѣтается навыкомъ и образованіемъ. Безъ него нѣтъ ни Актера, ни Поэта, ни Музыканта. Испытайте, имѣете ли вы въ себѣ признаки вкуса творческаго и вкуса критическаго. Тотъ и другой необходимы для Артиста. Основаніемъ каждаго свободнаго искуства, должно быть искуство прекрасныхъ вымысловъ, или Поезія, не въ общепринятомъ значеніи слова. Вы должны создать ролю, дать ей образъ, такъ сказать, въ которомъ отражалась бы мысль Поэта. Кто провелъ рѣзкую черту между истинно комическимъ и фарсомъ, и между высокою перваго рода игрою трагическаго Артиста и бѣснованіемъ Актера - самозванца? Вкусъ будетъ единственно руководителемъ вашимъ въ образованіи роли, а разборъ игры лучшихъ современныхъ Актеровъ, какъ средства отстранять недостатки. Есть услуга, которую окажетъ вамъ вкусъ обсуживающій; онъ удержитъ васъ отъ дер-

зостии пополнять стихи, или прозу драматическаго писателя и всѣхъ фарсовъ, которыми угождаютъ парадизу.

Вотъ далеко неполная роспись того, что нужно хорошему Актеру. Если не страсть одна васъ увлекаетъ на сцену, то изчисленіе мое не покажется вамъ взыскательнымъ. Я скажу нѣсколько и о самой страсти къ Изящнымъ Искуствамъ. Она всегда сопутствуетъ генію, вызываетъ его на поприще и способствуетъ успѣхамъ; но не рѣдко живетъ и одна въ сердцахъ людскихъ безъ силы творческой, безъ благороднаго огня и чувства, разторгающаго для избранныхъ сферу обыкновеннаго бытія. Я хотѣлъ бы найти въ Артистѣ не страсть, мало подчиненную разсудку и часто препятствующую дальнѣйшему образованію; но благородную склонность, любовь къ своему искуству, безъ которой и свободное художество многіе умѣютъ превратить въ ремесло и средство къ пропитанію. И такъ

любезный Аристъ, если не одно искание славы зоветъ васъ на театральное поприще, то пуститесь, въ добрый часъ! Но любить славу, хотя позволено всякому, за то искать ее не стыдно только для того, кто имѣетъ нѣкоторыя права на приобрѣтеніе оной. Если въ сердцѣ вашемъ горитъ огонь любви къ прекрасному, если геній зоветъ васъ и управляетъ рѣшимостію, то блестящіе успѣхи ожидаютъ васъ на сценѣ. Вы присоедините имя свое къ почтеннымъ именамъ Рускимъ, содѣйствовавшимъ въ отечествѣ водворенію изящнаго. Восторгъ зрителей будетъ ободрять васъ въ борѣніи съ препятствіями, а страница въ лѣтописяхъ вкуса послужитъ наградою за преодолѣніе трудностей и достиженіе совершенства:

Wer den besten seiner Zeit
Genug gethan, der hat gelebt für alle Zeiten!

....й .....б .....й.

VIII.

Изъ Комедіи: *Чванство Транжирина.*

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе VI.

Транжиринъ.

Я, братъ, ничего не думаю, да такъ къ слову пришлось; мы умѣемъ различать людей; живали таки и въ Петербургѣ, знали и большой свѣтъ: за версту изъ окна увидимъ плута. *(Глядя въ окно).* Ба! да кто катитъ? Ни какъ Меркулъ Гурьичь къ намъ съ поклономъ.

Фарафошкинъ.

Ето точно Ягуновъ.

Транжиринъ.

Ягуновъ!... Вѣдь ты его знаешь? онъ изъ Князевыхъ приближенныхъ?

Фарафошкинъ.

Да.

Транжиринъ.

Я давича приласкалъ его и позвалъ на чашку щеколаду.

Фарафошкинъ.

Какъ! камердинера!... Вѣрно онъ его принялъ за.... Скажу ему.... да нѣтъ, чтобъ не вышло чего.... я не люблю ни съ кѣмъ даромъ ссориться.

Транжиринъ.

Вошелъ. Добро пожаловать!... А вѣдь онъ въ большой милости у Князя?

Фарафошкинъ.

Кажется, Князь его жалуетъ.

Транжиринъ.

А когда Князь жалуетъ, то для чего и намъ не обласкать. *(Идетъ къ двери)*. Милости просимъ, званой гость.

Явленіе VII.

Тѣже и Ягуновъ.

Ягуновъ, *Увидя Фарафошкина.*

Я пришолъ къ Графу.

Транжиринъ.

Мы ему прикажемъ доложить; а между тѣмъ побесѣдуй съ нами. Мы хотъ и не дю-

жиного разбора, а не любимъ чиновъ: съ добрыми людьми за просто обходимся.— Ей! мальчикъ, спулъ.

Фарафошкинъ.

Тотчасъ пошлю. *(Уходя).* Уйти отъ улики.

Транжирить.

Садись любезный.... Садись и ты Еремей.... Юркнулъ какъ юркнулъ. *(Въ сторону).* Спасибо, догадался; смѣтливъ, что канцелярскихъ даромъ не сажаютъ.

Ягуновъ, *въ сторону.*

Хорошо что ушолъ, а то тогобъ и глядя, что огорошилъ.

Транжиринъ.

Да полно же, Меркулъ Гурьичь, чиниться, садись.

Ягуновъ.

Мнѣ, право, не досугъ. *(Въ сторону).* Бѣда какъ Графъ Ипполитъ....

Транжиринъ.

Садись безъ церемоніи. Мой манеръ: поли-

тика политикой, а дружба дружбой; я какъ давича тебя увидѣлъ, то и полюбилъ душевно.

Ягуновъ.

Я самъ почувствовалъ къ вашей особѣ отличное почтеніе.

Транжиринъ.

Такъ у насъ съ тобой, что называется, симпатрія. А вы у Его Сіятельства, кажется, на короткой ногѣ?

Ягуновъ.

Не хвастовски могу сказать, что онъ безъ меня какъ безъ рукъ.

Транжиринъ.

Понимаю: Его Сіятельство вашими руками жаръ загребаетъ. — Человѣкъ знатной, гдѣ самому всѣмъ заниматься: довольно того, что изволитъ подписывать.

Ягуновъ.

О! что до этаго, то Князь самъ во все входитъ.

Транжиринъ.

Знаю, любезный, знаю.... мы таки сами

люди Петербургскіе: смѣкаемъ кое что; не нами свѣтъ начался, не нами и кончится: *всѣ матушкины дѣтки.* И у Князя, чай, формально ни какое дѣло вашихъ рукъ не минуетъ? Вѣдь всегда при лицѣ, не правда ли?

Ягуновъ.

Правда: Его Сіятельство не ляжетъ и не встанетъ безъ меня.

Транжиринъ.

Поздравляю!— Ну такъ сядемъ же рядкомъ, да поговоримъ ладкомъ. *(Беретъ стулъ).*

Ягуновъ, *въ сторону.*

Ему нужда и онъ меня принимаетъ за.... Гупъ бы можно поживиться.... да споткъ Графъ....

Транжиринъ, *схватя его за плечо сажаетъ.*

Вотъ такъ.... Ну, покойнымъ кресла?

Ягуновъ.

Очень. *(Въ сторону).* Чтожъ за бѣда! мы и не съ Транжиринымъ посиживали.

Транжиринъ, *садясь сам.*

Объ чемъ бишь мы начали?.... Да! скажите мнѣ, любезнѣйшій, какъ ты етакъ изволилъ замѣтить, по сердцу ли я Его Сіятельству?

Ягуновъ.

Какъ же; онъ еще и вчера отмѣнно вы-хвалялъ вашу ананасную наливочку.

Транжиринъ.

Благодарствуй. А наливочка-то объядение!... Да не прикажете ли выпить?... Ей! мальчикъ! спроси у Авдулки свойской наливочки, понимаешь? Ну, что глаза выпаращилъ? пошелъ! — Онъ еще новичекъ, я его взялъ въ козачки изъ моихъ Галицкихъ! — Мнѣ самому сдается, что Князь меня полюбилъ: вчера, какъ сватушка Графъ Ипполитъ упросилъ меня разсказать про мое Потѣшинское житье бытье: про театръ, да про сюрпризы, Его Сіятельство, дай Богъ ему здоровье! изволилъ распотѣшиться.

Ягуновъ.

Да, онъ и ложась почивать еще смѣялся.

Транжиринъ.

Не ужь ли? — Ужь прямо большой барищъ!... А не говорилъ ли что обо мнѣ?

Ягуновъ.

Какъ же, все твердилъ: ай да Авдей Конычь, сокровище....

Транжиринъ.

Настоящій Князь!... А вы етакъ не могли бъ съ своей стороны?....

Ягуновъ.

Я не имѣлъ чести лично васъ знать; но по наслышкѣ не премину̀лъ помѣстить кстати словцо....

Транжиринъ.

Благодарствуй! старый другъ лучше новыхъ двухъ. — Да нюхаешь ли табакъ?

Ягуновъ.

Нюхаю.... не прикажете ли?

Транжиринъ, *нюхая.*

Ай! Руской; да и табакерка, кажется, Московской работы. Нѣтъ, голубчикъ, оппъдай-ка нашего Петербургскаго Француз-

скаго. — Превосходительный пріятель изъ своей Парижской провизіи и за свою цѣну уступилъ мнѣ жестяночекъ десятокъ.... Ужь за то и табакъ: что въ носъ, то спасибо Его Превосходительству. Да и табакерка живетъ.

Ягуновъ.

Не изъ Парижа ли?

Тражиринъ.

Не то, что изъ Парижа, а изъ Нѣмецін; я ее съ кучею щепетильной муфобели вымѣнялъ у сосѣда Шишморина на стаю гончихъ_съ доѣзжачими. Попробуй-ка, что вѣситъ; — дѣдовской работы.

Ягуновъ.

Ой, ой! руку оттянуло.

Тражиринъ.

Такъ положите въ карманъ: авось его не оттянетъ; — положижъ небось.... Какъ онъ на меня уставился! — Твоя.... Ето нашему брату трынь трава; а вамъ, чай, пригодится.

Ягуновъ.

Какъ не пригодиться! покорнѣйше благодарю!... и счастливъ буду, если могу чѣмъ отслужить.

Транжиринъ.

Мнѣ, братъ, ничего не надо, все есть чего изволишь; имѣніе славное, знакомство большое и знатной родни сколько душѣ угодно.

Ягуновъ.

Крайне сожалѣю, что не могу ни къ чему вамъ пригодиться.

Транжиринъ.

Ехъ, Меркулъ Гурычь, всѣ мы подъ небомъ ходимъ, не узнаешь, кто пригодится. Вотъ я, хотя благодаря Бога и всѣмъ пожалованъ, да ябеды не люблю: половину имѣнія хлопнулъ, чтобъ только отдѣлаться отъ судовъ; а и тутъ злые люди, изъ зависти что меня вездѣ за свой принимаютъ, задумали осрамить: подучили сумасшедшую всклепать на покойнаго батюшку будто онъ ей былъ отецъ. Я ее знать не

знаю, видать не видалъ; а она съ бухты барахты лѣзетъ въ родню;—да не диви ко мнѣ, а то по мнѣ и къ племянницѣ, — даже къ самому вашему Князю.

Ягуновъ.

Ето не простительно!

Транжиринъ.

Да ужь чортъ съ ней, я человѣкъ доброй, простилъ бы ее, только бы съ глазъ долой, отъ стыда мнѣ и ихъ Сіятельствамъ.... Послушай-ка, вселюбезнѣйшій, нельзя ли етакъ какимъ нибудь побытомъ, чрезъ приятелей, спровадить ее куда по дальше? вѣдь у васъ, людей фаворитныхъ, рука руку моетъ.

Ягуновъ.

Чего, кажется, въ свѣтѣ не льзя сдѣлать черезъ добрыхъ людей—для добраго человѣка. Да если Князь узнаетъ, то бѣда: онъ шутить не любитъ.

Транжиринъ.

Гдѣ ему узнать о такой мѣлочи; а хоть и узнаетъ, вывернемся: человѣкъ ты умной.

Ягуновъ.

Да какъ?

Транжиринъ.

Ученаго учить только портить. А вотъ на примѣръ, скажи ему хоть спакъ: для вашей же Княжеской чести, батюшка Ваше Сіятельство, мы вступились за Авдея Коныча: онъ вамъ человѣкъ свой... Вѣдь вы, кажется, можете сказать, что я ему свой?

Ягуновъ.

Онъ самъ признается, что братецъ его Княгини женатъ на вашей племянницѣ.

Транжиринъ.

Вотъ что называется прямой Генералъ. Ну такъ разсудите, пристало ли стой дряни старушонкѣ нарахтиться въ такое родство?

Явленіе VIII.

Тѣже и Графъ.

Графъ, *выходя изъ своей комнаты.*

Транжиринъ сидитъ съ Ягуновымъ, славно!

Транжиринъ.

Что жъ, любезный, такъ ли?

Ягуновъ.

Такъ.

Транжиринъ.

А когда такъ, то хлопнемъ по рукамъ.

Графъ.

Бьетъ по рукамъ, прекрасно!

Транжиринъ.

И обнимемся.

Графъ.

Обнимаются... безподобно!... Попался чванъ! Здравствуйте, Авдей Кононычь.

Транжиринъ.

Ахъ, батюшка Графъ Ваше Сіятельство! мое почтеніе. Какъ вы подкрались. *(Ягуному, которой вскочилъ)*. Что ты всполошился! Графъ не взыщетъ.... *(Графу)*. Вѣдь, я чай, онъ имѣетъ честь васъ знать?

Графъ.

Какъ же: онъ Княжой камердинеръ.

Тряпжиринъ.

Камердинеръ! то есть, слуга?

Графъ.

Слуга.

Тряпжиринъ.

И крѣпостной?

Графъ.

Сестрин приданой.

Тряпжиринъ, *въ сторону.*

А я съ нимъ.... ахъ, я старой дуракъ!

Графъ.

Что съ вами сдѣлалось?

Тряпжиринъ.

Ничего, батюшка Графъ Ваше Сіятельство, право ничего. *(Въ сторону).* За чѣмъ на етихъ холопей мѣшокъ не кладутъ. *(Слуга вноситъ наливку).* Ну, вотъ еще другой съ поличнымъ. *(Слугѣ).* Не надо, не надо... ну что жъ ты сталъ, разиня? слышишь ли. не-надо? — *(Гонитъ слугу).*

Графъ, *Нечунову.*

Смѣлѣй продолжай: проучи хорошенько чвана.

Ягуновъ.

Слушаю-съ.

Транжиринъ.

Осрамилъ меня етотъ негодяй; совѣстно на свѣтъ глядѣть.

Графъ.

Вы что-то не въ себѣ?

Транжиринъ.

Въ себѣ, ей Богу въ себѣ.... и не подумайте, батюшка Графъ....

Графъ.

Чего?

Транжиринъ.

А такъ, чего нибудь зазорнаго... *(Ягунову)*.

Поди, голубчикъ.

Ягуновъ.

Дозвольте....

Транжиринъ.

Не дозволяю, поди вонъ.

Ягуновъ.

За что жъ такая вдругъ немилость; не вы ли сами изволили?...

Транжиринъ.

Я ничего не изволилъ; ты лжешь.— Не вѣрьте ему, Графъ батюшка, Ваше Сіятельство.

Графъ.

Да онъ ничего не говорилъ.

Транжиринъ.

Еще бы онъ смѣлъ говорить при Вашемъ Сіятельствѣ?

Графъ.

Почему жъ? когда онъ сидѣлъ съ вами.

Транжиринъ.

Сидѣлъ.... какъ! — Развѣ ты сидѣлъ?... Я что-то не замѣтилъ....

Ягуновъ.

Да вы меня насильно посадили и изволили обнимать.

Транжиринъ.

Врешь! стану я тебя обнимать.

Графъ.

Такъ мнѣ стало быть показалось?

Транжиринъ.

Точно показалось, Богъ свидѣтель пока-

залось.... Да и какъ бы ванъ холопъ осмѣлился со мною обниматься? — Пошелъ вонъ.

Ягуновъ.

Я приселъ по приказанію Его Сіятельспва.

Транжиринъ.

Вздоръ.

Ягуновъ.

Я могу сослаться въ томъ на самаго Графа.

Транжиринъ.

Тебѣ ли ссылаться на такую особу?...

Графъ.

Я точно за нимъ посылалъ; но онъ заставилъ себя ждать, и мнѣ больше не нуженъ.

Транжиринъ.

Негодный! — Такъ прикажите ему выдти.

Графъ.

Онъ и васъ послушаетъ.

Транжиринъ.

Сей часъ вонъ!... Онъ не слушаетъ.

Ягуновъ.

Позвольте мнѣ оправдаться.

Транжиринъ.

Какъ! ты еще вздумалъ оправдаться передъ родовымъ Господиномъ своимъ.... вонъ! *(Въ сторону)*. Видѣть не могу ещаго нахала.

Ягуновъ.

Воля ваша, я не пойду, пока....

Транжиринъ.

Пока тебя не прогонятъ.... Вонъ.... съ вашего позволенія, батюшка Графъ. *(Толкаетъ Ягунова)*. Убирайся!... не прогнѣвайтесь, сватушка; — исчезни, окаянный!.... извините, Ваше Сіятельство.

Графъ.

Очень извиняю: вы не меня толкасте.

Транжиринъ.

Стерпитъ, не большой баринъ.... да вы-но не почтите за грубость....

Графъ.

Я не мѣшаюсь въ вашу ссору: дѣлайте съ нимъ, что хотите.

Транжиринъ.

Покорно благодарю!... Слышишь ли? выдь же вонъ въ сей моментъ, грубіянъ!

Ягуновъ.

Да чтожъ я сгрубилъ?

Транжиринъ.

Какъ, что? да ты осмѣлился заставить дожидаться, — и кого? — самаго Графа.

Графъ.

Отъ нынче зазнался, и его надо проучить.

Транжиринъ.

Прикажите только.... да гдѣ моя Петербургская трость.

Ягуновъ.

Помилуйте! да онъ до трости добирается.

Графъ.

Господское дѣло, изъ своихъ рукъ поколотить, да и пожалуетъ.

Ягуновъ.

Чортъ возьми его жалованье! Воля ваша, я уйду.

Графъ.

Къ чему торопишься, Меркулъ Гурычь, погоспите у насъ.

Транжиринъ.

Ни гдѣ не найду.... Гей!

Ягуновъ.

Людей кличетъ.... *(Уходитъ).*

Транжиринъ.

На силу послушался; счастье его, что я не опыскалъ тростн.

Графъ.

А я напротивъ сшому радъ.

Транжиринъ.

А что?

Графъ.

Такъ.... Князь очень любитъ стаго негодяя.

Транжиринъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Графъ.

Да, онъ у него первый человѣкъ въ домѣ.

Транжиринъ.

Неужто?

Графъ.

И даже пользуется его довѣренностію.

Тражкринъ.

Взаправду? а я.... *(въ сторону)* попалъ изъ огня въ полымя.... *(Графу)*. Семъ кликнемъ его назадъ.

Графъ.

Семъ.

Тражкринъ.

Ей Гурычь, Гурычь!.... Люди!.... Авдулка!.... *(Авдулъ входитъ)*. Бѣги скорѣй за нимъ.

Явленіе IX.

Тѣже и Авдулъ.

Авдулъ.

За кѣмъ прикажете?

Тражкринъ.

За нимъ, безполковой.

Авдулъ.

За госпемъ чшо ли?

Тражкринъ.

За какимъ госпемъ? Чшо онъ за госпь?

Авдулъ.

Да что же его милость?

Транжиринъ.

Молчи, не твое дѣло, бѣги. — *(Авдулъ уходитъ).* Ужь не попъшишь ли его подарочкомъ.

Графъ.

За что? Вы его еще не побили.

Транжиринъ.

Да все таки лучше; чорпъ съ нимъ: чтобъ не поминалъ лихомъ; провались онъ сквозь землю; не равно сфискалитъ Князю; гори онъ огнемъ, часишки меня не раззорятъ.

Графъ.

Я васъ съ нимъ даромъ помирю.

Транжиринъ.

Кабы милость ваша была; да чтожъ его не ворочаютъ?

Кн. А. Шахоской.

IX.

Изъ комедіи: *Благородный Театръ.*

Et la troupe est souvent un beau sujet
de pièce.

DELILLE.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I.

Наташа, Олинька, Любская, Любской, Посошковъ, Вельской и Извѣдовъ. (*Всѣ сидятъ, выключая Извѣдова и Наташи*).

Любской.

Итакъ, мои друзья, спектаклю должно быть
Сего дня въ вечеру; — прошу не позабыть,
Что ровно въ семь часовъ начнется пред-
ставленье;
Потомъ дадимъ мы балъ — и вѣрно угощенье
Весь городъ удивитъ. — Не правда ли, жена?

Любская.

Конечно удивитъ. — Ну, тѣ ли времена,

Чтобъ праздники давать?

Любской.

Опять браниться стала.

Любская.

Да, да! рублей пять сопъ, какъ будто бъ не бывало;
Къ чему, сударь? — За чѣмъ? — Большая вѣдь нужда....

Любской.

И полно, матушка! — Ну, что же, господа?
Пора бы, кажется, за пробу приниматься.

Извѣдовъ.

Конечно бы пора; но должно всѣмъ собраться.

Посошковъ.

Слуги и дяди нѣтъ.

Любской.

Да что за чудеса!
Ихъ вѣчно нѣтъ, какъ нѣтъ.

Посошковъ.

А скоро два часа!

Вельской, *смотря на часы.*

Почти.

Посошковъ.

Охъ, спи мнѣ, Бюрюлькинъ и Лилѣевъ!
Всегда послѣдніе.

Любской.

Отъ этихъ намъ злодѣевъ
Житья ужъ вовсе нѣтъ.

Посошковъ.

Играютъ хуже всѣхъ.

Любской.

Сердись на нихъ — брани; а имъ лишь только
смѣхъ.

Посошковъ.

Послѣдней не хотятъ порядкомъ сдѣлать
пробы!

Любской.

Изволь ихъ ждать! — Да, что за важныя
особы?
Ужь имъ опоздывать! — Бирюлькинъ, на-
примѣръ,
Вѣдь баринъ не большой, — въ отставкѣ
землемѣръ.

Актеръ весьма плохой, — и человѣкъ пре-
скучной;
По милости моей имѣетъ хлѣбъ насущной,
И еслибъ только я хотѣлъ его прижать....

Любская.

Вопъ то-то, батюшка, всѣхъ хочешь одол-
жать;
Готовъ хоть все отдать за пару компли-
ментовъ.
Онъ годъ по векселю не платитъ и про-
центовъ;
А ты, сударь, молчишь.

Любской.

Покуда замолчу,
За то ужъ послѣ я порядкомъ проучу;
И если вечеромъ, по нашему желанью,
Піеса не пойдетъ — такъ векселя ко взы-
сканью.

Вельской.

Онъ болснъ, можетъ быть.

Любской.

И это не резонъ.
Ужъ мнѣ наскучило терпѣть.

Посошковъ.

Да вотъ и онъ.

Явленіе II.

Тѣже и Бирюлькинъ.

Любской.

Помилуй, мой отецъ! — Начто ето похоже?

Бирюлькинъ.

Простите, виноватъ!

Посошковъ.

Всегда одно и то же.

Бирюлькинъ.

Дѣлишки завелись; сей часъ въ палатѣ былъ;
На силу вырвался.

Любской.

А ето позабылъ,
Что ты еще путемъ своей не знаешь роли?

Бирюлькинъ.

Не смѣя выступить никакъ изъ вашей воли,
Я всячески твержу, учусь, измученъ весь,
И еслибъ не дѣла....

Любской.

Дѣла-то, сударь, здѣсь.

Посошковъ.

Не знаете ль, куда Лилѣевъ нашъ дѣвался?

Бирюлькинъ.

Гуляетъ, кажется; сей часъ лишь мнѣ попался.

Любской.

Гуляетъ? Боже мой!

Посошковъ.

Ну если совѣсть въ немъ!
Ужь скоро третій часъ—когда же мы начнемъ?
Хоть етотъ разъ его порядкомъ побраните.

Любской.

Все это братецъ ты!....

Посошковъ.

За что-жъ меня вините.

Любской.

За то, что безъ тебя мнѣ въ умъ бы не пришло
Театры заводить.

Посошковъ.

Когда на то пошло,
Позвольтежъ вамъ сказать: и вы не слишкомъ правы.

Театръ мы завели для собственной забавы,
Такъ вамъ бы пригласить порядочныхъ людей:
Начшо Лилѣевъ вамъ?

Любской.

Ужь подлинно злодѣй!
Какъ смѣлъ и думать онъ, что можетъ насъ дурачить?
Отъ куда спѣсь взялась? — И что онъ въ свѣтъ значитъ?
Безпутной мотъ, давно извѣстный за глупца,
Сѣдой, сполѣпний франтъ, плѣняющій сердца,
Всемірный шутъ, нахалъ, болтунъ и лжецъ безстыдной.

Посошковъ.

А сверхъ того таланта ни мало не завидной:
Бормочетъ прозою, коверкаетъ стихи;
Ну, словомъ истинно, актеръ онъ за грѣхи.

Любской.

Какой актеръ? — Пустой актеришка — превздорной....

Вельской.

Но тише: онъ идетъ!

Любской.

Такъ что жъ!....

Явленіе III.

Тѣже и Лилѣевъ.

Лилѣевъ, *кланяясь всѣмъ.*

Слуга покорной!

Посошковъ.

Наслу дождались.

Любской.

Здорово, милой мой!

А я было хотѣлъ послать къ тебѣ домой.

Скажи, пожалуйста, боишься ли ты Бога?..

Лилѣевъ.

А что?

Любской.

Ужь третій часъ.

Лилѣевъ.

Я опоздалъ не много;

Ну что же? не бѣда.

Посошковъ.

Конечно не бѣда,

И сто можетъ быть со всякимъ — иногда;

Но каждый разъ....

Любской.

Мы все сносили терпѣливо;
Теперь позволь сказать: вѣдь сто не учтиво,
Заставить ждать....

Лилѣевъ.

Такъ что жъ? вина не велика;
Къ тому жъ, вы знаете, я ролю старика
Взялся играть у васъ единственно изъ дружбы.

Посошковъ.

Но вы....

Лилѣевъ.

Ахъ, Боже мой! да ето хуже службы!
Не ужто долженъ я, для вашихъ всѣхъ затѣй,
Забыть родныхъ своихъ, знакомыхъ и друзей;
Съ утра до вечера ни чѣмъ не заниматься,
Отъ всѣхъ веселостей охотой отказаться,
И даже не гулять? — Нѣтъ, нѣтъ! благодарю;
Да ешакъ я себя въ недѣлю уморю.

Посошковъ.

За чѣмъ брались?...

Лилѣевъ.

За чѣмъ? — Вы точно, сударь, правы:
Не должно бы ни какъ, для собственной мнѣ славы,
Любовниковъ вездѣ играя молодыхъ,
Показывать себя въ такихъ роляхъ пустыхъ.
Возмите, вотъ она!...

Любской.

И! какъ себѣ не стыдно!

Лилѣевъ.

Да что жъ? помилуйте!—мнѣ сто ужъ обидно:
Я жертвую собой — хочу вамъ угодить,
Меня жъ бранятъ.

Любской.

Ну вотъ, нельзя и пошутить.

Лилѣевъ, *Посошкову.*

Я, кажется, опять васъ ни мало не завишу.

Любской.

И полно, брать!

Извѣдовъ.

Прочесть позволишь ли мнѣ?

Любской.

А что, затѣйлива?

Изѣдовъ.

Старался сколько могъ.

Посошковъ.

Напрасно не сказалъ, а то бы я помогъ.

Любской.

Ужь вѣрно хорошо: онъ былъ актеръ при-
дворной,
И малой умница — досужій и проворной.

Изѣдовъ, *кланяясь.*

Помилуйте!

Лилѣевъ.

Да, да! и ловокъ и осторъ.

Посошковъ.

Къ тому жъ, при немъ скажу, отличнѣйшій
суфлеръ!

Изѣдовъ, *читаетъ афишу.*

„Сего дня въ Пятницу, въ домѣ Степана
„Ивановича Любскаго, обществомъ любите-
„лей театра представлена будетъ въ первый

„разъ: Осмѣянной опекунъ, комедія въ трехъ „дѣйствіяхъ, сочиненія Г. Посошкова....

Посошковъ.

Не льзя ли ето вонъ?

Любской.

Къ чему, сударь? напрасно
Комедія твоя написана прекрасно;
Пустъ знаютъ всѣ, что ты и авторъ и акперъ.
Не слушай, братъ, его — чипай! онъ мѣлитъ вздоръ.

Извѣдовъ, *читаетъ.*

„Дѣйствующія лица: Г. Сундуковъ, опе- „кунъ Анюты; Иванъ Михайловичъ Посо- „шковъ; Анюта, богатая сирота; Ольга Ва- „сильевна Любская....

Любской.

Смотри, племянница, всю ролю знать до слова.

Олинька.

Она ужъ у меня недѣли двѣ готова.

Извѣдовъ, *читаетъ.*

„Эрастъ, влюбленный въ Анюшу; Алексѣй „Николаевичъ Вельской....

Посошковъ.

Вотъ истинной талантъ! — Отъ васъ я безъ души.

Вельской.

Нѣтъ, шутите.

Посошковъ.

Божусь, отлично хороши!
Натура чистая!...

Наташа, *тихо Вельскому.*

Ну что жъ? благодарите!

Посошковъ.

Когда вы съ Олинькой на сценѣ говорите
И ей описывать любовь свою должны,
То честію клянусь, вы точно влюблены.

(Олинькѣ).

Не правда ли?

Олинька, *испугавшись.*

О нѣтъ!

Посошковъ.

Такъ вѣрно не хотѣли
Вы сего замѣчать? — Да что жъ вы покра-
снѣли?

Олинька.

Кто? — я-съ?

Посошковъ.

Онъ точно въ васъ влюбленъ.

Олинька.

Въ меня?

Посошковъ.

Ну да!
На етотъ разъ. (*Тихо Любскому*). Она
сгорѣла опять спыда.
Ужь какъ застѣнчива!

Извѣдовъ, *продолжаетъ читать.*

„Сурской, дядя Лизы; Сергѣй Ивановичъ
„Лилѣевъ; Анпропка, Ерастовъ слуга; Спе-
„пашь Сидорочь Бирюлькинъ; Лиза, слу-
„жанка Анюты; Госпожа.... Госпожа....“
Признаться откровенно,
Объ васъ не сказано.

Посошковъ.

А должно непремѣнно.

Изѣдовъ.

Конечно такъ! — Но я ужасно затруднень:
Не знаю какъ назвать.

Любской.

По чести, ты смѣшонъ!
Неужто позабылъ? — Она пипомка наша,
Дочь крестная моя, по имени Наташа,
Нувопъ тебѣ и все!

Изѣдовъ.

Я ето знаю самъ.

Любской.

Такъ чтожъ еще?....

Изѣдовъ.

Нельзя жъ акрись по именамъ
Въ афишѣ называть, — вѣдь ето не учтиво;
Нужна фамилія.

Любской.

Она, братъ, не спѣсива,
Какъ хочешь назови. — Отецъ ея Памфилъ
Былъ управителемъ, а чванства не любилъ;
Служилъ мнѣ по просшу, и вѣренъ былъ до гроба,

За то и дочь его люблю.

Посошковъ.

Когда же проба?

Мы вѣчно не начнемъ.

Извѣдовъ.

Позвольше дочитать.

(Читаетъ).

„Въ заключеніе спектакля будетъ данъ „разнохарактерной дивертисманъ: Пріятель- „ской вечеръ, составленный изъ екоссезовъ, „кадрилей, мазурокъ и конильона; въ коно- „ромъ Господа посѣтители и Г-жи посѣни- „цельницы не откажутся участвовать. На- „чало въ семь часовъ. Всѣ гости равно лю- „безны хозяину, слѣдовательно и мѣста всѣ „равныя; плата за оныя — дружба и сни- „хожденіе зрителей — ето отмѣнно дорого; „но хозяинъ дешевлѣ уступить не можетъ.“

Любской.

Прекрасно, милой мой!

Извѣдовъ.

Такъ можно раздавать

Афиши всѣмъ гостямъ?

Любской.

Конечно, можемъ смѣло.

Посошковъ.

Теперь все кончено, пора бы намъ за дѣло.

Любской.

А что, позавтракать у васъ охоты нѣтъ?

Любская.

И батюшка, къ чему! — Сей часъ дадутъ обѣдъ.

Любской.

Все лучше закусить.

Посошковъ.

И я такой же вѣры.

Любской.

Пойдемте жъ, Господа, по рюмочкѣ мадеры,
А тамъ и на театръ. *(Уходятъ всѣ; Извѣдовъ останавливаетъ Наташу).*

Явленіе IV.

Извѣдовъ и Наташа.

Извѣдовъ.

Постой, моя душа!

Наташа.

Ну, что?

Извѣдовъ.

Сего дня ты какъ Ангелъ хороша.

Наташа.

Благодарю. *(Хочетъ идти).*

Извѣдовъ.

Куда жъ?

Наташа.

Съ тобой болтать пустова
Мнѣ нѣкогда; — прощай!

Извѣдовъ.

Позволь сказать два слова?

Наташа.

Какой привязчивой! — Чего же хочешь ты?
Ну, говори скорѣй.

Извѣдовъ.

О чудо красоты!
Соборъ всѣхъ прелестей, — и горничныхъ
царица!
Скажи, доколь судьбы жестокая десница,
Или яснѣй сказать, свирѣпая рука....

Наташа.

Ты что-то говоришь не кспаши съ высока....

Извѣдовъ.

Служивъ пять мѣсяцевъ съ успѣхомъ Мель-
поменѣ,
Я точно такъ всегда говаривалъ на сценѣ.

Наташа.

Да здѣсь вѣдь не театръ и ты ужь не акперъ.

Извѣдовъ.

За то артистъ въ душѣ и страстный ама-
теръ;
Но дѣло не о томъ; — когда же наша свапьба?
Ты знаешь, у меня прекрасная усадьба
И домикъ щегольской; есшь деньги по рукамъ,
И если крестной твой отецъ поможетъ
намъ,
Откроемъ здѣсь театръ; лишь надобно тер-
пѣнья,
А прутту заведемъ безъ всякаго сомнѣнья.
Ты будешь представлять царицъ — а я царей.
Ну, что же, Ангелъ мой! рѣшайся поскорѣй;
Тутъ думать нечего.

Наташа.

Прошу не торопиться.

Во первыхъ, баринъ мой....

Извѣдовъ.

Онъ вѣрно согласится.

Наташа.

Все такъ; но признаюсь, мнѣ сватьба въ умъ
нейдетъ;
Какъ вспомню барышню, такъ сердце и за-
мретъ.
Вопъ милой, каково остаться сиротою.
Что къ Вельскому она привязана душою,
Ты сто знаешь самъ; а что еще вѣрнѣй,
Несносной Посошковъ всего противнѣй ей,
И не смотря на то, ему ужъ слово дали.

Извѣдовъ.

Неужто Вельскому сто дня отказали?

Наташа.

О, пѣтъ еще, теперь онъ надобетъ для насъ.

Извѣдовъ.

Такъ завтра по утру?

Наташа.

Рѣшительный отказъ.

Извѣдовъ.

А все чай дядюшка! — Да какъ ему не стыдно
Губить племянницу; — подумать-по обидно!
Ну спотъ Посошковъ годился ль ей въ мужья?

Наташа.

На мѣстѣ Вельскаго на все бъ рѣшилась я.

Извѣдовъ.

Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ онъ очень жалокъ:
Влюбленъ, надежды нѣтъ, и къ этому въ добавокъ
Сего дня долженъ съ ней любовника играть.
Не больно ли, скажи?

Наташа.

Ужь нечего сказать,
Повѣришь ли, на нихъ измучилась я глядя....

Извѣдовъ.

А что, мой другъ, вѣдь ей Честоновъ также дядя?
Не уже ли и онъ не хочетъ ей помочь?

Наташа.

О, нѣтъ! Онъ барышню всегда любилъ какъ дочь,
И етой сватьбою не можетъ быть доволенъ;
Но онъ теперь въ Москвѣ, два мѣсяца какъ боленъ;
И объ закладъ побьюсь, не знаетъ ничего.

Извѣдовъ.

Не льзя ли какъ нибудь увѣдомить его.
Что ежлибъ ты къ нему объ этомъ написала?

Наташа.

Не долго написать, да пользы будетъ мало.

Извѣдовъ.

А я такъ думаю, что онъ поможетъ намъ.

Наташа.

Охъ трудно, милой мой! старикъ нашъ такъ упрямъ,
Что Вельскому помочь нѣтъ средства никакова.

Извѣдовъ.

Постигнуть не могу! — и какъ для Посошкова
Рѣшиться откажешь такому молодцу?

Наташа.

Молчи! мнѣ кажется, подъѣхали къ крыльцу.
(Слотря въ окно).
Ну такъ и есть. *(Хочетъ идти).*

Извѣдовъ.

Постой! Чегожъ ты испугалась?

Наташа.

Пусти! и такъ съ тобой я слишкомъ заболталась.
Прощай! *(Убѣгаетъ).*

Явленіе V.

Извѣдовъ, *одинъ.*

Вотъ золото! — Рѣшительно скажу,
Женясь на ней, театръ я смѣло завожу.
Съ такой актрисою мнѣ нечего бояться:
Ей только надобно на сцену показаться,
А то сведетъ съума всю нашу молодежъ;
И подлинно, такой субретки не найдешь,
Хотъ изъ конца въ конецъ объѣзди всю Европу;
А здѣсь въ Губерніи — сыграетъ и Меропу.

М. З.

X.

Изъ Водевиля: *Фениксъ*, или *Утро Журналиста.*

Явленіе VIII.

Грифьякъ, *выходя.*

Като, Като, Като!

Като.

Ахъ! чего изволите?

Грифьякъ.

Не хочешь ли и ты дебютировать въ балетъ?... Я бы очень радъ....

Като.

Что вамъ за радость?... ни отъ меня, ни за меня вы ничего не получите.

Грифьякъ.

А! кстати: что нынче принесли?

Като.

Почти ничего....Полдюжины шампанскаго.... Амьенской пирогъ.... вотъ все.

Грифьякъ.

Только?

Като.

Да, сударь, только.

Грифьякъ.

Однакожъ, теперь время дебютовъ!... А сепьли письма?

Като.

Вотъ, сударь, цѣлая куча.

Грифьякъ.

Подай. (*Надѣваетъ очки*). Посмотримъ. (*Читаетъ*). „Ваша статья прелестна! про-„шу васъ обѣдать сего дня.“— Буду: у него поваръ удивительной.— Что-то шутитъ есть. (*Читаетъ*). „Предложеніе ваше бранить за „одно всѣхъ, кто не имѣетъ счастія вамъ „нравиться, и хвалить взаимно нашихъ при-„ятелей, не достойно ни правдиваго человѣка, „ни честнаго журналиста, и я его отвер-„гаю.“ Глупецъ! отказывается отъ лучшаго средства поддержать свой журналъ; но за то не выйдетъ ни одного нумера Феникса, гдѣ бъ ему не досталось — отъ посторонихъ. Я ужъ объявилъ, что не отвѣчаю за при-

сланныя статьи. (*Развертывая письмо*). Ага! вотъ дамская рука. — „Я вамъ завтра, „золотой Фениксъ, пришлю то дежене, ко„торое вы торговали у Гальара.“

Като, *цбирая сѣ комнатѣ.*

Какъ, сударь! дежене? — Поздравляю.

Грифьякъ.

Да, прекрасное дежене, лиловое съ серебромъ. Ето обѣщаніе меня развеселило. Что-то еще тутъ, на цвѣтной бумажкѣ.— „Я тебѣ, безкрылой Фениксъ, обѣщаю двад„цать щелчковъ въ носъ....“

Като.

Вамъ еще что-то обѣщаютъ? прочтите-ка погромче, я не вслушалась.

Грифьякъ.

Не мѣшайся не въ свои дѣла.

Като.

Не безпокойтесь, я въ ето дѣло не вмѣшиваюсь: все передъ вами.

Грифьякъ.

Если ты будешь мѣшаться въ разговоръ, то я тебя вышлю изъ дома.

Като.

Я и сама выйду, извольте только заплатить, и вы услышите обо мнѣ....

Грифьякъ.

Вотъ ужь и ты разсердилась за шутку.

Като.

Да шутки ваши не забавны.

Грифьякъ.

Для иныхъ. Правда, острота моя сдѣлала мнѣ много непріятностей; впрочемъ, моя ли вина, что люди за все сердятся?

Съ людьми шутить не льзя ни какъ:
Ты скажешь съ легкой остротою,
Что топъ оселъ, что топъ дуракъ,
И ради рѣзаться съ тобою.
Когда бранишь, — кричатъ всѣ ложъ;
Топъ мнѣ грозитъ, къ суду топъ тянетъ.
По пробуй все хвалить.... такъ кто жъ....

Такъ кто жъ читать журналъ мой станетъ?

Като.

Однакожъ, сударь, похвала приноситъ....

Грифьякъ.

Сущій вздоръ! Цѣлая страница самой пухлой похвалы не принесетъ того, что одна строчка сухаго ругательства.

Розету много я хвалилъ:
Она фаянсомъ отвѣчала;
Но разъ Аглаю побранилъ:
И тотчасъ серебра прислала.
Актрисамъ мало, чтобы ихъ
Хвалами мы превозносили;
Но чтобъ, въ угодность имъ, другихъ
Безъ милосердія бранили.

Като.

Вы таки, спасибо вамъ, ето и дѣлаете, и такъ всѣхъ запугали, что безъ вашего паспорта ни кто не смѣетъ показаться на театръ. — Вотъ сей часъ приходила одна при-

взяла изъ Эмиля: она хочетъ дебютировать подъ вашимъ покровительствомъ.

Грифьякъ.

Изъ Эмиля? — Какая нибудь несчастная, брошенная вихремъ страстей въ цезаральную бурю.

Като.

Нѣтъ, судя по Турецкой шали, которая на ней, и по большому подносу, въ салфеткѣ ея лакея, кажется она не изъ несчастныхъ.

Грифьякъ.

Для чего жъ ты мнѣ не сказала?

Като.

Вы почивали.

Грифьякъ.

Да развѣ не можно было разбудить?

Като.

Я не смѣла, и она хотѣла опять быть.... Да такъ же заверпула было сюда маленькая дѣвочка въ коротенькомъ платьицѣ.

Грифьякъ.

Вѣрно танцовщица, — воспитанница Гарделя; жалкое творенье....

Като.

Не очень жалко: она забожала въ Англинской каретъ.

Грифьякъ.

Въ Англинской каретъ?... а! а! сто пахнетъ Лордомъ и гинеями! — Для чего жъ ты ее упустила?

Като.

Она такъ порхнула въ карету, что я не успѣла слова сказать. „Да вы же, сударь, никогда не приказывасте ни кого пускать.

Грифьякъ.

Иногда, а не нынеперь, когда начались дебоши.... Турецкая шаль, Англинская карета, славныя вывѣски!... Впускай всѣхъ, кто ни придетъ.

Като.

Слушаю, сударь; только сдѣлайте милость....

Грифьякъ.

Что такое?

Като.

Разхвалите хорошенько Турецкую шаль.

Грифьякъ.

А что? видно она тебѣ подарила?

Като.

Два луидора, и еще не обрѣзанныхъ.

Грифьякъ.

Ты корыстолюбива, — сто не хорошо.

Като.

Не хорошо, сама я знаю;
Да что даютъ, какъ не возмешь?
И я у васъ перенимаю.

Грифьякъ.

Нѣтъ, ты какъ нищая берешь.

Като.

А вы, сударь, какъ кто бсрете?

Грифьякъ.

Какъ знатный баринъ, какъ судья.

Като.

И совѣсть также продаете?

Грифьякъ.

Нѣтъ, славою торгую я.

Подп, смотри кто придетъ и докладывай мнѣ.

Като, *выходя.*

Я впущу и безъ доклада, кого надо.

Явленіе IX.

Грифьякъ, *одинъ.*

Не смотря на все, что обо мнѣ болтаютъ клупцы, дѣла мои начинаютъ идти порядочно. Правда, подписчиковъ на мой Фениксъ только еще отъ двадцати до двадцати пяти человѣкъ; да ужь за то во всѣхъ кофейныхъ домахъ, во всѣхъ ученыхъ и неученыхъ обществахъ, во всѣхъ клубахъ, книжныхъ лавкахъ, магазинахъ, въ театральныхъ фойе его читаютъ пока, а какъ вчитаются хорошенько, войдутъ во вкусъ, тогда начнутся подписки, подписки и подписки! Дайте только опериться моему Фениксу, а то онъ полетитъ за Рейнъ, за Одеръ и за Неву, и тогда моя слава заставитъ молчать завистниковъ!

Такъ, не долго вамъ храбриться:
Вашу брань уйму тотчасъ;

Скоро Феникс оперится:
Приберетъ къ рукамъ Парнасъ.
Тутъ пишите,
Что хотите,
Да читать не станутъ васъ.
Все обласкъ,
Разругаемъ,
Кромѣ нашего и насъ.

Только на славный подвигъ опасно пускаться одному: слишкомъ разгорячишься, задѣнешь неосторожно, попадешь въ бѣду; а и вины свалить не на кого. Ахъ! если бы мнѣ попался какой нибудь юный геній, которому хочется поострижься, у котораго рука зудитъ на сочиненія, какъ бы я радъ былъ ему, и готовъ побратски съ нимъ дѣлиться, то есть, подарки мнѣ, а прочее ему.

Кто чувствуетъ въ себѣ охоту
Въ моемъ журналѣ попасать,
Того прошу со мной работу
И даже славу раздѣлять.

Ему большихъ наукъ не нужно,
Не надо только робкимъ быть;
А чтобъ подняться намъ, то дружно
Себя мы пустимся хвалить.

* *
*

И правилъ не держася строгихъ,
Пусть будетъ Феникса перо
Какъ бархатъ мягкой для немногихъ,
Для многихъ, какъ кинжалъ остро.

Восхищаться тѣми, которые ищутъ покровителей, колоть тѣхъ, которые полагаются только на свое дарованіе, немножко лгать, немножко клеветать, немножко красть оттуда и отсюда, клепать на себя всѣ знанія,— вотъ почти все, что нужно для такого журналиста, какъ я. Правда, есть такіе, которые поступаютъ иначе; но ихъ ждетъ участь Жильберта.... Какъ смѣть нападать на дружину сочинителей, которые въ модѣ, которые размѣнялись похвалами, посланіями,

заключили союзъ и построились въ оборонительную и наступательную фалангу!

Кн. А. Шаховской.

XI.

Изъ трагедіи: *Марія Стуартъ.*

ДѢЙСТВІЕ III.

Явленіе IV.

Елисавета, *одному изъ чиновниковъ.*

Такъ, мой обманный путь я отто всѣхъ сокрою,
Да не преслѣдуюсь воспорженной толпою.
Возвратъ мой упредитъ повелѣваю вамъ.
(Обращается къ Мельвилю и устремляетъ взоры на Марію).
Безмѣрно пламененъ народъ въ любови къ намъ;
Властитель для него кумиръ богопворенья;
Не смертный, Богъ единъ достоинъ поклоненья.

М. Л. ЛЬВОВА-СИНЕЦКАЯ

Марія, *поддерживаемая Елмою, приподнимается при сихъ словахъ; встрѣчая неподвижный взоръ Елисаветы, содрогается и снова бросается съ ужасомъ въ объятія Елмы.*

Сей хладный взоръ сказалъ, что вотъ сестра моя.

Емма, *тихо.*

Скрѣпись.

Мельвиль, *въ сторону.*

О небеса!

Елисавета.

Кто женщина сія?

Но вы безмолвны всѣ?

Лейчестеръ.

Сіи мѣста являютъ,

Гдѣ ты и вмѣсто насъ вопросъ твой разрѣшаютъ.

Елисавета.

Что слышу? можно ли? — Кто смѣлъ?.... Кѣмъ страхъ забытъ?

Лейчестеръ.

Престань жестокости хранить притворный
видъ,
И если рокъ привелъ сюда Елисавету,
Ты сердца своего послушна будь совѣту.

Мельвиль.

Всевышній велъ тебя; Онъ управлялъ тобой.
Ахъ! на несчастную воззрѣть ты удосной,
У коей при тебѣ всѣ чувства въ отъмѣнѣ.

(Марія собираетъ силы, чтобъ приблизиться къ Елисаветѣ; но съ трететомъ останавливается на половинѣ дороги; ея черты показываютъ сильное борѣніе души).

Елисавета.

Кто о раскаяньи вѣщалъ мнѣ, о смиреньи?
Предъ мною женщина надменная стоитъ
И униженіе лишь гордость въ ней родитъ.

Марія.

Марія! покорись, стерпи уничиженье,
Стерпи послѣднее спокойно оскорбленье.

О гордость тщетная! престань меня тер-
зать.
Иду ей равная у ног ея списать;
Иду, забывъ бѣды, забывъ мой плѣнъ суровый,
Склонишь чело предъ тою, кѣмъ ввергнута
въ оковы.
Сестра! такъ Богъ хотѣлъ и вѣрить я дол-
жна,
Что правая тебѣ побѣда имъ дана.
Судебъ Всевышняго премудросинь намъ не-
зрима,

(Становится на колѣни).

И длань, которой ты вознесена, мной чтима;
Но класу покорись ты сердца своего
И мѣры не умножь страданья моего,
Не дай у ногъ твоихъ сестрѣ твоей зло-
счастной
Молить тебя и ждать привѣтныхъ словъ
напрасно.

Елисавета.

На мѣстъ должномъ ей нынѣ Марію зрю
И правосудиаго Творца благодарю.

Онъ не далъ, чтобы я подъ власть твою склонялась,
У ногъ твоихъ, какъ ты предъ мною, пресмыкалась.

Марія.

Воспомни: на землѣ нѣтъ постоянныхъ благъ;
Несчастна ты была, какъ я, въ плѣну томилась:
Страшись, чтобъ мстящая судьба не возвратилась.
Есть Всемогущій Богъ, земной гордыни страхъ.
О трепещи Того, Кто при твоихъ стопахъ,
Предъ сими Лордами вѣнчанную смиряетъ.
Почти во мнѣ себя; да слава пребываетъ
Не посрамленною двухъ Королевъ тобой,
Дакровь Тудоровъ въ насъ останется святой.
Надежда мнѣ одна и дней моихъ спасенья
Отъ сей бесѣды жду, отъ моего моленья.
Не будь въ душѣ своей, какъ неприступный брегъ,

Къ которому въ день бурь вотще пловецъ
притекъ.
Доколь въ очахъ сестры, ко мнѣ неумолимой,
Зрѣть буду я сей взоръ холодной, недвижимой,
Къ мольбѣ не обрѣту и слова одного.
О, не лишай меня хоть мужества сего.

Елисавета.

Что хочешь мнѣ вѣщать? я зрѣть тебя
рѣшилась,
Долгъ снисхожденія исполнить согласилась.
Забыто мной, что я была оскорблена;
Одною жалостью душа моя полна.
Пусть изречетъ мнѣ свѣтъ правдивые укоры,
Что ваши не хочу я помнить заговоры.

(Елисавета подходитъ къ Маріи; оба Лорда остаются въ отдаленіи).

Марія.

Съ чего начну я рѣчь и какъ моимъ устамъ
Слова всесильныя, плѣнительныя дамъ?

О Боже! притупи въ нихъ оскорбленья
стрѣлы,
Даруй мнѣ сохранить смиренія предѣлы!
Но пусть отъ словъ моихъ зависитъ жребій
мой,
Безъ жалобъ не могу вѣщать я предъ тобой.
Неправосудна ты была ко мнѣ, жестока.
Одна съ надеждою, я жертва злаго рока,
Пришла тебя молить о помощи — и вдругъ
Въ тебѣ предсталъ мой врагъ, а не защит-
ный другъ.
Ругаяся во мнѣ священною порфирой,
Въ гостепріимствѣ здѣсь отказывая сирой
И презря всѣ права закона и людей,
Повергла ты меня во мракъ темницы сей.
Висящю съ пышностью, съ друзьями раз-
лученна,
Почти служителя послѣдняго лишенна,
Въ презрѣнной нищетѣ я дни мои вела,
И на судилищѣ рабовъ твоихъ была.
Но умолкаю я, пускай мои страданья
Не будутъ по себѣ имѣть воспоминанья;

Единый рокъ хочу я обвинять во всемъ.
Невольно ты была Маріинымъ врагомъ.
Нынѣ, не виновна ты и я осталась правой;
Такъ, ненавистью насъ воспламенилъ кро-
вавой
Духъ, адомъ посланный покой нашъ возму-
титъ,
А человѣкъ умѣлъ все прочее свершить!
Безуміе кинжалъ на жизнь твою вручило
Тѣмъ, у которыхъ я защиты не просила.
Вопль жребій всѣхъ владыкъ: вражду своей
во слѣдъ
Они вскупѣ мятежъ и раздираютъ свѣтъ!
Все мною сказано; межъ нами нѣтъ чужаго.
Теперь я отъ тебя суждѣнье внять готова.
Другъ къ другу наконецъ судьба насъ привела,
Повѣдай же мои преступныя дѣла;
Хочу заладить ихъ. Почто не даровала
Ты на мольбу мою бесѣды сей сначала?
Вѣрь, не имѣли бъ мы въ рѣшительный сей
часъ
Сколь скорбнаго и здѣсь свиданія для насъ.

Елисавета.

Вонще въ жестокости меня ты укоряешь,
Вонще судьбу свою въ несчастьяхъ об-
виняешь;
Во всемъ вини себя и свой ницеславной духъ,
Но болъ Францію и Лотарингцевъ двухъ.
Ты знаешь, были мы съ тобою объ въ миръ,
Какъ устремить свой взоръ дерзнулъ къ моей
порфиръ
Сей Гизъ дряхлѣющій, сей гордый Кардиналъ,
Несытый, что подъ власть всю Галлію спя-
жалъ.
Онъ первый пламенникъ войны возжегъ межъ
нами,
Вооружилъ тебя опасными правами
И именемъ льстия моимъ, легко могъ нако-
нецъ
На безразсудную мой возложить вѣнецъ.
Чего не сдѣлалъ онъ, мнѣ бездну изрывая?
Имъ брань противъ меня готовилась святая.
Роптали пастыри, народы, Короли;
Но всѣ поколебать престолъ мой не могли,

Моими предками законно мнѣ врученный
И подданныхъ моихъ любовью упвержденный.
Не давно вашими обычьями влекомъ,
Сиксипъ устремилъ въ меня недѣйствующій
громъ;
Филиппъ мнѣ угрожалъ вѣрнѣйшими бѣдами,
Расхитивъ подданныхъ, собранными судами
Онъ берега мои, мечтающій, спѣсняль;
Но бурю мстящую въ расщепахъ забывалъ.
Торжествовала я и небеса явили,
Что вы неправедно за нихъ сражаньемъ мнили.
Здѣсь царствуетъ покой и весь народъ сча-
сливъ;
Зрю жатвы пышныя средь плодоносныхъ
нивъ,
Зрю грады, полные обилія дарами
И станы воями и пристани судами;
Владычествую я на Сѣверныхъ моряхъ.
Конечно, сознаюсь, что въ Сикстовыхъ очахъ
Безумнымъ кажется подобное правленье;
Онъ сладкаго при мнѣ не узритъ возвращенья
Тѣхъ дней, въ которые презрѣнный Іоанъ

Въ подданство Папѣ далъ корону Англичанъ;
Не узритъ, чтобы я прахъ ногъ его лобзала,
Съ Филиппомъ, съ Валуа безчестье раздѣляла.
Дщерь Генриха — отцу дерзаю подражать.
Римъ на Марію спалъ надежды возлагать,
И что жъ? Твои права святыми объявились;
Война не помогла, къ убійству устремились
И подданныхъ отъ клятвъ освобождали вы
И требовали съ нихъ во храмахъ сей главы.
Убійцы, мятежки грозятъ мнѣ отпо всюду.
Но торжествомъ не Гизъ, я наслаждаться
буду.
Стремился къ цѣли онъ, достигнулъ до
ной:
Надъ мною громъ сбиралъ и грянетъ надъ
тобой.

Марія.

Покорна Богу я; но никогда не мнила,
Чтобъ власть подобную во зло ты обратила.

Елисавета.

Кѣмъ удержуся я и кто мнѣ воспретитъ?
Не исполняю ли, что Папа самъ велитъ?

И Карлъ и Гизъ давноль, насытивъ кровью взоры.
Учили, какъ съ врагомъ намъ прекращать раздоры.
Свободная — что дашь мнѣ вырвени въ залогъ?
Гдѣ клятвы, коихъ Римъ уничтожать не могъ?
Нѣтъ, вы не знаете святаго договора.

Марія.

Когда бъ хотѣла ты, не знали бъ мы раздора.
Почто, въ Британіи власть прежнюю храня,
Не признавала ты наслѣдницей меня?

Елисавета.

О, я должна бъ сама кинжалъ мнѣ въ грудь направить,
Должна бы подданнымъ сама себѣ предпочтить,
Чтобъ всѣ, привыкнувъ правленья новый свѣтъ,
Какъ я еще живу, какъ царствую....

Марія.

Ахъ, нѣтъ!
Живи ты, царствуй, правь Маріи досполь-
семъ.
Престолъ забыла твой убитая страданьемъ.
Слезами съ юныхъ лѣтъ встрѣчаю каждый
день.
Во мнѣ оспалася, увы! Маріи пѣнь.
Ты сокрушила все, надъ всѣми торжествуешь;
Теперь я жду, что мнѣ прощеніе даруешь.
Такъ, такъ, хотѣла здѣсь великая предспать
Конечно не за тѣмъ, чтобъ жертву оскорб-
лять.
Избавь, избавь мсия отъ цѣпи мнѣ несродной
И путь въ Шотландію открой сестрѣ сво-
бодной.
Ахъ! встрѣтивши конецъ плѣненью моему
И жизнь свою, какъ даръ я отъ тебя приму.
Вѣщай, вѣщай скорѣй. О, пребывая строгой,
Ты не заставь меня ждать милости сей долго.
Но горе, если ты не прочешься мольбой,
И не спасешь меня глась милосердый твой;

Когда не прекратишь всѣ бѣдствія про-
щеньемъ,
Когда съ инымъ ко мнѣ приходишь помы-
шленьемъ,
Такъ знай, я не хочу на твой великій тронъ,
На злато всей земли, на славу всѣхъ коронъ
Мѣняясь моей плачевною судьбою,
Быть нѣмъ передъ тобой, чѣмъ будешь ты
предъ мною.

Елисавета.

Но если покорюсь я жалости своей
И умиленная теперь мольбой твоей,
Я милосердіемъ покрою всѣ законы, —
Ты обѣщаешь ли, что прежней обороны
Тобой прельщенные тебѣ не подадутъ?
Что, не спросивъ тебя, оружья не возьмутъ?
Быть можетъ кроется мнѣ заговоръ гро-
зящій,
Быть можетъ, есть Норфолькъ, любить тебя
хотящій.

Марія.

О верхъ страданія!

Елисавета.

Но все примѣръ его
Защитника спрашить возможетъ твоего,
Онъ опъ безумія Норфолька удалится
И опъ любви твоей: за нею смерть спре-
мится.

Марія.

Сестра!

Елисавета.

Лейчестеръ! зри сей испуганный видъ.
По что спокойствія Марія не хранитъ?
Смотри, спокойна я и миловать желаю.
Иль именемъ тебя Норфолька возмущаю?
(Показывая на Лейчестера).
Страшишься ли, что онъ узнаетъ обо всемъ?
Но ты, тщеславная, сама рекла о томъ
И тайны многія, открытыя вселенной,
Явили всѣмъ давно, что было сокровенно.

Марія.

Такъ! міру жизнь моя безъ страха предстоитъ;
Марію судитъ онъ и можетъ быть винитъ.
Не призывала я на помощь ухищренья,

Что бы наружностью прикрыть всѣ заблу-
жденья;
Такъ, на челѣ моемъ личины свѣтъ не зрѣлъ.
Но горе, если вдругъ Елисавены съ дѣлъ
Срывая пепла покровъ благочестивый,
Свѣтъ на нее прольетъ и грозный и пра-
ведный!

Мельвиль, *становится между Королевъ.*

О небо! сихъ рѣчей возможно ль было ждать?
Сію ль бесѣду здѣсь мы думали внимать?

Марія.

Ахъ! не довольно ль я сносила отъ жестокой
Обидной гордости, холодности глубокой?
Терпѣнье тяжкое! оставь, оставь меня:
Единой яростью пускай наполнюсь я,
Пусть воля изпоргнется столь долго здѣсь
сокрытой
И будетъ для нея стрѣлою ядовитой.

Елисавета. *Лордамъ.*

Послѣдуйте за мной.

Мельвиль.

Паду къ твоимъ ногамъ;
Она въ безпамятствѣ; прости ея словамъ,
Проспи, молю тебя.

Лейчестеръ.

О небо! что внимаю?
(Елисаветѣ).
Сіѣши мѣста сіи оставить, заклинаю!

Марія.

Съ какою дерзостью сей незаконный плодъ
Безчеститъ Англію, корону и народъ.
Британцамъ доблестнымъ, коварствомъ ослѣпленнымъ,
Уже ль еще стенать подъ скиптромъ похищеннымъ?
Будь судъ небесъ правдивъ, будь милостивъ мнѣ Богъ,
Ты бъ, недостойная, у сихъ простерлась ногъ.

Елисавета.

Безумная! сей день, клянусь моею славой,
Узритъ, кому изъ насъ повелѣвать державой.
Проспи!

Н. Павловъ.

XII.

Отрывки изъ Исторіи Драматической музыки.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ не льзя не замѣтить чрезвычайнаго различія между музыкою древнихъ и новѣйшихъ. — У древнихъ она была не только любимѣйшимъ занятіямъ, но составляла необходимую часть воспитанія—врачества и народоправленія.— Употребленіе музыки въ Елевзинскихъ таинствахъ, изображеніе цѣлебнаго дѣйствія музыки, сохраненное въ аллегорическомъ преданіи объ Орфеѣ, силою музыки изведшемъ Евридику изъ обители смерти, опредѣленіе Спартанцевъ изгнавшее Тимотея за прибавленныя имъ новыя струны на лиръ, — все подтверждаетъ выше приведенное мнѣніе. Теперь намъ странно древнее употребленіе музыки, даже не понятна точка зрѣнія, съ которой древніе смотрѣли на сіе искуство. Но все сіе не столько должно поразить насъ удивленіемъ, какъ то, что полагаетъ

совершенныя границы между музыкою древнихъ и новѣйшею. — *Я* говорю *о Гармоніи.*

И оставшіеся древніе трактаты о музыкѣ и сохраненные разысканіями ученыхъ нашего времени отрывки не оставляютъ уже не малѣйшаго сомнѣнія о томъ, что древніе не имѣли понятія о Гармоніи, принимая подъ симъ словомъ то, что мы теперь подъ нимъ разумѣемъ — то есть согласіе многихъ тоновъ; Мелодія (*) составляла всю музыку древнихъ; изъ всѣхъ совокупленій звуковъ имъ были только извѣстны: *Unissono* и *Octava.* Трудно повѣрить сему въ наше время, даже вообразить себѣ такого рода музыку. *Атеней* оставилъ намъ описаніе праздника, даннаго *Птолемеемъ*

(*) Ходъ пѣнія, происходящаго отъ одного голоса; оную можно понимать какъ органъ, служащій для выраженія своихъ чувствованій, а гармонію какъ средство давать органу сему больше силы и дѣйствія.

Филадельфіи въ Александріи; въ музыкѣ тогда бывшей участвовало 600 человѣкъ музыкантовъ, изъ коихъ 300 были съ цитарами. — Любопытно было бы въ наше время послушать дѣйствіе, производимое такимъ оркестромъ, въ коемъ все пѣло или играло въ одинъ голосъ (*).

Прежде сего времени Драматическая музыка Грековъ, будучи только принадлежностію драмы, по мнѣнію нѣкоторыхъ состояла изъ речитативовъ, которые были сопровождаемы одною или нѣсколькими цитарами; таковы были хоры, оставшіеся въ Драматическихъ произведеніяхъ древнихъ; къ нимъ присоединены были Есхиломъ и танцы.

Первѣйшее достоинство Драматической музыки древнихъ, по словамъ Плутарха, состояло въ простотѣ — истинномъ и единомъ превосходствѣ сего высокаго искуства.

(*) *Unisson.*

Побочною ея цѣлью было возбужденіе страстей. Хроматическіе тоны (*) не будучи еще извѣстны древнимъ, не затмѣвали ихъ свѣтлыхъ мыслей и выраженій, и Драматическая музыка хотя въ младенчествѣ, но достигала своего тогдашняго назначенія. — Усовершенствованіе флейты и цитары не замѣдлило отдалить Драматическую музыку отъ первобытной простоты. — Появившіеся Артисты, желая удивить искуствомъ своихъ слушателей, заглушали иногда пѣніе и игрою сами даже господствовали онымъ; самые хоры, будучи очень часто подчинены проворному флейтисту, уступали ему право на вниманіе — и оркестръ начиналъ составлять что-то отдѣльное отъ сцены. — Самый Ритмъ очень часто терялся во вновь вводимомъ кадансѣ

(*) Хроматической рядъ тоновъ есть нечто иное, какъ проведеніе голоса чрезъ полутоны.

и по словамъ *Арно* погрѣшности въ ударе-
ніи языка послѣдшихъ Греческихъ писателей
произошли отъ слѣпаго покорства произно-
шенію древнихъ пѣвцовъ. — Новые Арти-
сты и новыя усовершенствованія инстру-
ментовъ заставляли прибѣгать къ новымъ
музыкальнымъ фразамъ и трудностямъ. —
Пѣвцы, желая также разнообразить свои про-
стыя темы, совершенно удаляли прежнюю
простоту и начинали мѣнять оную на тру-
ныя подражанія инструментамъ, съ боль-
шимъ усовершенствованіемъ которыхъ ис-
коренялись начальная красота и достоинство
первобытной музыки. — Слабые остатки
оной слышимъ только въ Григоріанскомъ
храмовомъ напѣвѣ; но и тѣ опъ вновь сочи-
няемыхъ кантовъ приходятъ уже въ упадокъ.

Съ покореніемъ Греціи Римляне долго еще
поддерживали лирическія драмы, пѣтыя
речитативами. — Римскіе же инструменты
были подражаніемъ инструментамъ Етрус-
скимъ и Греческимъ: они совершенство-

вались день опъ дня болѣе и наконецъ около IV-го столѣтія насталъ періодъ преобразованія: изобрѣтенъ былъ *органъ*—неизвѣстно имя изобрѣтателя: оно покрыто мракомъ непроницаемымъ — хотя поеты и приписываютъ изобрѣтеніе онаго Св. Цециліи. — Но не входя здѣсь въ ученыя изслѣдованія, можно полагать, что сей инструментъ, какъ и всѣ великія открытія, не былъ произведеніемъ одного человѣка, но былъ предуготовленъ предъидущими вѣками. Гидравлической инструментъ *Архимеда*, *Клепсидръ Клезвіевъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ начальнымъ основаніемъ органа нашего времени.

Сей инструментъ и въ новѣйшія времена сначала былъ не весьма совершеннымъ; онъ не могъ употребляться въ церквахъ съ удобностію: ибо мѣхи всегда двигались водою; — въ послѣдствіи времени вмѣсто воды употребляли до 70 человѣкъ для приведенія мѣховъ въ дѣйствіе, что равно было не удобно.

Но около 11-го столѣтія органъ послужилъ способомъ къ открытію гармоніи; честь сего важнаго открытія по всѣмъ вѣроятностямъ принадлежитъ *Гвиду Аретцо*, которому мы обязаны изобрѣтеніемъ гаммы (*) и другими полезными открытіями; — усовершенствованіе нотъ — усовершенствованіе инструментовъ начали безпрестанно возвышать музыку болѣе и болѣе. Съ усовершенствованіемъ церковной музыки улучшалась и музыка драматическая . . . . . .

. . . . . .

. . . . . (**).

Уже *Перри* въ своей Аріадиѣ начиналъ по немногу отдѣлять арію отъ речитативовъ, а въ его Евридикѣ, сочиненной въ 1600

(*) Ut, re, mi, fa, sol, la. — Сіи названія взяты изъ начальныхъ слоговъ употреблявшагося тогда гимна Св. Іоанну Крестителю.

(**) Точки сіи поставлены самимъ сочинителемъ.

году по случаю бракосочетанія Генриха IV съ Маріею Медицисъ, уже и акты кончаются нѣкоторымъ общимъ хоромъ или финаломъ. — У послѣдователей его *Клаудія Монтеверде* въ Орфеѣ и *Кавали* въ операхъ Язонъ болѣе означены аріи, и послѣдній отдѣляетъ уже теноръ отъ басса и речитативамъ придалъ новую форму и красоту согласіемъ оныхъ съ поэзіей. Въ семъ родѣ усовершенствованія надо отдать справедливость *Чести* (Cesti-Marc-Antoine) ученику *Каріссими*, которому принадлежитъ слава созданія Кантаты (*). Каріссими придалъ новый блескъ Италіанской сценѣ и обогатилъ новостями драматическую музыку.

Съ сей епохи до начала XVIII вѣка слабые его послѣдователи и подражатели при-

(*) Только не шальной, или шальной, какъ называетъ ее извѣстный писатель нашъ *Г. Юстъ Веридиковъ*. См. *Вѣстникъ Европы на* 1825 *годъ*, *No* 3.

Прим. Сочинителя.

водили музыку въ упадокъ, и снова явился геній на драматическомъ музыкальномъ поприщѣ — славный *Скарлати*, который обратился къ прежней простотѣ и возвелъ музыку на степень изящнаго. Достойные послѣдователи его *Лео*, *Винчи*, *Соро* и *Перголези*, отбросивъ мелисматическое пѣніе (*) и смѣшное подражаніе голоса инструменту, писали просто, но возвышенно — и Италія снова познала истинное предназначеніе высокаго искуства, хотя и не отдавая полной справедливости даже огромнымъ и глубокимъ познаніямъ въ музыкѣ славнаго того времени писателя *Іомелли*.

Осьмнадцатый вѣкъ былъ самый блестящій въ Италіанской музыкѣ. Великіе писатели *Зено* и *Метастазій* и знаменитые пѣвцы и пѣвицы *Пасси*, *Аморевелли*, *Фаринелли*, *Сюзона* и *Фаустина* (**) способство-

(*) Руладное или многосложное.

(**) Знаменитость сей пѣвицы была столь велика, что въ честь оной выбита была медаль.

вали къ большимъ успѣхамъ музыки того времени ; *Троетти*, *Альфонси* и наконецъ *Паизіелло* и *Чимароза* были послѣднія отрасли сей школы, которыя возведя драматическую музыку на высочайшую спепень величія, не имѣли уже въ семъ высокомъ родѣ достойныхъ послѣдователей въ Италіи.

Почти въ тоже время Нѣмецкіе сочинители, восхищаяся прекрасными произведеніями Италіанской музыки, долго были подражателями оной и писали большею частію для Италіанскихъ и Французскихъ поетовъ; но знаменитый *Кейзеръ* (Reinhard) отдѣлилъ совершенно Нѣмецкій родъ сочиненій опитъ Италіанскаго, придавъ къ оному правильность акомпаніемента и соблюдая простоту пѣнія. Послѣдователи его, *Гендель*, *Госсъ* и *Глукъ*, достойно поддерживали смѣло отдѣлившійся Нѣмецкій родъ оперной музыки отъ Италіанскаго богатствомъ гармоніи и правильностію оркестра. — Наконецъ появился великій, неподражаемый *Моцартъ*,

который затмивъ славу предшественниковъ своихъ, достойно поддержалъ оную. — Извѣстно что пяти лѣтъ онъ былъ уже главнѣйшимъ клависинистомъ того времени. На двенадцатомъ году отъ рожденія написалъ уже оперу (*).

Появленіе сего генія на драматическомъ поприщѣ, произвело великой переворотъ въ музыкальномъ мірѣ; возвышенность его была столь велика, что многіе изъ его современниковъ сначала не могли вполнѣ цѣнить его; но что воспротивится власти дарованія? — Современники преклонили колѣна передъ великимъ, и у потомковъ ихъ еще не перестало благоговѣніе, не разрушилось очарованіе, производимое Моцартомъ.

Появившіяся его оперы на Французскомъ театрѣ, казались въ то время непонятными слушателямъ. — Первое представленіе *Женитьбы Фигаро* въ 1794 году имѣло успѣхъ

(*) La Finta Simplice.

весьма слабый: вкусъ Французской публики не созрѣлъ еще въ то время; онъ не въ состояніи былъ понимать музыку, исполненную красотъ, глубокихъ познаній, соединенныхъ съ простою мелодіей голоса, отъ которой *Гг. Люлли* и *Пиччини* (Lulli et Picini) во все отучали слушателей. Оперные фигляры подчинили себѣ вкусъ даже высокихъ музыкальныхъ классиковъ Италіи. — Не смотря на то, связь поэзіи съ сценическою музыкою, поставили сію послѣднюю на степень того совершенства, до котторой и древняя музыка не доходила.

Достойные современники и послѣдователи творца истинной оперной музыки, *Херубини*, *Мегюль* и другіе, заставили бы склониться хотя несовершенно, на сторону тѣхъ недовольныхъ музыкою, принадлежащею собственно нашему времени, которые увѣряютъ, что вѣкъ музыки прошелъ, и что всѣ красоты ея исчерпаны, — если бы

Веберъ не написалъ своего Волшебнаго Стрѣлка!

Россини есть глава послѣдователей сей музыки нашего времени (*). Ему принадлежитъ честь созданія совершенно новыхъ особенныхъ формъ музыкальныхъ. — Не осмѣлимся, подобно древнимъ Спартанцамъ, сорвать струны съ лиры новаго *Тимотея*; но какъ не пожалѣть о первоначальной простотѣ прежней Итальянской школы и о мужественной гармоніи Нѣмецкихъ классиковъ, которыя совершенно потерялись въ нынѣшнихъ операхъ. — Какъ не пожалѣть о томъ, что музыка въ наше время идетъ на перекоръ поэзіи и громъ инструментовъ, оглушающій ухо, замѣняетъ мелодію, поражающую душу. — Пожелаемъ, чтобы на поприщѣ музыки произрастали новыя украсли; но чтобы онѣ не противились истинному и природному изяществу, которое со-

(*) Auber, Караффа и проч.

хранятся незыблемо во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ и вѣчно одинаково!

А. Верстовскій.

Если Публика приметъ благосклонно Драматической Альбомъ, то на слѣдующій годъ въ немъ пространнѣе будетъ сказано о Музыкѣ вообще и въ особенности о характерѣ нашей національной Музыки. *Примѣч. Изд.*

XIII.

Выкупъ Барда,

или сила пѣснопѣнія.

Драматическая картина

въ двухъ сценахъ,

взятая

изъ поэмы Мильвуа. (La rançon d'Egill).

Дѣйствующіе:

Старецъ, Скальдъ Скандинавскій.

Юноша.

Ервинъ, Бардъ Цельтійскій.

Царь Скандинавскій, отецъ убитаго Ельмора.

Скальды и воины Скандинавскіе.

Примѣчаніе Автора.

Сія піеса можетъ быть судима очень строго. Въ ней нѣтъ дѣйствія, нѣтъ характеровъ, одинъ разсказъ: словомъ, она, имѣя драматическую форму, не имѣетъ драматическаго движенія. Предупреждаю моимъ сознаніемъ тѣхъ критиковъ, которые хотѣли бы замѣтить сіи недостатки. Впрочемъ, она написана мною по дружескому предложенію А. Н. Верстовскаго, желавшаго сочинить музыку на *послѣднюю пѣснь Барда*: все прочее есть нечто иное, какъ рама, какъ разговоръ, написанный для вставки сей пѣсни и для нѣкоторой связи происшествія.

Выкупъ Барда, или сила пѣснопѣнія.

(Сцена представляетъ долину, окруженную лѣсомъ; между деревьевъ камни; вдали вершины скалъ).

Старецъ *поетъ, сопровождая свой голосъ арфою.*

1.

О пѣсней сладостныхъ царица,
Почто задумчивъ голосъ твой?....

Почто, любви и битвъ привычная пѣвица,
Трепещешь нынѣ ты подъ старческой рукой?
Увы! звукъ струнъ твоихъ печальной
Глубокій отзывъ думы тайной!

2.

О жертва бѣдствій и гоненій!
О странникъ міра, человѣкъ!
Сколь часто, ты сѣтей невольныхъ пре-
ступленій,
Исполненъ жизнію, свершаешь быстрый вѣкъ
И подъ чужими небесами,
И неоплаканный друзьями!....

3.

Но счастливъ тотъ, кому судьбою
Ты, арфа звучная, дана!
Погибшій на землѣ, онъ пѣснію живою
Плѣняетъ и дивитъ потомковъ племена!
Когда въ туманахъ надъ землею
Плыветъ холодная луна,
Тѣнь Барда рѣетъ надъ холмами
И струны.... говорятъ съ вѣками!

Юноша, *выходитъ при пѣніи послѣдней строфы.*

Ты правъ, священный Скальдъ! восторги вдохновенья
Безсмертны, и прейдутъ въ другія поколѣнья!....
Вотще пѣвецъ, на мигъ забытый отъ небесъ,
Вкушаетъ бѣдствія и пьетъ отъ чаши слезъ.
Души ль не исцѣлитъ отрадный отзывъ славы?....
Не столь журчанье струй подъ сѣнію дубравы
Пріятно странніку въ полуденной часъ,
Сколь слуху моему былъ сладостенъ твой гласъ,
Не столько мощенъ звукъ щита о щитъ противный,
Когда межъ нашихъ скалъ раздастся гулъ призывный,
Сколь звуки струнъ твоихъ всесильны надо мной!
Почтожъ унылые, трепещущей рукой
Касаясь имъ, душѣ высокой измѣняетъ?....

Старецъ.

Увы, мой сынъ! когда въ насъ духъ изнемогаетъ,
Гармонія, во всемъ подвластная мечтамъ,
Печальна! — Ты видалъ: когда по небесамъ
Прострется завѣсъ тучь и смеркнетъ ликъ природы,
Поютъ ли соловьи? струятся ль съ блескомъ воды?...
Пѣвецъ.... подобенъ имъ!

Юноша.

Во цвѣтѣ юныхъ дней
Еще не испыталъ я бѣдствія сѣтей!...
Случалось ли, что грусть по сердцу пробѣгала,
Она мгновенно лишь взоръ свѣтлый омрачала,
Подобно воздуха легчайшимъ облакамъ,
Мелькающимъ ручья по зыблющимъ струямъ!
Зналъ слезы я любви, не зналъ ея кручины!
Но ты, на чьемъ челѣ разсыпаны сѣдины,
Чье сердце хладомъ лѣтъ отъ бурь ограждено,
Ужель, безстрастное, страдаетъ и оно?...

Старецъ.

Я перенесъ мои надежды и желанья
Къ почіющимъ отцамъ; но сладостный покой,
Пока я на землѣ, еще удѣлъ не мой....

Юноша.

Чѣмъ возмущаемъ онъ?...

Старецъ.

А чуждыя страданья!...
Ты видѣлъ ли сего пришельца дальныхъ странъ?...
На то ли онъ преплылъ глубокій океанъ,
Сопровождаемый небесныхъ пѣсней даромъ,
На то ли, юный бардъ глубокимъ сердца жаромъ
Онъ арфу оживлялъ, покорную перстамъ,
Чтобъ чуждымъ пепелъ свой оспавить берегамъ,
Чтобъ пасть безвинному....

Юноша.

Не въ битвѣ!...

Старецъ.

И безъ славы!...

Юноша.

Ужасенъ жребій сей!...

Старецъ.

Ужасенъ судъ неправый!...

Юноша.

Но имъ погибъ Ельморъ!

Старецъ.

Не самъ ли сынъ Царя
Виною битвы былъ? — Онъ, местью воз-
горя,
За слово смѣлое исторгнулъ мечь!....

Юноша.

Я знаю,
Ельморъ, питомецъ битвъ, и гордъ душой,
и смѣлъ,
Обидъ переносить безмолвно не умѣлъ!...
Отецъ мой! вѣдать я желаю,
Чѣмъ могъ пришелецъ мирный сей,
Знакомый лишь съ однимъ орудьемъ пѣсно-
пѣнья,
Въ воинственной груди возжечь духъ ярый
мщенья?...

Старецъ.

Я зрѣлъ сію вражду: она душѣ моей
Источникъ слезъ и размышленья!
Внимай! — Здѣсь встрѣтились они,
Когда вершины скалъ въ лучахъ небесъ сіяли
И дню летучія видѣнья уступали.
Деревъ развѣсистыхъ въ сѣни
Ервинъ, зари сопутникъ юный,
Сидѣлъ, настроивая струны,
Съ мечемъ при поясѣ. — Ельморъ,
Сѣдина съ зарей на зовъ ловитвы,
Сказалъ, склонивъ надменный взоръ:
„Покинь, пѣвецъ, орудье битвы!
Тяжелъ рукѣ твоей сей мечь!
Среди пировъ и ликованья
Ищи о пѣснях сопязанья:
Пустъ ищемъ мы опасныхъ сѣчь!“
Ервинъ отвѣтствовалъ спокойно:
„Сей мечь вручилъ мнѣ мой отецъ!
Владѣть могу имъ, хотъ пѣвецъ:
Регнеръ былъ Бардъ — и смѣлый воинъ! —
„Но если ты на сихъ струнахъ

(Топъ возразилъ ему съ усмѣшкой хладнокровной)

Пѣпь будешь *о своихъ* боях,
То арфѣ вѣкъ пребыпь безмолвной!“
До сердца уязвленъ, Ервинъ
Воскликнулъ, устремясь къ Ельмору:
„Ельморъ! однажды царскій сынъ
Пѣвцу, какъ ты, сказалъ укору;
Обида даромъ не прошла:
Отвѣтомъ мечь былъ безпощадной!
И матерь Витязя на утро же была
Въ одеждѣ плача безотрадной!“

Юноша.

Предчувствую! Ельморъ снести сихъ словъ....

Старецъ.

Не могъ!

Онъ сбросилъ съ плечь свой звонкій рогъ,
Топъ.... арфу опустилъ на землю хладнокровно
И оба потекли безмолвно!...
И долго по дубравѣ сей
Далекій звукъ отъ ихъ мечей,
Не прерывался, раздавался;

И изъ дубравы показался,
Покрытый пылію и кровію, Ервинъ;
Онъ шелъ назадъ.... уже одинъ!
Вопще Ельмора ожидали
На пиръ вечерній у отца
И Скальды по струнамъ готовымъ пробѣгали:
На утро обрѣли ловца....
Онъ блѣденъ былъ; рука, сжавъ мечь свой,
онѣмѣла,
Отъ устъ запекшихся угроза отлетѣла;
И падшій листъ вокругъ былъ кровью обагрень,
И все.... вѣщало въ немъ, что юный Бардъ
отмщенъ!

Юноша.

Но всѣмъ невѣдомъ былъ свершитель пре-
ступленья!
Я слышалъ вопли дѣвъ; я Скальдовъ зрѣлъ
въ слезахъ;
Младые воины взывали: мщенья! мщенья!
И безпрерывно въ сихъ скалахъ
Имъ отзывъ откликался: мщенья!

Такъ слышенъ крикъ орловъ на высотахъ
стремининъ,
Такъ кони, то бѣгутъ, то въ кругъ стре-
мятся тѣсный,
Когда внезапный вихрь взмятетъ лице долинъ
И прахъ клубящійся сокроетъ сводъ небесный!
Все волновалося, и ратникъ и пѣвецъ;
Одинъ, склонивъ главу, безъ словъ скорбѣлъ
отецъ!....

Старецъ.

И кѣмъ же преданъ былъ преступникъ не-
извѣстный?
Онъ самъ предъ сонмъ Царя, предъ Скаль-
довъ и вождей,
Предсталъ, блѣдивющій, но въ сердцѣ без-
мятежный.
„Для смертнаго, онъ рекъ, есть жребій не-
избѣжный:
Я самъ.... убійца сей!
Невиненъ, въ томъ клянусь! Но если тѣнь
Ельмора
Не успокоена въ воздушныхъ областяхъ;

Ей въ жертву приношу и кровь мою и прахъ!
Страшусь не смерти, но позора!...“

Юноша.

Чтожъ изрекло судилище вождей?
Уже ли правды гласъ....

Старецъ.

Гласъ мщенія сильный!
Знакомѣй онъ суровымъ чадамъ брани!
Казнь смертная—была пѣвцу ихъ приговоръ,
И въ сихъ мѣстахъ, гдѣ онъ Ервина длани
Въ единоборствѣ палъ Ельморъ,
Позорный мечь суда прольетъ потокъ кровавый!

Я видѣлъ: юный Бардъ въ цѣпяхъ;
И стражи ждутъ, и тишина въ рядахъ;
И арфа на землѣ лежащая безъ славы!
(Оба склоняются къ персямъ главою; продолжительное молчаніе; вдали слышна музыка).

Юноша.

Но что! се звуки струнъ! тимпановъ мѣрный бой!
Они, они идутъ!.... о юноша несчастный!....

Старецъ.

Пойдемъ и въ сонмѣ ихъ почтимъ еще слезой
Не смерть погибшаго: въ ней страннику....
покой!
Но жизнь, сей даръ небесъ, завидный и ужа-
сный!....

(Медленно удаляются).

(Царь Скандинавскій. Бардъ, окруженный стражею; Вожди, Воины и Скальды).

Хоръ Скальдовъ.

1.

Иди въ сей путь, отколь возврата нѣтъ!
Ты начерталь мечемъ ужасный слѣдъ!
Се! пѣнь плыветъ на гнѣвныхъ облакахъ
И мрачный огнь горитъ въ ея очахъ!

2.

Ельмора пѣнь! смири свой правый гнѣвъ!
Вкуси покой въ жилищѣ праотцевъ!
Тамъ нѣтъ вражды! тамъ нѣтъ земныхъ
скорбей!
Се мести день: вступи въ чертогъ тѣней!

Царь.

Вождей и Скальдовъ сонмъ! Властители земли,
Какъ смертные, рабы страстей и заблужденья,
Быть можетъ, что и вы — Царю изъ угожденья,
Въ отраду для отца — пристрастный судъ рекли!
Утѣшно мщенiе душѣ браннолюбивой;
Но лѣта, усмиривъ духъ пылкiй и кичливой,
Научатъ, милуя, щадить сердца людей;
И тягостно питать остатокъ хилыхъ дней
Непримиримою враждою,
Когда успала жизнь и жаждетъ лишь покою!
Борьба жестокая кипитъ въ груди моей!
Опора лѣтъ моихъ, страны родныя слава,
Вашъ Вождь, сподвижникъ вашъ на полѣ боевомъ,
Онъ палъ! — и сирая держава
Уже смущается въ могуществѣ своемъ!....

Но мнѣ ль, постигшему всю силу сей утраты,
За невозвратное — алкать кровавой платы!
И зная по себѣ отцевскихъ горечь слезъ,
Лишить другаго старца — сына!
Мнѣ тяжекъ самый взоръ преступнаго Ервина,
Но.... да сразитъ его судъ праведныхъ небесъ!
Рѣшите старческой души моей боренья,
Отвѣтствуйте: изгнанья, или мщенья?
Скальды и Воины.
Мщенья! мщенья! мщенья!
Царь, *обращается къ Ервину.*
Ты слышалъ: твой удѣлъ уже неотвратимъ!
Безвѣстна слабость сердца имъ,
Суровымъ чадамъ льдовъ, воспитанным для боя!
Вотще, подвигнутый смятенною душой,
Неправо отразить хотѣлъ я жребій пвой!
Отмщенья требуетъ паденіе героя!
Оно лишь примиритъ волненіе сердецъ!
Но въ сей послѣдній часъ повѣдай намъ, пѣвецъ,

Послѣднее души желающей движенье:
Чѣмъ усладишь твое съ землею разлученье?....

Ервинъ.

Отчизны отлученъ, съ чужихъ боговъ при-
шлецъ,
Кто скажетъ вѣсть о мнѣ страны, люби-
мой мною?....
Кто море дальное напѣнитъ подъ кормою,
Да вмѣстѣ съ именемъ погибшаго пѣвца
Вздохъ сердца передастъ въ знакомыя сердца?...
Одна сопутница восторга и печали,
Съ которой ни моря меня не разлучали,
Ни прихоти судьбы, ни ненависть людей,
Ты, арфа вѣрная, свидѣтель доли сей!
Ни кто на сихъ брегахъ о насъ не вспомянетъ;
Но твой прощальный звонъ отрадно да воспрянетъ
Въ сіи немногія мгновенья бытія!
Дозволь, о Царь, да *пѣснь послѣдняя* моя
Возстонетъ о пѣвцѣ, о коемъ міръ забудетъ,
И да Ельмора тѣнь, поверженнаго мной,
Та пѣснь моя почтитъ правдивою хвалой!

Царь.

Да будетъ!....

Послѣдняя пѣснь Барда.

1.

Не вамъ, обители Валкалы,
Не вамъ послѣдній голосъ мой:
Младый, отъ жизни не усталый,
Къ тебѣ еще стремлюсь душой,
О міръ, гдѣ я разцвѣлъ, гдѣ отцвѣтаю рано,
Какъ блекнетъ цвѣтъ полей до осени туманной!....

2.

Стенай печальная со мною,
О арфа, радость лучшихъ дней!
Ты позабытая молвою,
Истлѣешь средь чужихъ полей!
Подъ сводомъ отческой дубравы
Не отзовется пѣснь твоя.
О жребій горестный! а я....
Мечталъ о новыхъ пѣсняхъ славы!

3.

Дни и годы надо мною
Незамѣтные пройдутъ,

Матерь нѣжная съ сестрою
Прахъ забытый не найдутъ!
Ахъ! и ты не жди напрасно
Дѣва робкая любви,
И напрасно не зови
Друга пѣснью сладкогласной!....

4.

Но что! какъ могъ я сей рукою
Повергнуть въ прахъ вождя побѣдъ!....
Не духъ ли нѣкій надо мною
Скрывалъ губительный свой слѣдъ!....
Сей мечь, едва знакомый съ бранью,
Почто онъ былъ въ рукѣ пѣвца?....
Такъ пастырь трепетною дланью
Сражаетъ мощнаго ловца.

5.

А онъ! онъ въ часъ смятенной битвы
Какъ вихрь поля опустошалъ;
Онъ на звенящій рогъ ловитвы
Зари восходъ предупреждалъ,
Пламянлъ въ ширахъ веселъемъ взора,
Дивилъ пришельца.... красотой!

Рыдай, рыдай, отецъ Ельмора!
Но онъ.... онъ палъ въ странѣ родной!

6.

Простите жь вы, мои дубравы!
Простите вы, о пѣсни славы!
Простите, радости земли,
Дни бурь и солнца.... отошли!
Порвитесь безъ меня, о струны золотыя!
Для чуждыя руки.... вы будете чужія!....

Царь.

Умолкни, юноша! — Какою властью ты
Могъ пробудить въ душѣ сколь сладкія мечты?
Уже нѣтъ опыхъ дней, когда въ чертахъ Ельмора
Все было счастіе родительскаго взора!....
Но слава въ сихъ струнахъ его пережила!
Великодушный врагъ! пыль падшаго дѣла
Въ минуту смертную сей пѣснью воскрешаешь!
О слезы сладкія! почто ихъ возбуждаешь....
Почто душа моя спокойствіемъ полна?....

Иль тѣнь погибшаго.... уже примирена?....
(Послѣ нѣкотораго молчанія).
Ко мнѣ въ объятія!.... ты побѣдилъ природу!
Сей пѣснью.... искупилъ и жизнь ты и свободу!....
Плыви въ свою страну — и радостію той,
Которой мнѣ уже не суждено судьбой,
Обрадуй пвоего виновниковъ рожденья!
Да юность мирная любимца вдохновенья
Течетъ безъ ропота, какъ волны у береговъ;
Да нѣкогда среди сыновъ пвоихъ сыновъ,
Волнуемъ думою, съ смущеніемъ во взорѣ,
Ты повѣспвуешь имъ о мнѣ и объ Ельморѣ,
И знаетъ поздній родъ, наспавленный тобой,
Сколь пѣспопѣнья власть всесильна надъ душой!

Хоръ Скальдовъ.

I.

Хвала, о сила пѣспопѣнья!
Хвала вамъ, струны, даръ небесъ!
Вы духа мрачнаго волненья
Слiяли въ токъ отрадныхъ слезъ!

2.

Плыви корабль! шумите волны!
Лети, пѣвецъ, да узришь вновь,
Надеждой сладостною полный,
Спрану, гдѣ ждетъ тебя любовь!

3.

Ударьте въ струны! да отзывы,
Какъ громъ нагорный повторятъ.
Хвала, о пѣсней даръ счастливый,
Источникъ пламенныхъ отрадъ!

М. Дмитріевъ.

XIV.

Изъ комедіи: *Школа женщинъ.*
(L'Ecole des femmes, par Molière).

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I.

Кризальдъ.

И такъ, къ намъ возвратясь, ты женишься на ней?

Арнольфъ.

Да, кончить ето все мнѣ хочется скорѣй.

Кризальдъ.

Мы здѣсь одни — и я рѣшился непремѣнно
Потолковать съ тобой объ этомъ откро-
венно.
И такъ послушай же, что другъ твой го-
воритъ:
Намѣренье твое — ей! ей! меня стра-
шитъ,
И лучшаго не льзя подать тебѣ совѣта,
Какъ то, что страшный рискъ — жениться
въ наши лѣта.

Арнольфъ.

Что ты ни говори, а по твоимъ словамъ,
Ужъ чуешь ли, братъ, въ бѣду ты не попался
самъ?
И твердо, кажется, увѣренъ между нами,
Что будутъ всѣ — тебѣ подобными мужьями.

Кризальдъ.

Напротивъ, это все случайная бѣда:
Иному такъ пройдетъ, другому не всегда;
Но ужь тебѣ, мой другъ, ни чѣмъ не опы-
граться:

Всегда на счетъ мужей ты любишь насмѣхаться;
И я не слышалъ здѣсь, ей! ей! ни объ одномъ,
Кого бъ не уязвилъ ты колкимъ языкомъ;
Ну, словомъ, ни кому изъ насъ ты не спускаешь:
Всѣ вздоры узнаешь — и первой разглашаешь.

Арнольфъ.

Согласенъ; но мужей, хоть міръ избѣгай весь,
Гдѣ сыщешь ты такихъ — какихъ находишь здѣсь!
Мужей и ласковыхъ, и смирныхъ, и послушныхъ,
И словомъ истинно мужей великодушныхъ!
Взгляни — иной изъ нихъ, обманутый женой,
Махнулъ рукой — и страхъ доволенъ какъ собой;
Другой, любя друзей, которые такъ ловки,
Ужасно радъ тому, что шьютъ женѣ обновки,
И вѣритъ — и жена жъ увѣрить помогла,
Что всѣ дарятъ ее за добрыя дѣла!

Такъ этими людьми не льзя не восхи-
щаться,
Не льзя не видѣть ихъ и видя не смѣяться!
Суди жъ....

Кризальдъ.

Но ты за то порукой круговой
Заставишь и другихъ смѣяться надъ собой.
Я знаю васъ, — вы всѣ охотники большіе
Усердно разглашать дурачества чужія;
Но я такъ, признаюсь, злословья не любя,
И знаю если что — такъ знаю про себя.
Я скроменъ, и хотя встрѣчаю безъ сомнѣнья
Здѣсь тысячи вещей достойныхъ осужденья,
Которыхъ лично бъ самъ не вынесъ и я,
А терпятъ между тѣмъ здѣсь многіе мужья;
Но я молчу, мой другъ; здѣсь этимъ бере-
жешься.
Рыть яму для другихъ, самъ въ яму попа-
дешься.
И если суждено житейскою судьбой
И мнѣ обманутымъ моею быть женой,
То я, повѣришь ли? готовъ почти ручаться,

Что здѣсь немногіе тѣмъ будутъ утѣшаться,
И даже, можетъ быть, за скромность языка
Рѣшатся пожалѣть бѣдняжку спарика;
Но ты, мой другъ, ужь какъ и что мнѣ
ни толкуешь,
Я честью побожусь, ты дьявольски ри-
скуешь!
На всѣхъ вооружась и сдѣлавшись врагомъ
И женщинъ и мущинъ, ты дерзкимъ язы-
комъ
Ихъ вывелъ наконецъ изъ всякаго терпѣнья;
И если не ульнешь и ты опъ проведенья,
Прощай, мой другъ, тебя подниму̀тъ всѣ
на смѣхъ.
Насмѣшникъ нашъ тогда смѣшнѣе будетъ
всѣхъ:
Весь городъ....

Арнольфъ.

Полно, братъ, не хлопочи объ этомъ.
Меня ужь не учишь какъ ладишь съ бѣлымъ
свѣтомъ:
Я знаю лучше васъ всѣ штуки вашихъ женъ,

Которымъ потакать ты также принужденъ.
Ихъ хитрость побѣдить для васъ ужь невозможность;
Но я на етотъ счетъ нашелъ предосторожность
И выбралъ я себѣ невѣсту, что такой
Невинности ни гдѣ не сыщешь ты другой.

Кризальдъ.

Ну, по просту, изъ дуръ ты выбралъ поглупѣе?

Арнольфъ.

Да дурочки жены нѣтъ ничего милѣе!
Я вѣрю, что твоя супруга страхъ умна;
Но женщина съ умомъ дурная, братъ, жена.
И я повысмотрѣлъ, при случаяхъ удобныхъ,
Какъ страждутъ здѣсь мужья отъ умницъ новомодныхъ.
И послѣ етаго, чтобъ я рѣшился взять
Такую, чтобъ могла лишь пѣть, да танцовать,
Забила бъ голову и прозой и стихами,
И мужа позабывъ — лишь тѣшилась гостями.

Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ, покорнѣйшій
слуга!
Мнѣ честь моя всегда казалась дорога.
И я искалъ жены совсѣмъ другаго рода:
Не знала чтобъ она, что значитъ ваша мода;
Невинность сущую, которой нужно знать
Молчать, хозяйничать и мужа уважать.

Кризальдъ.

Чтожъ, дуру отыскать не мудрено такую.

Арнольфъ.

Да лучше дуру взять, собою предурную,
Чѣмъ взять красавицу, которая умна.

Кризальдъ.

Но умъ при красотѣ....

Арнольфъ.

Мнѣ честь, сударь, нужна.

Кризальдъ.

Но какъ же требовать, чтобъ женщина такая
Объ чести думала, ея не понимая?....
Я вѣрю, женщина намъ можетъ измѣнить;
Но умную, мой другъ, труднѣе побѣдить;
А глупая, не зная что хорошо, что худо,

Скорѣй другой тебя отдѣлаетъ на чудо.

Арнольфъ.

Я на чисто скажу: какъ ты ни разсуждай,
Ораторствуй, бранись, какъ хочешь убѣждай,
Хопь силою тащи на умницѣ женишься,
Но етаго со мной на вѣрно не случится;
И что ты ни толкуй, а кончится все тѣмъ,
Что время потерявъ, отправишься ни съ чѣмъ.

Кризальдъ.

Теперь я замолчу.

Арнольфъ.

У всѣхъ своя метода.
Въ женитьбу не должна мѣшаться ваша мода.
И я хочу того, чтобы моя жена
Ужъ подлинно была мнѣ всѣмъ одолжена,
И за мои труды своимъ повиновеньемъ
На старости бъ моей была мнѣ утѣшеньемъ.
Невѣста же моя ну такъ мила, что я,
Съ ребячества ее душевно полюбя,
Тогда жъ почувствовалъ какое-то желанье
Взять сиу дѣвушку къ себѣ на воспитанье.

И мать по бѣдности лѣтъ нѣсколько назадъ
Съ охотой мнѣ отдать рѣшилась етотъ
кладъ.
Съ тѣхъ поръ я началъ самъ присматривать
за нею,
Велѣлъ ее учить методою своею,
Остерегать ее, какъ можно отъ всего,
И словомъ, чтобъ она не знала ни чего.
Хвала судьбѣ! мои исполнились старанья!
Пипомица моя есть чудо воспитанья!
Самъ Богъ, мнѣ кажется, съ небесъ ее по-
слалъ!
И вотъ сокровище, котораго искалъ.
А такъ какъ у себя я многихъ принимаю,
То я — вотъ етотъ домъ ей нынче нанимаю,
И къ осторожности, для всѣческихъ услугъ,
Нарочно ей сыскалъ двухъ самыхъ глупыхъ
слугъ.
Ты скажешь, можетъ быть, что ето запо-
дробность?
Чтобъ доказать тебѣ мою предосторож-
ность

И кончить сто тѣмъ, чтобы съ тобой вдвоемъ
Опужинать у ней сего дня вечеркомъ;
И я ручаюся, что познакомясь съ нею,
Поздравишь самъ меня съ находкою моею.

Кризальдъ.

Съ охотою.

Арнольфъ.

Она прельстить тебя собой,
И милымъ личикомъ и рѣдкой простотой!

Кризальдъ.

О! что до проспоты, такъ, право бъ, не мѣшало,
Ужь переспать.

Арнольфъ.

Божусь, что стаго все мало!
Нѣтъ надо, чтобы самъ ты съ ней поговорилъ;
Ну такъ разодолжить, что истинно нѣтъ силъ
Такой невинности въ нашъ вѣкъ не удивляться.
Вотъ, на примѣръ, — боюсь опять разхохотаться!
Однажды.... стаго ни съ чѣмъ ужь не сравнить!

Какъ думаешь, о чемъ пришла меня спросить?
Откуда крошечныхъ малютокъ къ намъ
приводятъ?
И правда ли, что ихъ подъ елочкой находятъ?

Кризальдъ.

Ну, Господинъ Арнольфъ! я поздравляю васъ!

Арнольфъ.

Да что я за Арнольфъ? не ужъ ли всякой разъ
Твердишь, что нынче я Ласушемъ называюсь?

Кризальдъ.

Я въ новомъ все твоемъ прозваньи ошибаюсь!
Да кспати наконецъ, позволь тебя спросить,
Что вздумалось тебѣ его перемѣнить?

Арнольфъ.

Да стараго ни что ужъ не было проспѣе,
Фамилія жъ Ласушь и лучше и важнѣе;
А сверхъ того и то.... но что тутъ толковать,
И я прошу меня Ласушемъ называть.

Кризальдъ.

Но многіе того по новости не знаютъ
И все шаки тебя Арнольфомъ величаютъ.

Арнольфъ.

Да что до нихъ! ты самъ того не забывай.

Но между тѣмъ, пора; я жду тебя, прощай!
Я, признаюсь, спѣшу какъ можно поскорѣе
Увидѣть ту, кого на свѣтѣ нѣтъ милѣе.

Кризальдъ, *уходя.*

Ну, право, мой Ласушь — ужасѣйшій чудакъ!

Арнольфъ.

Хотъ правду говорить: онъ малой не дуракъ,
А страненъ нѣсколько — и мнѣ отмѣнно чудно,
Какъ въ мнѣніи иныхъ перемѣнить трудно!
(Стучитъ въ дверь).
Ей! вы!

Явленіе II.

Арнольфъ, Алиса и Жоржета, *въ домѣ.*

Алисъ.

Кто тамъ?

Арнольфъ, *въ сторону.*

Какъ всякъ изъ нихъ, чай, будетъ радъ
Увидѣвши, что я пріѣхалъ къ нимъ назадъ.
Ей! вы!

Алинъ.

Кто тамъ?

Арнольфъ.

Я! я!

Алинъ.

Жоржета.

Жоржета.

Что такое?

Алинъ.

Ну отворяй скорый.

Жоржета.

Мнѣ дѣло есть другое,
Самъ прогуляешься.

Алинъ.

Пошла жъ?

Жоржета.

Вотъ! не хочу.

Арнольфъ.

Скорѣй, глупцы! не по путемъ васъ проучу.

Алинъ.

Да кто жъ спучится?

Арнольфъ.

Я, вашъ господинъ.

Алинъ.

Жоржета,

Подижъ.

Жоржета.

Пройдешься самъ.

Алинъ.

Да дура, баринъ сто.

Жоржета.

Ты видишь — не досугъ: я комнату мету.

Алинъ.

А я такъ голубей своихъ кормить иду.

Арнольфъ.

Но если вы сей часъ дверей не отопрете,
Не дамъ вамъ ѣсть и вы здѣсь съ голоду умрете.

Жоржета, *за дверьми.*

За чѣмъ же ты бѣжишь, когда я у дверей?

Алинъ.

Да какъ не такъ, за чѣмъ бѣжала ты скорѣй?

Жоржета.

Пошелъ!

Алинъ.

Пошла сама!

Жоржета.

Ахъ, Боже мой! да что же
Мѣшаешь мнѣ, дуракъ. Вотъ не пущужь.

Алинъ.

Я то же;
Ужь не отворишь же.

Жоржета.

Ни ты.

Алинъ.

Ни я, ни ты.

Арнольфъ.

Терпѣнья нѣтъ! Меня вы мучите, скопы!

Алинъ, *вбѣгая.*

Я первый прибѣжалъ!

Жоржета, *вбѣгая за Алиною.*

Мое, сударь, почтенье.
Я первая....

Алинъ, *Жоржетъ.*

Когда бъ, когда бъ не уваженье
Къ нему.... такъ я.... *(Замахиваясь на нее, толкаетъ Арнольфа).*

Арнольфъ.

Дуракъ!

Алинъ.

Прошу васъ разобрать;
Она, сударь, всегда....

Арнольфъ.

Молчать, осель, молчать!
Ну что, когда отъ васъ я отъѣзжалъ въ дорогу,
Домашніе мои....

Алинъ.

Да я.... я слава Богу!....
(Арнольфъ скидаетъ съ него шляпу).
Мы всѣ, сударь....
(Арнольфъ опять сбрасываетъ съ него шляпу).

Мы всѣ безъ васъ здѣсь кое-какъ
Здоровы, кажется.

Арнольфъ.

Какъ смѣешь ты, дуракъ,
Быть въ шляпѣ здѣсь? Вонъ скотъ — часъ
ошь часу глупѣе!

Алинъ.

Я виноватъ-съ.

Арнольфъ.

Зови Агнесу поскорѣе.
(Алинъ уходитъ).

Явленіе III.

Арнольфъ и Жоржета.

Арнольфъ.

Ну, что, я думаю, Агнеса безъ меня
Соскучилась?

Жоржета.

О, нѣтъ!

Арнольфъ.

Не можетъ быть, и я
Ужъ знаю....

Жоржета.

Право нѣтъ! вѣдь я бы вамъ сказала.

Арнольфъ.

Да какъ же?

Жоржета.

Барышня давно васъ поджидала;
И изъ дали она и лошадь и осла,
И всякаго за васъ ошибкою брала.

Явленіе IV.

Тѣже, Агнеса и Алинъ.

Арнольфъ.

Ну такъ, съ работою! Прошу тутъ не влю-
биться.
Ты рада ли, что я изволилъ воротиться?

Агнеса.

Все слава Богу-съ!

Арнольфъ.

Такъ, я самъ опимѣнно радъ!
Ну, что жъ ты, ангелъ мой, здорова ли? на
взглядъ
Такъ вы здѣсь безъ меня не дурно пожи-
вали.

Агнеса.

Не такъ чтобы: меня спрахъ комары кусали.

Арнольфъ.

Негодные! мы ихъ прогонимъ скоро прочь.

Агнеса.

Какъ ето бъ хорошо.

Арнольфъ.

Ужь я берусь помочь.
Да что жъ ты дѣлаешь?

Агнеса.

Защтопавши чулочикъ,
Вяжу вамъ колпачекъ.

Арнольфъ.

Прекрасно, мой дружочикъ!
Лишь не скучай. — Теперь поди себѣ домой;
Мы скоро иначе поладимъ здѣсь съ тобой
И съполной радостью своей достигнемъ цѣли!

Явленіе V.

Арнольфъ *одинъ*.

Пускай всѣ модницы, мадамы и мамзели,
Которыхъ головы набиты щегольствомъ,
Изволятъ хохотать надъ етимъ божествомъ;
Но я ее въ примѣръ имъ выставлю нарочно....
За то и честь.... Ба! ба! да ето кто? такъ точно....

Явленіе VI.

Арнольфъ и Горасъ.

Арнольфъ.

Горасъ! какой судьбой?

Горасъ.

Возможно ль? виноватъ,
Вы, Господинъ Арнольфъ?

Арнольфъ.

Здорово, какъ я радъ!
Давно ли здѣсь?

Горасъ.

Дней семь.

Арнольфъ.

Да какъ мнѣ не сказали?

Горасъ.

Я былъ у васъ; но вы куда-то уѣзжали.

Арнольфъ.

Въ деревню, — точно такъ.

Горасъ.

Но я васъ дождался.

Арнольфъ.

Ну чудо, братъ! Какъ ты проворно поднялся!

Повѣришь ли, я зналъ тебя такою крошкой...
Теперь смотри — меня не переросъ немножко

Горасъ.

Вотъ то-то же!

Арнольфъ.

Ну что жъ, скажи, мой дорогой
Твой батюшка, мой другъ и балагуръ большой
Что дѣлаетъ? за чѣмъ друзей позабываетъ
Здоровъ ли онъ, и какъ живетъ да наживаетъ
Онъ очень ужъ давно — съ тѣхъ поръ как
ускакалъ,
Не пишетъ мнѣ — и я куда писать не зналъ

Горасъ.

Все онъ хлопотъ; но вы за это не сердитесь
Вотъ къ вамъ письмо и вы съ нимъ лично
помиритесь;
Онъ изъ Америки на дняхъ пріѣдетъ къ нам
Да я хотѣлъ спросить — ужъ не знакомъ л
вамъ
Его земляк и другъ, которой такъ счастлив
Лѣтъ въ семь въ Америкѣ, и подлинно на див
Имѣнье страшное умѣлъ себѣ нажить?

Арнольфъ.

Да какъ его зовушъ? Онъ мнѣ бы долженъ быпь

Знакомъ...

Горасъ.

Аристомъ.

Арнольфъ.

Нѣтъ, припомнить бы не трудно;
Но я не слыхивалъ.

Горасъ.

А мнѣ такъ очень чудно,
Что батюшка въ письмѣ мнѣ говоритъ объ немъ,
Какъ будто онъ давно обоимъ вамъ знакомъ;
Что вдетъ вмѣстѣ съ нимъ, что все у нихъ готово;
Но именно за чѣмъ — не пишетъ мнѣ ни слова.

Арнольфъ.

За чѣмъ бы ни было, лишь ихъ бы залучить,
А дѣло ужъ мое принять и угостить.

(Прочитавъ письмо).

Что за учтивости, сй! ей! между друзьями:
Грѣхъ письма наполнять такими пустя-
ками.
Безъ всякихъ просьбъ его, чтобъ я тебѣ по-
могъ,
Я за пріятнѣйшій поставлю ето долгъ.

Горасъ.

Я скоръ — и изъ людей совсѣмъ не церемон-
ныхъ:
Не льзя ли одолжить мнѣ пятьдесять чер-
вонныхъ?

Арнольфъ.

Смѣшно бъ не услужить бездѣлицей такой.
Да кстати здѣсь они случились со мной;
Вотъ кошелекъ....

Горасъ.

Но я....

Арнольфъ, *отдавая коше-
лекъ.*

И полно, мой любезной!
Скажи-ка мнѣ, каковъ нашъ городокъ пре-
лестной?

Забравшись къ намъ, я чай ты разомъ, какъ
соколъ,
Все облетѣлъ — и что въ немъ пупнаго
нашолъ?

Горасъ.

Тьму жителей, — вездѣ чудесныя строенья!....
А жизнь! вы видите, я въ полномъ восхи-
щеньи.

Арнольфъ.

Да правда, всякой здѣсь по своему купинъ;
Но ужь для васъ — лихихъ и ловкихъ волo-
кипъ,
Здѣсь женщины! ни гдѣ не встрѣтишься съ
такими;
За то ужь и мужья — пресмирные, Богъ съ
ними!
Не позавидуешь супружескимъ правамъ.
Да что и говоришь, — я думаю ты самъ
Успѣлъ ужь кое-что спроказить здѣсь, плу-
тишка?
Смѣешься! такъ! ну, чтожь — ужь завелась
интрижка?

Такихъ молодчиковъ, какъ слухи говорятъ:
Здѣсь въ лучшихъ обществахъ знакомятъ
на подхватъ.

Горасъ.

Не утерплю, чтобъ вамъ теперь же не от-
крыться,
И точно — я успѣлъ вѣдь не шутя лю-
биться,
И видно по всему.... что здѣсь на етотъ
счетъ....

Арнольфъ, *въ сторону.*

Ну такъ, я ожидалъ! вотъ новой анекдотъ!
Ужь чья-то очередь? — А по всему при-
мѣтно,
Что онъ....

Горасъ.

Я говорю вѣдь ето вамъ секретно.

Арнольфъ.

О!...

Горасъ.

Въ такихъ вещахъ, извѣстно вамъ самимъ,
Болтливостью себѣ мы ужасъ какъ вредимъ!

Но я увѣренъ въ васъ и дружески признаюсь,
Что я ей всячески понравиться стараюсь,
И съ вѣрной помощью и денегъ и людей —
Успѣлъ увидѣться и объясниться съ ней,
Ну такъ, что потишно — въ недѣлю сдѣлалъ чудо!

И кажется дѣла мои идутъ не худо.

Арнольфъ.

Ну, что жъ?

Горасъ.

Дослушайте. — Красавица моя
Живетъ вотъ здѣсь, — да здѣсь, и признаюсь, что я
Изъ женщинъ не видалъ ни гдѣ такой прекрасной!
Хоть правду вамъ сказать, она проста ужасно;
Но въ этомъ виноватъ одинъ старикъ злодѣй,
Запрятавшій ее нарочно отъ людей;
Но не смотря на то — въ ней что-то есть такое
Невинное — чѣмъ мнѣ она милѣе вдвое!

Но что, божусь, ее нѣтъ средства описать...
Короче вамъ.... ну всю бъ хотѣлъ разцѣловать!
Да, можетъ быть, что вы ее видали сами?
Зовутъ Агнесою.

Арнольфъ, *въ сторону.*

Агнесою....

Горасъ.

А онъ!
То есть смѣшной старикъ, кому я предпочтенъ,
Какой-то де Ласурсъ или Ласушь — ужасно
Ревнивъ, какъ говорятъ, — а глупъ такъ ето ясно.
Я слышалъ тьму объ немъ забавныхъ страхъ вещей.
Онъ не знакомъ ли вамъ?

Арнольфъ, *въ сторону.*

Нашолся же злодѣй!

Горасъ.

Чтожъ вы задумались?

Арнольфъ.

Да, да, его я знаю.

Горасъ.

Ну, чтожь, чудакъ?

Арнольфъ.

Кто — онъ?

Горасъ.

О! я воображаю,
Что етотъ слухъ объ немъ конечно спра-
ведливъ,
То есть, что онъ и глупъ и ужасъ какъ ревнивъ!
Тѣмъ лучше; — по за то Агнесою мою
По справедливости похвастаюсь вамъ смѣю,
И согласитеся: — бѣда не велика
Отнять ее изъ рукъ ревнивца старика?
Но какъ бы ни было, однако жь мы любимы!
А деньги для интриг всегда необходимы,
И съ вашей легкой мнѣ и дружеской руки,
(Показываетъ кошелекъ)
Мы этимъ кошелькомъ все кончимъ мастер-
ски;
Но вы молчите все? — Разсмѣйтесь, какъ
не стыдно?
Да чуть ли вамъ самимъ ужь сто не завидно?

Арнольфъ.

Ни мало!

Горасъ.

Наконецъ, чтобъ васъ не задержать,
Прощайте, я бѣгу и буду къ вамъ опять.

Арнольфъ, *въ сторону.*

Злодѣй!

Горасъ, *возвратясь.*

Еще прошу — оно всего нужнѣе....
На етотъ счетъ, сударь, какъ можно быть
скромнѣе.

Арнольфъ.

Ну! вотъ и новости!

Горасъ, *возвратясь.*

А болѣе всего,
Чтобъ батюшка объ томъ не слышалъ ничего.
(Уходитъ).

Арнольфъ, *думая, что Горасъ опять возвратится.*

Еще!...

Явленіе VII.

Арнольфъ, *одинъ.*

Ну, признаюсь, наслушался я вволю!

Прекрасную сыграть мнѣ довелося роло!
Вѣдь надобно жь, чтобъ онъ здѣсь бишыхъ полчаса
Смѣялся надо мной и прямо мнѣ въ глаза;
Но онъ не зналъ, что я перемѣнилъ прозванье.
Какъ жаль, что не смотря на все мое желанье,
Повѣса етопъ мнѣ не выболталъ всего!
Не утерплю! пойду и догоню его....
Что если! Боже мой! мою меня избавитъ,
Чтобъ не узнать объ немъ — чего нельзя поправить.

Н. Хмѣльницкій.

XV.

Изъ Водевиля: *Тридцать тысять теловѣкъ, или находка хуже потери.*

Цейпшрифтъ.

Клитъ старался вкрутъ Вельможей
И попалъ кой-какъ на сиапъ:
Выперъ спѣны въ ихъ прихожей
И тихонько впереся въ знапъ;

Но ему не удается
Уваженье заслужить:
Почесть въ свѣтѣ продается,
Но почтенье гдѣ купить.

Адольфъ.

Старики насъ увѣряютъ,
Что житье тѣмъ, кто богатъ;
Женщинъ золотомъ прельщаютъ,
А любовію смѣшатъ.
Если жъ имъ не удается,
То должны себя винить:
Благосклонность продается,
Но любви нельзя купить.

Рейхсталлеръ.

Я на свѣтѣ съ удивленьемъ
Часто видѣлъ бракъ такой,
Что женихъ береть имѣньемъ,
А невѣста — красотой.
Ети браки удаются
Очень рѣдко.... такъ и быть!
Хоть невѣсты продаются,
Да жены нельзя купить.

Тухманъ.

Нынѣ люди просвѣтились
И нашли ко счастью путь;
Всѣ въ коммерцію пустились,
Всѣ торгуютъ чѣмъ нибудь.
Честь за деньги отдается,
Совѣсть начали цѣнить:
Все на свѣтѣ продается,
Только-бъ было чѣмъ купить.

Луиза, *къ зрителямъ.*

Часто вздорныя прошенья
Вамъ случалось принимать.
Мы не просимъ снисхожденья,
Рукъ не просимъ поднимать.
Намъ одно лишь остается —
Справедливости просить.
Браво часто продается,
Правду жь мудрено купить.

А. Писаревъ.

XVI.

Изъ комедіи: *Егоизмъ и Филантропія.*

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе VII.

(Лиза, дочь богатаго поливщика Линскаго и Даша ея молочная сестра, служанка).

Лиза.

Охота дядюшкѣ во всѣ дѣла мѣшаться:
Браниться съ бапюшкой, за Лидину спа-
раться,
И бросивши дѣтей, летѣть на почтовыхъ,
За чѣмъ? чтобъ Лидинъ былъ племянницѣ
женихъ.

Да разсердился какъ....

Даша.

Хоть онъ крутаго нрава;
Но, кажется мнѣ, правъ; а барышня.... не
права.

Лиза.

Не права! не могу рукой располагать?
И дядюшкѣ должна отчетъ въ себѣ давать?

Да развѣ онъ лишилъ своихъ дѣтей имѣнья
И отдалъ мнѣ его въ награду — за терпѣнье?

Даша.

Нѣтъ, сдѣлать етаго не вздумаетъ ни какъ.

Лиза.

Ступай за Лидина! Какой завидный бракъ!

Даша.

Конечно, барышня, вѣдь счастье всѣмъ завидно.

Лиза.

Но счастья етаго мнѣ, признаюсь, не видно.

Даша.

Но Лидинъ любитъ васъ....

Лиза.

Онъ любитъ! ну такъ что жъ?
Не говорятъ ли мнѣ и многіе того жъ?

Даша.

Другіе говорятъ, — онъ чувствуетъ.

Лиза.

Прекрасно!
И признаюсь — любить умѣетъ очень справедливо:

Онъ любитъ для того, чтобъ только доса-
ждать;
Несносный моралистъ, не знаетъ угождать,
И если примется за грозныя тирады,
То нашъ несчастный полъ не ожидай пощады:
Распишетъ всѣхъ и все, какъ будто на под-
рядъ;
Ну, такъ, что отъ него не ускользнетъ
нарядъ.
„Безъ вкуса талія! одѣта не покойно!
„Что лучше простоты!“ Какъ смѣть такъ
не пристойно
О модныхъ таліяхъ кричать на перекоръ?
Какъ думать, что его уважать въ свѣтѣ
вздоръ?

Даша.

Но онъ вамъ нравился.

Лиза.

Къ стыду! его любила
Ребенкомъ будучи.

Даша.

Васъ шутка разлучила.

Лиза.

Да! онъ за тетушку поссорился со мной:
„За чѣмъ вы шутите надъ близкою родней?“
Какъ будто пошутить надъ теткой зло
большое?
И съ етихъ поръ къ нему я чувствую другое.
Короче, Лидинъ нашъ капризенъ и ревнивъ;
А Вельскій, Боже мой! какъ ласковъ, какъ
учтивъ;
И любитъ, кажется, меня до изступленья.
Какой приятный взглядъ! Въ немъ видно уго-
жденье.

Даша.

Да кто изъ жениховъ не мастеръ поглядѣть?
И всякой радъ на васъ умильно посмотрѣть,
Когда пять тысячь душъ....

Лиза.

Не говори пустаго:
Имѣніе прельститъ кого нибудь другаго;
Но Вельскій, Дашинька? — Нѣтъ, Вельскій
не таковъ.

Даша.

Поетъ себѣ свое, — терять не стану словъ.

Явленіе VIII.

Тѣже и Полковникъ Лидинъ, *молочный братъ обѣихъ, влюбленный въ Лизу.*

Лидинъ.

Сударыня! проспить должны вы непер-
шѣнью....

Лиза.

Какъ, Лидинъ! это вы? Судя по удивленью,
Легко представите, ждала ль я видѣть васъ.

Лидинъ.

Лишь только что въ Москву и къ вамъ
летѣть сей часъ!
Я неизвѣстности не могъ снести мученья
И поспѣшилъ просить своей судьбы рѣшенья.

Лиза.

Какъ жаль, что батюшку вы не могли за-
стать;
А я.... одна.... гостей.... не смѣю принимать.
(Присѣдаетъ и уходитъ).

Явленіе IX.

Лидинъ и Даша.

Лидинъ.

Что сно, Дашинька?

Даша.

Смертельная обида.

Лидинъ.

Какой досадный тонъ!

Даша.

И вѣрно не для вида.

Лидинъ.

Не мучь меня, мой другъ, что хочешь ты сказать?

Даша.

Что нашъ молочный братъ изволилъ онов-дать.

Лидинъ.

Какъ! все потеряно?

Даша.

Ну хоть не все; а вѣрно

То, что дѣла для васъ идутъ здѣсь очень скверно.

Лидинъ.

Такъ чтожъ ты сдѣлала, безбожница, со мной?

Даша.

Вотъ новое еще! не ужъ-то я виной,
Что васъ любить не льзя, что вы всѣмъ не любезны?
Но бросимъ этотъ споръ: всѣ споры безполезны.
Подумаемъ скорѣй, чѣмъ горю пособить.

Лидинъ.

Я слушаю тебя. (Даша молчитъ). Начнешь ли говорить?

Даша.

Не стану, ежели вы будете сердиться.

Лидинъ.

Я холоденъ какъ ледъ.

(Даша смотритъ на него и смѣется).

Ну можно ль не взбѣситься?
Нѣтъ! лучше во сто разъ подъ пулями стоять,
Чѣмъ съ злой дѣвчонкою о дѣлѣ разсуждать.

Даша.

Я злая? а за что? вы смѣете сердиться?
Останьтесь же одни съ колонами браниться.
(Хочетъ идти).

Лидинъ.

Нѣтъ, Дашинька, постой! Ты ангель, ты мой другъ!
Я задушу тебя и разцѣлую вдругъ.

Даша.

Что, бѣдинькой мой ледъ? застылъ! такой холодной!
Какъ жаль, что у меня минуты нѣтъ свободной:
Я васъ помучила бъ для вашего жъ добра.

Лидинъ.

Я въ пыткѣ цѣлый часъ, такъ сжалиться пора.

Даша.

Что дѣлать? поступлю хоть разъ великодушно;
Но бросьте вспыльчивость, глядите равнодушно

И спорить съ дамами не смѣйте ни когда;
Не то и заглянуть не думайте сюда.
Вы барышню мою моралью напугали.

Лидинъ.

Негодная мораль!

Даша.

Ее бранить вы стали?
А прежде? до чего доводить васъ любовь!

Лидинъ.

Но къ дѣлу поскорѣй! Во мнѣ кипитъ вся кровь,
А ты, негодница, не кстати разболталась.

Даша.

По вашему письму я всячески старалась;
Чтобъ вамъ надежнѣе къ успѣху сдѣлать путь,
Въ сердчишко барышни тихонько заглянуть,
Я говорила съ ней о васъ сударь.

Лидинъ.

Прекрасно!

Даша.

Дождитеся конца: не радуйтесь напрасно.
Изъ разговоровъ съ ней замѣтила я то,

Что ей изъ жениховъ не нравится ни кто,
А вы особенно.

Лидинъ.

За что?

Даша.

Сказать я рада,
Но знавши такъ себя, вамъ спрашивать не надо.

Лидинъ.

А Кленскій, милая?

Даша.

Что Кленскій? Кленскій здѣсь —
И разбранить успѣлъ и насъ, и городъ весь;
А брань, мнѣ кажется, услуга небольшая.
Но ето ничего; а вотъ бѣда другая:
Боюсь, что Вельскій намъ надѣлаетъ хлопотъ,
И барышня сей часъ....

Лидинъ.

За Вельскаго идетъ?
Соперникъ у меня?

Даша.

Клянусь, что ни какого,
И любятъ Вельскаго не болѣе другаго.

Лидинъ.

Но можно ли шутить такъ сердцемъ и рукой?

Даша.

Вѣдь всѣ красавицы страхъ заняты собой,
И въ мужѣ одного желаютъ — угожденья.

Лидинъ.

Какія правила!

Даша.

Какія разсужденья!
Да должно поступать не иначе, а такъ —
Когда одинъ разсчетъ велитъ вступить имъ въ бракъ,
И мужъ съ упреками...

Лидинъ.

Да! нынче мадригаловъ
Хотятъ и отъ мужей.

Даша.

Нѣтъ! не стиховъ, а баловъ.

Лидинъ.

И я любилъ ее.... Да что! теперь люблю.

Даша.

Попробуйте забыть.

Лидинъ.

И должно! не стерплю—
Умру отъ бѣшенства!...

Даша.

А страсть?

Лидинъ.

Не одолью.

Даша, *смѣясь.*

О вашей слабости душевно сожалѣю.

Лидинъ.

Какъ низокъ я! какъ слабъ!

Даша.

И низки ужъ сей часъ!
Кто не бывалъ смѣшонъ для пары милыхъ
глазъ?

Лидинъ.

Вопъ клятвы женскія! Измѣнница бывало
Меня въ любви своей такъ нѣжно увѣряла.

Даша.

Да вы помѣшаны, ей Богу, не шутя.
Въ тринадцать лѣтъ она была совсѣмъ дитя:
На стотъ старый искъ давно минули сроки.

Но мы поправимъ все. Она добра: пороки
Ея легко пройдутъ. Вините въ нихъ отца.

Лидинъ.

Онъ вовсе не дуракъ.

Даша.

Но хуже и глупца:
Какъ можно вѣкъ прожить, всегда другимъ
въ угодность?

Лидинъ.

Да, я замѣтилъ въ немъ въ характерѣ неровность.

Даша.

Взгляните-ка въ нашъ домъ: сказать, ей Богу,
страхъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ баринъ мой у Вельскаго
въ рукахъ,
Порядокъ позабытъ, развратъ, хаосъ нестройной.
Заплачешь и вздохнешь о барынѣ покойной!

Лидинъ.

Какая женщина! подобной не сыскать!

При ней не смѣли бы надъ Лидинымъ играть,
И давши слово мнѣ....

Даша.

Да можно все поправить.
Умѣйте барышню любить себя заставить
И сбыть соперника....

Лидинъ.

О! сбыть его легко —
И средство отыскать не нужно далеко:
Сего дня жь кончу все. Прощай покамѣстъ,

Даша.

Даша.

Нѣтъ, я васъ не пущу.

Лидинъ.

Пусти.

Даша.

Нѣтъ, воля ваша.

Лидинъ.

Я съ нимъ раздѣлаюсь....

Даша.

А какъ бы, на примѣръ?

Лидинъ.

Какъ? пулю въ пистолетъ и шесть шаговъ барьеръ.

Даша.

Я такъ и думала. Чтожь етаго вѣрнѣе?

Лидинъ.

Я не люблю шутить. Пусти жь меня скорѣе:
Я кончу съ нимъ разсчетъ не болѣе, какъ въ часъ.
Но что же етотъ смѣхъ?

Даша.

Ну кто смѣшнѣе васъ?

Лидинъ.

Прощай!

Даша.

Куда? куда? и не боитесь Бога?
Убійство можетъ ли быть подъ вѣнецъ дорога?
Представьте вы себѣ: васъ, можетъ быть, убьютъ,
Или убьете вы.... и чтожь тогда? подъ судъ.
Когда жениться тутъ? Придумайте другое.

Нашъ Вельскій, говорятъ, твореньс очень злое,
Но добродѣтельнымъ слыветъ онъ мудрецомъ:
Изобличимъ его, поставимъ на своемъ,
А Клеискій вѣрно вамъ съ охотою поможетъ.

Лидинъ.

Нѣтъ, Вельскій, говорятъ, такъ добръ, такъ....

Даша.

Быть не можетъ!
Я знаю молодца; но надобно спѣшить,
Чтобъ времени ни вамъ, ни мнѣ не упустить.
Скажу вамъ за секретъ: я вывѣдала много
О Вельскомъ отъ людей.

Лидинъ.

Скажи же ради Бога!

Лиза, *за сценою.*

Гдѣ Даша?

Даша.

Здѣсь! сей часъ! — Надѣйтесь на меня:
Что можно, сдѣлаю....

Лидинъ.

Какъ благодаренъ я.

Даша.

Молошная сестра васъ любитъ, какъ родная.

Лидинъ.

Ахъ! еслибъ ето же сказала и другая.

М. Карніолинъ Пинской.

XVII.

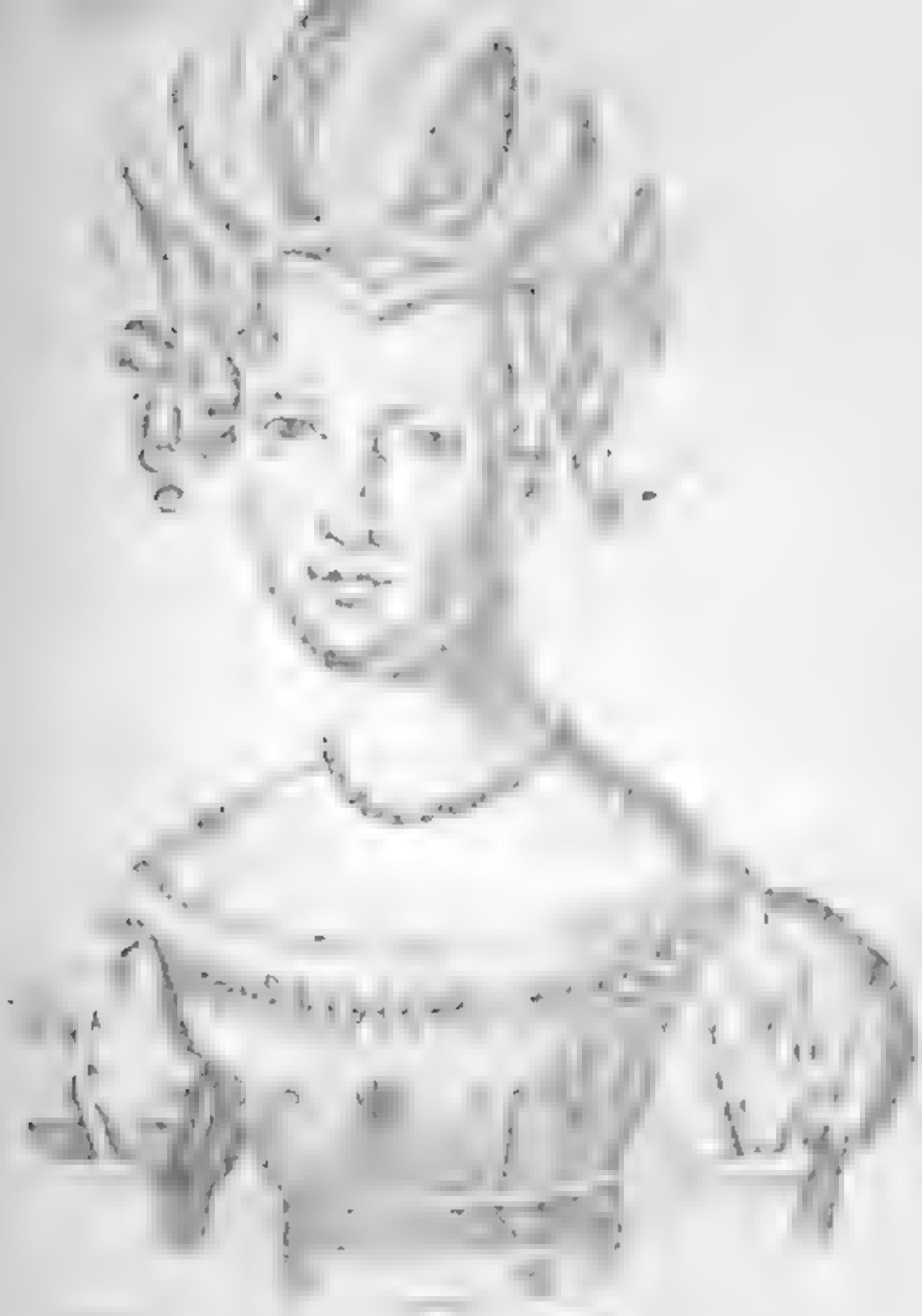
Изъ трагедіи: *Орестъ.*

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I.

Електра.

Прошелъ десятый годъ — ужасный для меня!
И за моремъ исчезъ послѣдній отблескъ дня,
И ночь, усѣяна печальными звѣздами,
На землю налегла кровавыми крылами!...
Скажи, угрюма ночь, не съ кровью ль мщенья
пы
Спустилась на Аргосъ съ небесной высоты?....
Мнѣ живо помнится та ночь, тотъ часъ
ужасный,



Когда въ чертогахъ сихъ Агамемнонъ не-
счастный
Подъ нечестивой палъ Егистовой рукой!...
Мрачнѣй, мрачнѣе, ночь, сгусшися надъ зем-
лей;
Обезопась мой путь къ родительскому гробу,
И сномъ, хотъ до зари, окуй Егиста злобу!....
На гробъ родителя, на скорбный прахъ его,
Я слезы лишь несу и больше.... ни чего.
Отъ сердца дочерей, отъ горестныхъ соз-
даній,
Родителямъ въ землѣ — какой еще ждать
дани?....
Убійцамъ мщенія?.... Ахъ, нѣтъ, Агамемнонъ,
Не мнѣ имъ облегчить твой тяжкій въ гробѣ
сонъ,
Не мнѣ.... Но вѣрь мнѣ, тѣнь родителя уныла,
Я клятву на себя святую возложила:
Страдать, терпѣть и жить въ чертогахъ
мрачныхъ сихъ,
Подъ кровлею злодѣйствъ, средь убійцъ тво-
ихъ,

Близь матери моей жестокой, нечестивой
И даже рабствовать Егисту молчаливо,
Пока отмщенья день блеснетъ на небесахъ!...
Ореста нѣтъ со мной, Ореспъ въ чужихъ
странахъ;
Но онъ еще въ живыхъ.... Приди, о братъ
мой милой!
Я слезы только лью надъ отческой могилой;
Ты въ день торжественный потоками на ней
Изъ вражеской груди кипящу кровь пролей.

Явленіе II.

Клитемнестра и Електра.

Клитемнестра.

Електра!

Електра.

Что сей зовъ? о страхъ!... она со мною!...

Клитемнестра.

Не убѣгай меня! мнѣ сладко быть съ тобою;
И самъ Егиспъ сего не могъ бы запретить.
Несчастной матери — тоскующей Царицѣ....
Идемъ! идемъ!

Електра.

Куда?

Клитемнестра.

Къ гробницѣ.

Електра.

Къ чьей?

Клитемнестра.

Къ гробницѣ...

Къ гробницѣ.... твоего.... несчастнаго отца.

Електра.

За чѣмъ же не сказать, не измѣнивъ лица,
Супруга твоего.... несчастная, не смѣешь?
И ты на гробъ его явиться не робѣешь?....
Еще супружня кровь не смыта съ рукъ твоихъ,
А совѣсти упрекъ въ душѣ твоей запихъ?....

Клитемнестра.

Ужь десять лѣтъ прошло съ той злополучной ночи,
И десять лѣтъ опъ слезъ не осушались очи....

Електра.

И вѣчность цѣлая раскаянья и с[illegible]

Не примиришь съ тобой разгнѣванныхъ не-
бесъ....

Все, все противъ тебя! взгляни на ети спѣны!
Вездѣ кровавый слѣдъ, тобой напечатлѣнный...
Бѣги, несчастная, бѣги самой себя!
Я матерью своей стыжусь назвать тебя....
Иди, бѣги, стремись стопою боязливой —
Къ Егисту твоему на ложе нечестиво —
Не на могильный холмъ, гдѣ спитъ Агамем-
нонъ;
Ты въ гробѣ возмутишь Атрида мирный сонъ,
Ты вызовешь его мольбой нечистой къ
мщенью;
И онъ предстанетъ къ намъ окровавленной
пѣнью;
И мнѣ мечтается, ужь онъ встаетъ.... ужь
всталъ.

Клитемнестра.

Я трепещу! и хладъ и страхъ меня объялъ!...
Електра! ты меня такъ пламенно любила,
А нынѣ!... я сама всего себя лишила!
Подъ тѣнью ночей, при яркомъ свѣтѣ дня

Вездѣ одна тоска преслѣдуетъ меня....
Недумай, чтобъбыла я счастливаєъ Египтомъ.

Електра.

Веселью мѣста нѣтъ на днѣ сердецъ печи-
спомъ....
Тебѣ обречено — съ унынъемъ на челѣ
Влачить тяжелый грузъ несчастій на землѣ;
О бѣдствіяхъ твоихъ вѣкъ вѣку перескажетъ,
И нѣтъ предѣла имъ! Жизнь минетъ; — рокъ
укажетъ
Тебѣ печальный путь за стонущій Коцитъ,
Тамъ правда вѣчная вполнѣ тебѣ отмститъ:
Ты шагъ лишь за Коцитъ, и встрѣтится съ
тобою
Атридъ, поверженный во гробъ твоей рукою,
И выражающій проклятія укоръ;
Супружній на тебѣ отяготѣетъ взоръ;
И тѣни праотцевъ твоихъ за нимъ возна-
кутъ
И скрежетомъ зубовъ проклятьемъ въслухъ
твой грянутъ;
И мертвыхъ судія приходъ твой проклянетъ;

Онъ муки по тебѣ въ Айдесѣ не найдетъ.

Клитемнестра.

О, сжалься, дочь моя! о, сжалься надо мною!
Но безотрадная — я жалости не стою....
Ахъ! если бъ въ сердцѣ ты моемъ читать
могла!...
Нѣтъ! не заглядывай въ него: тамъ кроетъ
мгла
Грызущей совѣсти мучительны упреки....
Тяжелъ, но справедливъ укоръ мнѣ пивой же-
спокій....
И здѣсь — и въ мірѣ я — пью горечь адскихъ
мукъ.
Едва сбѣжалъ ударъ съ моихъ преступныхъ
рукъ,
И голосъ совѣсти въ душѣ раздался грозно,
И пробудилося раскаянье, но — поздно!...
Съ тѣхъ поръ во тьмѣ ночей, при яркомъ
свѣтѣ дня,
Вездѣ кровава тѣнь преслѣдуетъ меня:
Иду ль куда; она кровавою тропою
Съ упреками въ очахъ идетъ передо мною;

Сажусь ли за пиры, она со мною въ рядъ;
Ищу ли въ лонѣ сна потерянныхъ отрадъ,
И тамъ, едва глаза тяжелые закрою,
Вдругъ призракъ возстаетъ ужасный предо мною,
И грудь себѣ раздравъ съ свирѣпостью очей
Онъ полной горстію кровь черпаетъ изъ ней,
И прямо мнѣ ее въ трепещущія очи.
За ужасами сновъ, застрашнымъ мракомъ ночи,
Встрѣчаю ужасы и при разцвѣтшемъ днѣ.
И ты, о дочь моя, не плачешь обо мнѣ?

Електра.

Я плачу и давно; но ты въ плачевной долѣ
Не возсѣдаешь ли неправдой на престолѣ?
Не дѣлитъ ли съ тобой нечестія плодовъ
Любимецъ твой Егистъ — отверженецъ Боговъ?
И можно ль о тебѣ слезамъ мнѣ предаваться?
Я и въ твоихъ слезахъ боюсь не сомнѣваться,
Боюсь повѣрить имъ.—Разстанься же со мной,
И дай надъ прахомъ мнѣ обычай свершить одной.

Клитемнестра.

Остановися, дочь, помедли хоть не много!
И безъ того уже наказана я строго;
Я и въ своихъ глазахъ презрѣнною кажусь.
Егистъ.... Електра! я сказать тебѣ стыжусь;
Егистъ.... Ахъ! поздно я коварнаго узнала....
Едва лишь палъ Атридъ подъ остріемъ кинжала,
И выказалъ Егистъ всю душу мнѣ свою....
И я любить его еще не престаю!...
Съ тѣхъ поръ двѣ фуріи — раскаянье съ любовью
Живутъ въ груди моей, слились съ моею кровью.
Егистъ обманывалъ, а не любилъ меня.
Напрасно думаю съ погибельнаго дня,
Напрасно средствъ ищу — загладить преступленье;
Ихъ нѣтъ.

Електра.

Тебѣ одно осталось исправленье.

Клитемнестра.

Какое?

Електра.

Умереть, и волей умереть.
Когда жь при мысли сей не можешь не робѣть,
Когда же переходъ на берега Тенара
Ужасенъ для тебя; не можешь ли удара,
Не въ правѣ ль надъ главой Егистовой занесть,
Который у тебя похитилъ — миръ и честь,
А у Ореста — тронъ.

Клитемнестра.

О комъ въ сей день ужасный
Напомнила ты мнѣ? Оресть, Оресть несчастный!
При имени его во мнѣ хладѣетъ кровь.

Електра.

Во мнѣ она кипитъ!... Когдабъ еще любовь
Въ родительской груди твоей къ нему пылала,
Давно бы опытомъ ее ты оправдала.
Оресть еще въ живыхъ.....

Клитемнестра.

И будетъ живъ, пока
Не приведетъ его въ Аргосъ судьбы рука....
Бывалъ ли кто меня несчастнѣй подъ луною?

Онъ отнялъ у меня, и кѣмъ же? мной самою;
И якъ должна Боговъ молитвой упомлять,
Чтобъ дали милаго мнѣ сына не видать
И вѣчно!

Електра.

Я нѣжный любить умѣю брата;
Я у боговъ прошу Орестова возврата
И, твердо вѣрую, настанетъ день отрадъ,
И пламенный Орестъ въ отечественный
градъ
Примчится, прилетитъ, какъ сынъ Агамем-
нона.

Альфіери.

Предлагаемыя здѣсь двѣ сцены изъ Альфіери не выдержутъ строгой критики. — Ето первая попытка надъ Италіанскимъ Трагикомъ. — Переводчикъ далъ слово издателямъ.... просилъ его назадъ, не выпросилъ и можетъ быть, раскается; но поздно.

Примѣчаніе переводчика.

Только не отступныя просьбы почтеннаго переводчика принудили издателей напе-

чатать его примѣчаніе, въ которомъ болѣе скромности, нежели истины! — Издатели долгомъ почитаютъ благодарить поета за прекрасный опытъ надъ прекраснымъ Трагикомъ Италіи и просятъ впредь дарить ихъ переводами съ того языка; хотя переводчикъ Альфіери можетъ и собственныя мысли облекать въ прекрасные стихи! Но скромность!... За чѣмъ не удѣлитъ онъ своей скромности нѣкоторымъ моднымъ поетамъ?

Примѣч. Издат.

XVIII.

Изъ водевиля: *Встрѣча Дилижансовъ.*

Макарони.

Вездѣ я господамъ извѣстна;
Мнѣ кажди дѣлаютъ визитъ.
Лишь только саплати мнѣ шестна,
Я ошень шестна угостить.
Ма шасто дѣлаитъ другое,
Инимъ не правитъ мой житье

И многа господинъ *чужое*
Употребляетъ, какъ *свое*.

Подглядовъ.

Артистъ, хотя безъ дарованья,
Въ провинцію къ намъ пріѣзжай;
Его встрѣчаютъ восклицанья,
Объ немъ шумятъ партеръ и рай.
Всѣ платятъ за билеты впрое....
Ужь люди таковы на все:
Давай дурное, да *чужое*,
Долой хорошее *свое*!

Рамирской.

Любилъ я прежде веселиться
И въ карты всякой день игралъ;
Но вдругъ пришлось остепениться:
Я отъ игры совсѣмъ отсталъ.
Чтобъ ето значило такое,
Что я оставилъ вдругъ ее?
Желая выиграть *чужое*,
Я все проигрывалъ *свое*.

Славинъ.

Я въ котильонахъ безконечныхъ

Весь мужей и матерей;
Вездѣ искалъ связей сердечныхъ
И много находилъ связей.
Теперь оставимъ всѣхъ въ покоѣ,
Весь міръ забуду для нее.
За чѣмъ искать тому *тужое*,
Кому судьба дала *свое*?

Самойла.

Въ журналѣ написалъ не давно
Извѣстный журналистъ Графовъ,
Что Фольгинъ пишетъ не исправно
И крадетъ множество стиховъ.
Оставимъ Фольгина въ покоѣ:
Его завидное житье;
Не лучшель перевранъ *тужое*,
Чѣмъ глупо выдумать *свое*?

Надинька, *къ зрителямъ*.

Не помню я въ какой-то книжкѣ
Писали за сто лѣтъ назадъ,
Что пьесу хвалятъ по наслышкѣ
И по наслышкѣ жъ и бранятъ.
Но мы желаемъ знать: какое

Сужденье ваше про нее?
Скажите.... только *не чужое*,
Скажите, что нибудь *свое*.

А. П.

XIX.

Изъ трагедіи: *Андромаха.*

ДѢЙСТВІЕ IV.

Явленіе V.

Герміона и Пирръ.

Пирръ.

Ты не ждала меня, Царевна — и я знаю,
Что здѣсь присутствіемъ бесѣду возмущаю.
Я не пришелъ себя коварствомъ посрамить,
Завѣсой правоты несправедливость скрыть.
И мнѣ ли, совѣсти внимая обвиненья,
Умѣть оправдывать словами преступленье.
Троянку я избралъ супругою себѣ,
Ей въ вѣрности клянусь, обѣщанной тебѣ:
Иной бы могъ сказать, что Трои подъ стѣ-

нами

Нашъ бракъ назначенъ былъ родителей ус-
пами;
Они, не вопросивъ согласія дѣтей,
Безстрастныхъ клятвою сковали насъ своей;
Но симъ не извинюсь: отцу я покорился,
Посольствомъ отъ меня союзъ сей утвер-
дился.
Разторгнуть не хотѣлъ его виновный Пирръ;
Съ послами наконецъ ты прибыла въ Епиръ
И свѣтлой, чуждой взоръ, хотя, мнѣ давъ
законы,
Побѣду учредилъ прекрасной Герміоны;
Но пламень новой сей хотѣлъ я истребить,
Я сердце принуждалъ одну тебя любить;
И милъ до дня сего, надеждой ослѣпленной,
Что будетъ святость клятвъ любви моей
замѣной;
Но побѣдила страсть и гнѣвной рокъ судилъ,
Чтобъ Андромахѣ я всѣхъ ненавистнѣй
былъ.
Другъ друга мы влечемъ предъ жертвенникъ
священный,

Въ безсмертной дать любви обѣты прину-
жденны.
Теперь спѣши на мнѣ, Царевна, гнѣвъ излить:
Скорблю, что я злодѣй, но все хочу имъ быть,
Упреки правые сиесу я безъ роптанья —
Да облегчатъ они души моей страданье,
Достойныхъ жду имѣнъ злодѣйства моего;
Страшусь не укоризнъ, молчанья твоего.
И если скросишь ты свой гнѣвъ непримири-
мый,
Гласъ сердца будетъ мнѣ судья неумолимый.

Герміона.

Внимая, Государь, толь искреннимъ словамъ,
Хвалю, что о себѣ правдиво судишь самъ.
Что, презря долгъ святой и ропотъ всена-
родной,
Злодѣйству, какъ злодѣй ты предался сво-
бодно.
И можно ли Царю, дивящему весь свѣтъ,
Унизить такъ себя, чтобъ помнить свой
обѣтъ.
Нѣтъ, нѣтъ, душа твоя измѣною гордится;

Ты съ нимъ искалъ меня, чтобъ ею похва-
лишься.
Какъ! клянвы, долгъ людей, все презрѣно
тобой!
Царевну призывалъ и былъ плѣнень рабой!
Твой выборъ много разъ межъ нами колебался,
Опять крови Зевсовой къ Троянкѣ возвращался,
Къ ногамъ рабыни клалъ вѣнецъ съ главы
моей
И все отечество принесъ на жертву ей:
Воинъ славныя дѣла души неколебимой!
Героя не связалъ обычь другими чтимой.
Иль плѣнницу прельщать желаніемъ горя,
Злодѣя именемъ украсить ты Царя?
Ты на челѣ мосмъ пришелъ чинить спра-
данье
И хочешь ей отдать меня на поруганье!
За колесницей зрѣть въ позорѣ и въ слезахъ.
Но много радостей въ немногихъ ждешь часахъ.
Почто измѣнника названьемъ украшаться
Тому, съ кѣмъ не дерзнешь о славѣ состя-
заться?

Тамъ персы дряхлаго Царя поражены:
Онъ издыхая, палъ къ ногамъ дѣпей, жены;
Твой ненасытный мечь въ груди его коснѣетъ;
Но утолить тебя онъ крови не имѣетъ.
Тамъ Троя залита кровавою рѣкой,
Здѣсь дщерь Пріамова зарѣзана тобой
При Грекахъ, кои всѣ содрогнулись душою.
Чтожъ можно отказать столь славному
герою?

Пирръ.

Царевна! Знаю я, что за Елену месть
Къ безмѣрной ярости мой духъ могла при-
весть.
Тебя бы вопросить о крови мной пролитой,
Но все прошедшее да будетъ позабыто.
Благодарю Боговъ! Рѣчь хладная твоя
Являетъ, что любовь оправдана моя.
Вопще перзаяся опъ совѣсти строптивой,
О чувствахъ я твоихъ судилъ несправедливо,
Дерзалъ тебѣ скучать страданіемъ моимъ.
Какъ быть измѣнникомъ тому, кто не лю-
бимъ?

Не мила съ Пирра взять ты клятвы непремѣнны,
Я угодилъ тебѣ и претерпалъ измѣны.
Такъ, не судьбою мы другъ другу суждены,
Мы были долгъ дѣтей свершать принуждены.
Въ тебѣ не зрю любви и грусти я глубокой.

Герміона.

Я не любила! Чтожь я дѣлала, жестокой?
Тобою спрастная презрѣла всѣхъ Царей;
Пришла искать тебя и въ области твоей;
Я здѣсь еще, забывъ поступокъ твой презрѣнный,
Забывъ мой родъ во мнѣ тобою посрамленный;
Я спутниковъ моихъ молила скрыть мой спыдъ,
Ждала, что время мнѣ злодѣя возвратитъ;
Что рано ль, поздно ли, но долгъ свой исполняя,
Предстанешь предъ меня мнѣ сердце отдавая.
Невѣрный былъ любимъ, что вѣрный могъ бы ждать!
И въ сей ужасной часъ, когда ты возвѣщать

Мнѣ смерть пришелъ съ душой холодною, коварной,
Быть можетъ, я люблю тебя, неблагодарной.
Но, Государь, когда назначено другой
Гордиться счастіемъ любимой быть тобой....
Да совершится бракъ.... избавь мой взоръ печальной,
Лишь объ одномъ молю, узрѣть обрядъ вѣнчальной.
Въ послѣдній разъ съ тобой могу я говорить.
Помедли день одинъ.... успѣешь счастливъ быть....
Безмолвенъ ты! — Злодѣй! я вижу, что считаешь
И мигъ потерянным, въ которой мнѣ вимаешь.
Нетерпѣливый зрѣть владычицу свою,
Неволей сносишь ты рѣчь скучную мою.
Ее твой ищетъ взоръ, за ней душа стремится;
Я не держу, спѣши отъ глазъ моихъ сокрыться,

Спѣши второй обѣтъ дать гнѣвнымъ небе-
самъ,
Иди и осквёрни своимъ приходомъ храмъ. —
Но вѣрь, воспомнитъ Зевсъ, перунами богатый,
Что клятвы первыя тебѣ не были святы.
Иди передъ олтарь съ преступною душой,
Стремись, но трепещи: тамъ воспрѣтишься
со мной!
Н. Павловъ.

XX.

Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ,

Прологъ комедіи: *Христофоръ Колумбъ.*

Дѣйствующіе:

Георовъ, пріятель Автора.
Фіалкинъ } Писатели.
Истовъ }
Шумихинъ }
Вампировъ, Журналистъ.
Княгиня Марабу.
Хлѣвской, степной помѣщикъ.
Сабоєнп, кондитеръ.

Явленіе I.

Хлѣвской *сидитъ за столомъ и ѣстъ;* Сабоени *стоитъ у конторки и считаетъ деньги;* Фіалкинъ и Истовъ *входятъ и садятся за другой столикъ.*

Истовъ, Сабоени.

Deux tasses de chocolat!

Сабоени, *за кулисы.*

Два цаска секолада!

Фіалкинъ.

Вотъ, Истовъ, тотчасъ ѣсть! Я такъ усталъ, что надо
Мнѣ прежде отдохнуть.

Истовъ.

Пожалуй отдохнемъ.
Ты знаешь, что друзей я слушаюсь во всемъ,
А мы съ Фіалкинымъ состарѣлись друзьями.

Фіалкинъ.

Да, я давно твержу и прозой и стихами,
Что насъ ничто съ тобой не можетъ раз-
лучить.

Истовъ.

Кому жь, когда не намъ, друзьями должно
быть?

Галаппы....

Фіалкинъ.

Чувства....

Истовъ.

Вкусъ.

Фіалкинъ.

Успѣхи.

Истовъ.

И Зоилы
Соединили насъ....

Фіалкинъ.

До гроба!

Истовъ.

До могилы!

(Обнимаются).

Фіалкинъ.

Ну, гдѣ найдешь такихъ постовъ и друзей!
Я первый прозою сказалъ Россіи всей,
Что тяжело съ душой чувствительной родиться.

Истовъ.

Я первый пѣлъ въ стихахъ, что должно веселиться.
Со вкусомъ я писалъ, со вкусомъ пилъ и ѣлъ,
И даже пирожки слоеные воспѣлъ....

Фіалкинъ.

И даже пирожкамъ безсмертіе доставилъ!
Я нѣжные листки для нѣжныхъ душъ составилъ!

Истовъ.

Я далъ маливовкамъ особенный языкъ.

Фіалкинъ.

Я тайны милыя, сердечныя проникъ.

Истовъ.

Я въ басняхъ....

(Мальчикъ подаетъ шоколадъ).

Фіалкинъ, *взявъ чашку.*

Соловья, mon cher, не кормятъ басней.
Вѣдь ксшапи сказано?

Истовъ.

Что можетъ быть прекрасиѣй!
Мы для ума съ тобой нарочно родились.

Фіалкинъ, *обнимая Истова.*

Ты нашъ Маркизъ Ла-Фаръ!

Истовъ, *обнимая Фіалкина.*

А ты — Мадамъ Жанлисъ!
Послушай мой експромтъ на апельсинъ.

Фіалкинъ.

Плутишка!
Читай!

Истовъ.

„Експромтъ.“

Фіалкинъ.

Постой! что ето за афишка?
Ба! *Христофоръ Колумбъ*, сего дня въ первый разъ.
Смотри: вотъ новости!

Истовъ.

Особенно для насъ.
Вы какъ-то съ авторомъ имѣли много споровъ?

Фіалкинъ.

Я не люблю его.

Истовъ, *увидя Теорова.*

Тсъ! вотъ пришелъ Теоровъ:
Онъ очень друженъ съ нимъ.

Явленіе II.

Тѣже и Теоровъ.

Теоровъ.

Здорово, Господа.
Передъ спектаклемъ я на часъ зашелъ сюда
И кстати встрѣтилъ васъ. — Мы вмѣстѣ взглянемъ въ ложѣ
На пьесу новую?

Фіалкинъ.

О, нѣтъ!

Истовъ.

Избави Боже!

Теоровъ.

Въ театръ весело.

Фіалкинъ.

Но только не у насъ.
Хоть объ комедіяхъ спросить позвольте васъ:
Что въ нихъ хорошаго? — Тонъ грубой, низкой самой!

Ни гдѣ въ нихъ разговоръ не скрашенъ епиграмой;
Лакеи говорятъ лакейскимъ языкомъ,
Безъ всякой остроты, безъ вкуса, и притомъ
Провинціальные обычаи и нравы
Такъ глупы, такъ смѣшны, что, право, нѣтъ забавы
Смѣяться имъ, хотя они смѣшатъ народъ.

Истовъ, *съ восторгомъ.*

Фіалкинъ мой въ карманъ за словомъ не пойдетъ!

Теоровъ.

Позвольте вамъ сказать, что вы, сударь, не правы.

Фіалкинъ, *съ удивленіемъ.*

Кто! я сударь?

Теоровъ.

Да, вы. — Вѣдь чѣмъ смѣшнѣе нравы,
Тѣмъ больше комику они принадлежатъ.
Что проку въ пьесахъ тѣхъ, гдѣ слуги говорятъ

Умный самихъ господъ? Не спорю, наши дамы
Желаютъ остроты и любятъ епиграмы;
Но епакъ сочинять нѣтъ легче ничего.
Нѣтъ! пусть лицо смѣшитъ, а не слова его;
Пусть Авторъ никогда на сцену не выходитъ;
Когда онъ истину въ комедіи выводитъ,
Когда всѣ лица въ ней имѣютъ *свой* языкъ,
Какъ подлинники ихъ, тогда онъ впрямъ ве-
ликъ,
Хотябъ осмѣянъ былъ безграмотнымъ пе-
вѣсой;
И если я смѣюсь, такъ я доволенъ пьесой.

Истовъ, *Фіалкину.*

Mon cher! вѣдь нечего на ето отвѣчать?

Фіалкинъ.

Тотчасъ и нечего! — Я вамъ хотѣлъ сказать,
Что разговорнаго у насъ нѣтъ вовсе тона;
Нѣтъ етихъ легкихъ фразъ, нѣтъ етаго....
жаргона,
Котораго въ комикахъ Французскихъ вижу я.
И признаюся вамъ, я часто на себя
Досадую за то, что думаю по Руски.

Истовъ, *съ восторгомъ, ударя Фіалкина въ лобъ.*

Каковъ!

Теоровъ.

Такъ думайте, пишите по Французски!
Потеря опъ того ни чуть не велика.
Нътъ разговорнаго у Рускихъ языка!
Какимъ же языкомъ вы говорите сами?
Какимъ же языкомъ теперь я спорю съ вами?
Нътъ разговора! такъ! не будетъ до тѣхъ
пор,
Пока не надоѣстъ намъ чужеземный вздоръ,
Пока не захотимъ по Руски мы учиться.
Теперь, благодаря ученью, можно льститься,
Что мы все Русское полюбимъ, все свое;
Теперь сбывается желаніе мое:
Французской вашъ жаргонъ ужъ многіе бро-
сают,
И.... дамы наконецъ по Руски понимаютъ,
И вы не правы, я еще вамъ повторю.

Фіалкинъ.

За что жъ вы сердитесь? я просто говорю,

Что не богаты мы хорошими стихами,
Кто жь въ етомъ виноватъ?

Теоровъ.

Вы, сударь.

Фіалкинъ.

Я?

Теоровъ.

Вы сами,
И вамъ подобные, которымъ все свое
Не нравится; кому противно въ Рускихъ все;
Которымъ Кребильонъ извѣстенъ весь до слова,
А скучны лишь стихи Димитрія Донскаго;
Которые, сударь, вездѣ на перерывъ
Читаютъ Мариво, Фонъ-Визена забывъ,
И выбравъ Демутье предметомъ обожанья,
Безсмертной Ябеды не знаютъ и названья.
Театра нашего вотъ вѣчные враги!
И ихъ-то должно бы....

Истовъ.

Ей, грудь побереги!

Фіалкинъ.

Позвольте мнѣ у васъ одно спросить: ска-
жите,
Серьезно ето вы, или въ шутку говорите?

Теоровъ.

Серьезно!

Фіалкинъ, *струсивъ.*

То-то же! я шутокъ не люблю.

Теоровъ.

Вы любите, или нѣтъ....

Истовъ.

Но я не потерплю,
Чтобъ вы поссорились.

(Увидя Вампирова).

Вампировъ, очень кстати!
Уйми ихъ.

Явленіе III.

Тѣже и Вампировъ.

Вампировъ, *желая обнять Теорова.*

Здравствуйте!

Теоровъ.

Не льзя ли безъ объяшій!

Вампировъ.

За что жь?

Теоровъ.

Я запаху журнальнаго боюсь.

Вампировъ, *отходя.*

Все страиноспи!

Фіалкинъ.

Ну вотъ, я на тебя пошлюсь:
Онъ споритъ, что у насъ языкъ есть разговорной.

Вампировъ.

Въ старинныхъ хартіяхъ имѣется безспорно.

Теоровъ, *смѣючись.*

Въ стариныхъ хартіяхъ!

Вампировъ.

Не смѣйтесь, точно есть.

Истовъ.

Да, есть.

Вампировъ.

Вы можете мою статью прочесть

Объ этомъ. Впрочемъ я, совсѣмъ не слыша
спора,
Вамъ сдѣлать не могу подробнаго разбора;
Мнѣ нужно знать, съ чего вы начали и какъ?

Фіалкинъ.

Ужь я тебѣ сказалъ.

Вампировъ.

Оно конечно такъ;
Но къ спору этому васъ что же побудило?

Исповъ.

А то... скажи ему.

Фіалкинъ.

Теоровъ очень мило
Насъ звалъ въ театръ смотрѣть комедію.

Вампировъ.

А чью?
Не вашу ли?

Теоровъ.

О, нѣтъ! ужь вѣрно не мою.

Фіалкинъ.

Его пріятеля.

Вампировъ.

Скажите же подробно

Котораго; а то судить мнѣ не удобно
Безъ имени.

Теоровъ, *давая ему афишку.*

Я вамъ афишку покажу.

Вампировъ.

Не зная автора, я пьесы не сужу.

Теоровъ.

И будетъ автора судить, не зная пьесы!
Вотъ какъ рѣшаются журнальные процессы.

Вампировъ, *против афишку.*

Комедія дурна, ручаюсь напередъ.
Причина первая, что вовсе новой родъ;
Вторая: Авторъ самъ, хотъ онъ и защищаетъ,
Стрáхъ молодъ; третья та....

Теоровъ.

Что пьесы онъ не знаетъ
И будетъ, не смотря на то, ее судить!
И станетъ Автора за молодость бранить.

Вампировъ.

Хотя для Автора вашъ голосъ очень лестенъ,

Но древним стоть родъ былъ вовсе не из-
вѣстенъ —
И стало не хорошъ.

Теоровъ.

И стало вашъ журналъ
Не годенъ ни куда.

Вампировъ.

Кто сіе вамъ сказалъ?

Теоровъ.

Вы сами.

Вампировъ.

Я?

Теоровъ.

Да, вы; я въ томъ на всѣхъ пошлюся;
Вы древнихъ выбрали наставниками вкуса;
Вы нападаете на каждый новый родъ,
Позвольте жъ вамъ сказать, что въ дре-
вности народъ
Не зналъ журналовъ.

Вампировъ.

Вотъ сужденье препустое!
Комедія одно, а мой журналъ другое.

Истовъ.

Конечно!

Фіалкинъ.

Журналистъ вамъ славно отвѣчалъ.

Теоровъ.

Да, по журпальному. — Я знаю, что журналъ
Принадлежитъ ему, комедія — другому;
Что онъ обязанъ быть ужасно строгъ къ чужому
И защищать свое; но если я скажу,
Что епотъ новый родъ я часто нахожу
Въ Гишпанскихъ авторахъ, въ Шекспирѣ и у Нѣмцевъ,
Что и теперь одинъ изъ нашихъ однозем-цевъ (*)
Въ такомъ же родѣ намъ прекрасный далъ примѣръ,
Что скажетъ онъ тогда?

Истовъ, *Вампирову.*

Что скажешь ты, mon cher?

Вампировъ.

Что историческихъ комедій по Лапынѣ

(*) Князь А. А. Шаховской въ прекрасной комедіи своей Аристофанъ.

Къ намъ вовсе не дошло, и чшо по сей при-
чинѣ
Гишпанцы съ Нѣмцами и Англинскій посиѣ
Ошиблись, сдѣлавъ шо, чего у древнихъ нѣшъ.

Истовъ.

Ошиблись!

Фіалкинъ.

Точно шакъ!

Теоровъ.

Позвольше, я согласенъ,
Чшо духъ поезіи у древнихъ былъ прекрасенъ;
Но подражаніемъ свободный умъ спѣсиянь
Не поль, чшо къ мершвому живаго прико-
вань?
И можно ли тужить, что дѣятельный геній
Находишъ новый намъ исшочникъ наслажденій?
Гомеръ великъ, но Тассъ иными предпочшенъ;
Теренцій авшоромъ Тарпюфа побѣжденъ,
Езопу — Лафонтенъ, Шекспиръ — Софоклу
равенъ,
Горацій васъ плѣнилъ — мнѣ нравится Дер-
жавинъ.

Вампировъ.

У всякаго свой вкусъ; но если вашъ постъ
Нашелъ въ исторіи комической предметъ,
То онъ найдетъ предметъ трагической на
балахъ,
И роды всѣ смѣшавъ, расплатится въ жур-
налахъ
За то, что думаетъ со мной не за одно.

Теоровъ.

Смѣшное и въ самой исторіи смѣшно;
Печальное вездѣ останется печально.
Вашъ приговоръ, сударь, есть приговоръ
журнальной —
Поверхностный; и я опять вамъ повторю....

Истовъ.

Но древніе....

Теоровъ.

Я вамъ объ новыхъ говорю,
А древнихъ оба мы вѣдь знаемъ по наслышкѣ.
Я, помнится, чипалъ въ какой-то старой
книжкѣ,
Что неученые, хватаяся за все,

Скрываютъ древними невѣжество свое,
И хотъ по Гречески и азбуки не знаютъ,
Тѣмъ больше говорятъ, чѣмъ меньше понимаютъ,
Чтобъ тѣмъ въ глазахъ невѣждъ ученными прослыть.
Не думайте, чтобъ васъ хотѣлъ я въ томъ винить;
Нѣтъ! слабость общую я только что означилъ.

Явленіе IV.

Тѣже и Шумихинъ.

Шумихинъ.

Георовъ, кажется, кого-то озадачилъ.

Истовъ.

Вступись, Шумихинъ!

Фіалкинъ.

Да.

Шумихинъ.

Въ чемъ дѣло?

Фіалкинъ.

Въ томъ, что онъ
На насъ за автора комедіи взбѣшонъ.

Шумихинъ.

Какой комедіи?

Вампировъ, *подавая афишку.*

Вотъ етой.

Шумихинъ.

Христофора!
Какъ изъ бездѣлицы у васъ выходитъ ссора?
Когда бъ Фіалкина вновь вышелъ мадригалъ,
Посланье Истова, Вампирова журналъ,
То я позволилъ бы заспорить вамъ — и даже
Поссориться; но вдругъ комедія — и чья же?
Моша поссорить васъ. — Не стыдно ль,
Господа?

Теоровъ.

Но кажется, у насъ комедій мало.

Шумихинъ.

Да;
Но что за звѣрь у насъ комической писатель?

Теоровъ.

Я за пріятеля....

Шумихинъ.

Что значитъ вашъ пріятель?

Онъ не умѣлъ себѣ и партіи набрать;
Онъ даже не умѣлъ и къ набраннымъ при-
стать.

Теоровъ.

Онъ думалъ: партіи въ словесности не ну-
жны.

Шумихинъ.

Не нужны? Боже мой! они со мною дружны,
Я съ ними; отъ того я ихъ вездѣ хвалю,
Они меня, — и я ни какъ не потерплю,
Чтобъ ихъ бранили: я какъ другъ ихъ за-
щищаю;
Они мои стихи, я ихъ стихи читаю.
Другъ друга хвалимъ мы въ посланіяхъ своихъ:
Друзья замѣтятъ мысль, на видъ поставятъ
стихъ,
Откушаютъ со мной. — Мнѣ отъ журналь-
ной брани
Защита дружба ихъ.

Вампировъ, *Теорову.*

И вина Горріани.

Теоровъ.

Позвольте....

Шумихинъ.

Партіи, сударь, всего нужнѣй.
Я напишу стихи, толпа моихъ друзей
Ихъ выпроситъ ; толпа глупцовъ ихъ перепишетъ
И въ мѣсяцъ обо мнѣ Россія вся услышитъ.

(Фіалкину и Истову).

Однако жъ, Господа, жена васъ въ ложѣ ждетъ.

Истовъ.

Пойдемъ, Фіалкинъ.

Фіалкинъ.

Да; а журналистъ пойдетъ?

Вампировъ.

Я въ креселъцы себѣ возьму билетъ у входа.
Что за комедія особеннаго рода?
Ручаюсь, что со мной согласны будутъ всѣ.

Истовъ, *Шумихину.*

Прощай!

Фіалкинъ.

Мы ждемъ тебя.

(Уходятъ).

Явленіе V.

Теоровъ, Шумихинъ, Хлѣвской и Сабоени.

Шумихинъ, *Сабоени*

Un verre de ponch glacé!

Сабоени, *за кулисы*

Стаканъ колодна пуншь!

Шумихинъ.

А вамъ, Monsieur Теоро,

Не должно бъ начинать сего дня епи-
споровъ:

Вы другу своему надѣлали вреда.

Теоровъ.

Вреда! по чѣмъ?

Шумихинъ.

А шѣмъ, что ети господа

Надъ вашимъ авпоромъ свое покажутъ
мщенье,

И шиканьемъ начнутъ и кончатъ предста-
вленье.

И я пошикаю.

Теоровъ.

Помилуйте, за что?

Шумихинъ.

За то.... что ужь теперь не хлопаетъ ни кто.

Къ тому жь мнѣ авторъ врагъ, и въ етомъ человѣкѣ

Я многимъ отомщу; притомъ же въ нашемъ вѣкѣ

Цѣнитель истинный есть тотъ, кто все бранитъ.

Теоровъ.

Цѣнитель истинный не шикаетъ — молчитъ.
И какъ не стыдно вамъ судить по интересу?
Вѣдь вы не автора должны цѣнить, а пьесу.

Шумихинъ.

Убивши автора и пьесу я убью.

Теоровъ.

Но вы не журналистъ.

Шумихинъ.

И какъ я мысль мою
Молчаньемъ выразить могу на счетъ поета?

Вѣдь нужно общую довѣренность на ето,
А чѣмъ купить ее?

Теоровъ.

Познаньями, умомъ
И безпристрастіемъ.

Шумихинъ.

Все такъ, но дѣло въ томъ,
Что въ наши времена ни кто не безпристрастенъ,
Такъ духу общему невольно я подвластенъ.

Теоровъ.

Къ одной лишь истинѣ пристрастну должно быть.

Шумихинъ.

Помилуйте, за что жъ такъ строго всѣхъ судить?
Вѣдь шикать иногда заставятъ васъ сосѣди,
Провинціальные обритые медвѣди....

Теоровъ.

Не хуже стриженыхъ столичныхъ обезьянъ!
Не хуже тѣхъ ребятъ, которыхъ шарлатанъ,

Лишь только бъ былъ Французъ, не рѣдко
за носъ водишъ.

Шумихинъ.

Какой огонь! ей, ей, сударь, на васъ находитъ...
Княгиня Марабу!

Явленіе VI.

Тѣже и Княгиня Марабу.

Княгиня, *Сабоени.*

Une livre de pastilles.
Bonjour Messieurs! *(Шумихину).* Я вашъ
смотрѣла водевиль:
Куплеты славные и пьеса пресмѣшная.

Шумихинъ.

Сего дня въ первый разъ комедія.

Княгиня.

Какая?
Я ложу взять велю. Вы знаете, что я
Словесность безъ ума люблю, и у меня
На пьесу новую всегда берется ложа.

О! я на етотъ счетъ, на прочихъ не похожа:
.Люблю поэзію, особенно у насъ.

Шумихинъ.

Графиня Чудская сего дня проситъ васъ
На балъ.

Княгиня.

Сего дня?

Шумихинъ.

Да.

Княгиня.

У нихъ ужасно скучно;
Въ гостиной холодно, а въ залѣ слишкомъ душно;
Но дѣлать нечего: поѣду такъ и быть.

Теоровъ.

А вашъ вояжъ въ театръ?

Княгиня.

Придется отложить
Пока дадутъ одинъ изъ новенькихъ балетовъ.
Вы правы: надобно намъ поощрять поетовъ.
Adieu, Messieurs!

Шумихинъ.

Я васъ въ карету провожу,
А тамъ потчасъ въ театръ и пьесу по-
гляжу.
(Уходитъ).

Явленіе VII.

Теоровъ, Хлѣвской и Сабоени.

Теоровъ.

И вотъ какимъ судьямъ оставлена словес-
ность!
Вотъ кто даетъ успѣхъ и дѣлаетъ извѣст-
ность!
Однакожъ, какъ бы мнѣ въ театръ не опо-
здать....
(Хочетъ идти).

Хлѣвской, *вставъ изъ за стола, удержи-
ваетъ его.*

Простите, что я васъ осмѣлюсь задержать.
Я слушалъ, слушалъ васъ; дошло почти до
ссоры,

А не смѣкнулъ, съ чего дались вамъ ени
споры.
Мы люди темные, такъ растолкуй, отецъ!
Теоровъ, *въ сторону.*
Ну вотъ Шумихина медвѣдей образецъ!
(Вслухъ).
Вы сами слышали.
Хлѣвской.
Да вслушался я дурно:
О чемъ былъ споръ.
Теоровъ.
У насъ былъ споръ литтературной.
Хлѣвской.
Литтературной!.... Нѣтъ, я все не доберусь.
Я, милостивецъ мой, вамъ въ ножки покло-
нюсь,
Когда узнаю, что за звѣрь литтература.
Теоровъ.
Литтература есть словесность.
Хлѣвской.
Вотъ-те разъ!
Какъ отъ роду въ первой теперь я вижу васъ,

Такъ отъ роду въ первой пришлось мнѣ слы-
шать ето;
Да что жь словесность-то? Ужь иѣтъ ли
тутъ секрета,
О чемъ у васъ былъ споръ?

Теоровъ.

Нашъ споръ былъ объ стихахъ.

Хлѣвской.

Такъ точно, вы меня разодолжили стрáхъ.
Споръ объ стихахъ! стихи!... Ну да стихи-то
что жс?

(Къ Теорову).

А ето что стихи?

Теоровъ.

Мой Богъ! опять за то же!
Мы объ комедіи заспорили.....

Хлѣвской.

Ну вотъ,
Давно бы етакъ вамъ. — Въ Москвѣ про-
шедшій годъ
По всѣмъ комедіямъ таскалъ меня подъячій:

Я съ нимъ былъ въ кукольной комедіи, въ собачей,
И въ настоящей-то, въ Русалкѣ — тамъ смѣшно!
Вы прежде какъ-то мнѣ сказали мудрено:
Словесность, да стихи, да разныя фигуры!
Прощайте!

Явленіе VIII.

Теоровъ, *одинъ.*

Вотъ еще судья литературы!
Но мнѣ пора въ театръ, тамъ бѣдный авторъ мой
Хлопочетъ и грозы не видитъ надъ собой.
Да не ужъ ли ему такое ужъ несчастье,
Чтобъ въ тысячи судьяхъ найти одно пристрастье,
А безпристрастнаго судьи ни одного?
Мой Богъ! предохрани опять шиканья его!
Предохрани меня опять дремлющихъ сосѣдей,
Опять бритыхъ обезьянъ и стриженыхъ медвѣдей!

А. Писаревъ.

XXI.

Театральные Анекдоты.

Хотя успѣхъ драматическаго сочиненія есть самый лестный для самолюбія Авторовъ; но иногда судьба ихъ зависитъ отъ самыхъ мѣлочныхъ обстоятельствъ. Дурная игра актера, нерадѣніе машиниста, оплошность режисера — часто лишаютъ ихъ награды за годовые труды. Опера *Амазонки*, сочиненіе Жуи съ музыкою Мегюля, очень хорошо была принята публикою; въ послѣднемъ дѣйствіи Юпитеръ долженъ былъ спускаться на облакѣ для развязки; зрители ожидаютъ етой минуты, показывается облако въ сіяніи, громкія рукоплескания встрѣчаютъ его, но увы!.... Акперъ, игравшій роль Юпитера, заговорился въ кулисѣ, забылъ сѣсть на полетъ и пустое облако заставило опустить занавѣсъ при громкомъ хохотѣ и свистѣ зрителей.

На провинціальномъ театрѣ играли пьесу, въ которой Поетъ въ прекрасныхъ спихахъ отдавалъ справедливосиь геніямъ Княжнина, Капниспа и Фонъ-Визена. — „О первыхъ двухъ ни слова, сказалъ задыхаясь толспой зрипель плѣшивому своему сосѣду; но для чего примѣшалъ онъ Фонъ-Визена? Намъ и такъ уже епи Нѣмцы надоѣли!“ — Добродушный провинціалъ счипалъ Русскаго Мольера иностранцемъ.

✺

Играли *Есѳирь*. — Костюмеръ превзошелъ себя въ одѣваніи Мардохея: изорванное платье, подпоясанное веревкою, волосы посыпанные пепломъ, рисовали зрителямъ горесть сего почтеннаго старца. — „Какая скупосиь! вскричалъ не доучившійся мальчикъ, оракулъ своего бенуара, — не могли богатѣе одѣть бѣднаго Актера! Если платье дорого стоитъ, то хоть бы кушакъ-по сдѣлали порядочный и надѣли парикъ почище!“

✺

Содержатель провинціальнаго театра готовился дать спектакль для пріѣзжаго Вельможи; въ дивертисманѣ, сочиненномъ на етотъ случай, были выведены Музы. — „Отъ чего ихъ только девять?“ спросилъ содержатель у балетмейстера. „Отъ того, что Музъ было столько по Миѳологіи.“— „Большая мнѣ нужда до твоей Миѳологіи! Поставь двенадцать; я хочу, чтобъ Его Сіятельство видѣлъ всѣхъ моихъ танцовщицъ.“

✻

Онъ же давалъ въ первый разъ водевиль: *Бабушкины попугаи.* — Актрисы, игравшія Терезу и Жоржету, не хотѣли надѣть на себя патронташей. — „Хорошо, сказалъ содержатель, я велю вынести ихъ лакею.“— Онъ совсѣмъ забылъ, что вся пьеса основана на томъ, что Тереза и Жоржета отъ роду не видывали мущинъ.

✻

Авторъ смотрѣлъ на первое представленіе своей пьесы; недовольный игрою Акте-

ровъ, онъ еще болѣе выходилъ изъ себя слыша звукъ, весьма похожій на шиканье. — Наконецъ самолюбіе заставляетъ его оборотиться къ сосѣду, чтобы вмѣстѣ побранить недоброжелательство публики. — Но каково же было удивленіе нашего Автора, когда онъ увидѣлъ, что сосѣдъ его спитъ и что онъ храпѣніе принялъ за шиканье.

✺

Одинъ Артистъ имѣлъ привычку каждую рѣчь начинать слѣдующими словами: „Я разскажу вамъ пресмѣшной случай.“ — Однажды одинъ изъ пріятелей нашелъ его въ слезахъ. „Что съ тобою?“ былъ первый вопросъ заботливой дружбы. — „Ахъ, отвѣчалъ рыдая Артистъ, я разскажу вамъ пресмѣшной случай: у меня умерла жена.

✺

Помѣщикъ, вѣроятно не слыхавшій о прекрасной комедіи: *Полубарскія затѣи*, завелъ доморощенной театръ и собралъ многочисленную публику изъ своихъ сосѣдей. —

Столяру, правящему должность машиниста, велѣлъ онъ поднимать занавѣсъ, когда ударятъ въ ладоши. — Наконецъ зрители собрались въ залу, дожидаясь начала спектакля. Вдругъ испуганный управитель — режисеръ докладываетъ барину, что Актеръ, играющій героя, мертво пьянъ. — Помѣщикъ бѣжитъ на сцену, даетъ полновѣсную пощечину виноватому; столяръ, почитая ето сигналомъ, поднимаетъ занавѣсъ и открываетъ изумленнымъ зрителямъ сердитаго барина, избитаго героя и полу-одѣтыхъ Принцевъ и Принцессъ, бѣгающихъ въ безпорядкѣ по сценѣ.

Писатель, какихъ много, принесъ къ Директору театра комедію въ пяти дѣйствіяхъ, прося принять ее. Огромность была однимъ изъ малѣйшихъ пороковъ сего драматическаго урода. — Директоръ, желая повѣжливѣе отдѣлаться отъ драматурга, сказалъ ему, что пьеса слишкомъ велика. — „Ето не должно

васъ безпокоитъ, сказалъ равнодушно Авторъ; я нарочно переписалъ каждое дѣйствіе на особой тетради; вы можете *отвязать* одну, или двѣ изъ нихъ и сыграть пьесу въ трехъ или четырехъ дѣйствіяхъ.“

✻

Представленіе безсмертной Ябеды нашего Аристофана — Каннисца такъ поразило купца, почти раззореннаго дѣломъ въ Гражданской Палатѣ, что онъ вскричалъ въ концѣ пьесы: „Ну вотъ! ещихъ отдали въ Уголовную Палату! чѣмъ же буду я дарить новыхъ Судей?“ — „Издавайте журналъ, сказалъ ему сосѣдъ.“ — „Ехъ башюшка! да я плохо грамоту знаю.“— „Нужды нѣтъ, не вы первые, не вы послѣдніе.“ — „Но, кажется, не было еще журналистовъ изъ купечества!“— „Пустое!

Когда издатели бываютъ торгашами,
За чѣмъ же торгашу издателемъ не быть!

✻

Извѣстный Жофруа иногда имѣлъ при-

вычку заранѣе дѣлать разборъ новыхъ пьесъ; однажды онъ заготовилъ презлую критику на новую пьесу одного своего непріятеля и уѣзжая въ деревню, приказалъ своему секретарю напечатать ее въ завтрашнемъ Фельетонѣ. — Пьеса за болѣзнію Актера отмѣнилась, а на завтра вышелъ разборъ, въ которомъ было сказано, что пьеса упала и достойна своего паденія.

Если у насъ остроуміе Жофруа находитъ мало подражателей, то неточность его иногда встрѣчается и у нашихъ Гг. Аристарховъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ

ДЛЯ

ЛЮБИТЕЛЕЙ ТЕАТРА и МУЗЫКИ,

ИЗДАННЫЙ

А. Верстовскимъ и А. Писаревымъ.

Книжка II (Музыка).

No 1.

Изъ оперы-водевиль: *Деревенской Философъ*; слова *М. Н. Загоскина*, музыка *А. А. Алябьева*.

Давно ль въ безпечности счастливой,
Среди забавъ — не зная зла,
Въ ладу съ фортуной прихотливой
Спокойно жизнь моя текла?
Я въ слѣдъ за славой не стремился,
Довольный жребіемъ благимъ;
Увидѣлъ Лизу — и проспился
На вѣкъ я съ счастіемъ моимъ.

* * *

Давно ли всѣхъ забавъ душею
Въ кругу пріятелей я былъ
И скуки ни когда съ собою
Въ бесѣду ихъ не приносилъ;
Бездѣлкой всякой веселился,
Минуты не былъ безъ затѣй?
Увидѣлъ Лизу — и проспился
На вѣкъ съ веселостью моей.

No 2.

Изъ оперы-водевиль: *Проситель*; слова *А. Писарева*, музыка *Графа М. Ю. Віельгорскаго.*

Г-жа Версакъ.

Беречь какъ можно больше время,
Трудамъ досуги посвящать,
И должность службы не за бремя,
А за священный долгъ считать;
На происки не полагаться,
Искать занятій — не кресла:
Вотъ средство до чиновъ добраться
И получать у насъ мѣста.

Арманъ.

На что употреблять исканья,
Въкъ цѣлой кланяться, ползти,
Когда однѣ лишь дарованья
Къ успѣху могутъ насъ вести.
А передъ всякимъ пресмыкаться,
Писать прошенья въ три листа:

Вотъ средство за себя стараться
И доставать другимъ мѣста.

Есперансъ.

Людей не рѣдко видишь въ свѣтѣ,
Которымъ мѣста не даютъ;
Скажите имъ, что при билетѣ
Они мѣстечко здѣсь найдутъ.
Пускай про насъ кричатъ педанты,
Что наши игры суета:
Для строгихъ есть у насъ таланты,
Для снисходительныхъ мѣста.

No 3.

Изъ оперы-водевиль: *Учитель и Ученикъ*; слова *А. Писарева*, музыка *А. Верстовскаго*.

Любовь и бракъ защиты вашей просятъ:
Безъ васъ не льзя спастися имъ ни какъ;
Признательность отъ сердца вамъ приносятъ
Любовь и бракъ.

* * *

Любовь и онъ мнѣ счастіе сулили;
Любовью съ нимъ мой жребій сопряженъ,
И въ горестяхъ отрадою мнѣ были
Любовь и онъ.

* *
*

Любовь и вы надеждой намъ оспались;
Безъ васъ и безъ нея пропали мы.
Ахъ! если бы теперь за насъ спарались
Любовь и вы.

No 4

Послѣдніе куплеты изъ оперы-водевиль: *Тридцать тысячъ человѣкъ*; слова *А. Писарева*, музыка *А. Верстовскаго*.

(*Смотри* стр. 283).

No 5.

Изъ оперы-водевиля: *Встрѣча Дилижансовъ*; слова *М. А. Дмитріева*, музыка *А. Верстовскаго*.

Надинька.

Я любви не знала прежде,
Я безпечною была;
Но повѣривши надеждѣ,
Другу сердце отдала.
Счастливъ, кто любви мечтою
И надеждою живетъ:
Онъ одинъ съ своей тоскою
Слезъ задумчивыхъ не льетъ.

* * *

Но исполнятся ль мечтанья?
Жизнью сердца жить ли вновь.
Возвратитъ ли день свиданья,
И надежду и любовь.
Сердце въ насъ не лицемѣритъ,
Мнѣ твердитъ оно: живи!
Ахъ! какъ счастливъ тотъ, кто вѣритъ
И надеждѣ и любви.

No 6.

Послѣдніе куплеты изъ оперы-водевиль: *Учитель и Ученикъ*; слова *А. Писарева*, музыка *А. Верстовскаго*.

Ипполитъ.

Я дурно съ вами поступилъ,
Увѣрясь вашимъ снисхожденьемъ,
На васъ бѣду свою сложилъ;
Но все окончилось прощеньемъ.
Однако, если посмотрѣть
На свѣтъ и на его веселья,
Не вамъ однимъ пришлось терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Шелингъ.

Извѣстный журналистъ Графовъ
Задѣлъ Мишурскаго разборомъ,
Мишурской, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ.
Пошли писатели шумѣть,
Кричать, браняться отъ бездѣлья,
А публикѣ за что жь терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье?

Даша.

Дамонъ женишься пожелалъ,
Аристъ Дамону сдѣлалъ дружбу,
Ему невѣспу отыскалъ
И обѣщалъ дѣтей взять въ службу:
За нихъ благодаритъ Дамонъ,
Себя не помнитъ отъ веселья;
И что жъ? — напрасно терпитъ онъ
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Князь.

На свѣтѣ часто видимъ мы
Что люди водятся такіе,
Которыхъ страсть для купермы
Въ дѣла припутаться чужія;
Женитъ, развестъ, одѣтъ, раздѣтъ
Они готовы отъ бездѣлья,
И ради цѣлой вѣкъ терпѣтъ
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Вася.

Поспѣетъ Лакомитъ вездѣ,
Гдѣ есть столовая бесѣда,
И не пропуститъ онъ ни гдѣ

Попойки, завтрака, обѣда.
По пальцамъ можетъ перечесть,
Гдѣ свадьба, ужинъ, балъ, веселье,
И вѣчно хочетъ перенесть
Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Людмила, къ зрителямъ.

Когда могли вамъ угодить,
Довольны будемъ мы собою,
Извольте только наградить
Своей правдивой похвалою;
Но если жъ мы скучали вамъ
И дурно авторовъ издѣлье,
То потерпѣть за что же намъ
Въ чужомъ пиру похмѣлье?

No 7.

Изъ оперы-водевиль: *Проситель*; слова *А. Писарева*, музыка *Ѳ. Е. Шольца*.

Жоржъ.

Онъ оберъ просипель,
Хлопочетъ онъ, гнется, ползетъ;

Безъ просьбы мучитель
Не встрѣпнитъ и прочь не пойдетъ;
Придите по ранѣ:
Домъ запертъ, швейцаръ хотъ и спитъ,
Онъ въ черномъ кафтанѣ
И съ просьбой у двери стоитъ.

* * *

Министры, Префекты
Отъ взоровъ его не уйдутъ;
Билеты, проекты
И просьбы невольно возмутъ;
Съ привѣтной улыбкой
Онъ къ людямъ идетъ должностнымъ —
И развѣ ошибкой
Поклонится онъ отставнымъ.

* * *

Зимою, весною,
При старыхъ, при новыхъ судьяхъ
Онъ черной спиною
Третъ стѣны въ судейскихъ сѣняхъ,
И если смотритель
Здѣсь мебелямъ опись начнетъ,

То вѣрно проситель
И въ опись къ нему попадетъ.

* *
*

Онъ всюду вопрется
Въ переднюю, въ заднюю дверь;
Вездѣ продерется
И вѣрно въ сѣняхъ ужъ теперь;
Ну словомъ онъ хочетъ
Вѣкъ цѣлой просить и просить;
Хлопочетъ, хлопочетъ.,
Чтобъ чиспой отказъ получить.

No 8.

Послѣдніе куплеты изъ оперы - водевиль: *Встрѣча Дилижансовъ*; слова *А. Писарева*, музыка *А. Верстовскаго*.

(*Смотри* стр. 313).

No 9.

Изъ оперы-водевиль: *Встрѣча Дилижансовъ*; слова *П. Н. А.* музыка *А. А. Алябьева.*

Славянъ.

Ее два раза видѣлъ я,
Она собой меня плѣнила;
Съ тѣхъ поръ веселость мнѣ моя
Какъ легкій призракъ измѣнила.
Кляня пристрастіе мое,
Надежду истребить желаю;
Хочу забыть, но все ее
Моей душѣ напоминаю.

* * *

Едва лишь сонъ глаза сомкнетъ,
Страдальцу ночь успокоенье,
И снова день ужъ наступитъ
Опять для новаго мученья.
Невольно сердце я мое
Надеждой втайнѣ обольщаю
И съ нею вмѣстѣ все ее
Моей душѣ напоминаю.

No 10.

Изъ оперы-водевиль: *Хлопотунъ*, или *дѣло мастера боится*; слова *А. Писарева*, музыка *А. Верстовскаго*.

Надинька.

Но какъ же за душу мою
Лицо вамъ можетъ быть порукой?

Репейкинъ.

Я тотчасъ ето узнаю
Простою самою наукой.
Что вы душею хороши,
Я по лицу то вижу ясно:
Лицо есть зеркало души,
А ваше зеркало прекрасно.

No 11.

Изъ оперы-водевиль: *Хлопотунъ*, или *дѣло мастера боится*; слова *А. Писарева*, музыка *А. А. Алябьева*.

Кто горитъ любовью страстной,
Долженъ тотъ всего робѣть;
Взоръ всесильной, взоръ прекрасной,

Можетъ все ему велѣть.
Духъ въ бояхъ неустрашимый
Часто словомъ устрашенъ.
И ни кѣмъ не побѣдимый
Взглядомъ милой побѣжденъ.

* *
*

Можно ль выразить словами,
Что лишь чувствовать привыкъ?
Нѣтъ! влюбленному — богами
Данъ особенный языкъ.
Душу онъ съ душой сближаетъ,
Розой на щекахъ горитъ,
Взглядомъ сердце выражаетъ
И молчаньемъ говоритъ.

No 12.

Изъ оперы-водевиль: *Деревенской Философъ*; слова *М. Н. Загоскина*, музыка *А. А. Алябьева*.

Волгинъ.

Ты слишкомъ, милой, остороженъ,
Вѣдь дѣло все лишь въ двухъ словахъ.

Болеславскій.

Бояться я къ несчасiью должень:
Судьба моя въ его рукахъ,
И то, къ чему душей спремлюся,
Теперь зависитъ отъ него.
Едва о[illegible] смѣху удержуся:
На свѣтѣ нѣтъ смѣшнѣй его.

Волгинъ.

Я, видно, толку не добьюся:
Понять не льзя тутъ ничего.